

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
АКАДЕМИКА БАБАДЖАНА ГАФУРОВА

На правах рукописи

Раджабов Бохир Мукаммилович

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ИДЕЙНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ЛОИКА ШЕРАЛИ В КОНТЕКСТЕ ЕГО
ПУБЛИЦИСТИКИ

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности: 10.01.03 - Литература народов стран зарубежья (таджикская
литература)

Научный руководитель:
Доктор филологических наук,
профессор М.Ходжаева

Душанбе-2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-12
ГЛАВА I. ЛОИК ШЕРАЛИ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК И ПУБЛИЦИСТ.....	13-59
1.1. Социально-политическая обстановка в Таджикистане и литературно-публицистическая деятельность Лоика Шерали.....	13-36
1.2. Классификация литературно-публицистического наследия Лоика Шерали.....	36-59
ГЛАВА II. ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА ЛОИКА ШЕРАЛИ.....	60-105
2.1. Вопросы художественной литературы и литературной критики	60-99
2.1.1. Лоик Шерали о роли поэта и назначении поэзии.....	61-80
2.1.2. Лоик Шерали о творчестве классиков и современников..	80-91
2.1.3. Лоик Шерали о начинающих поэтах.....	91-97
2.2. Вопросы перевода и литературных связей Запада и Востока.....	97-105
ГЛАВА III. ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНО - ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛОИКА ШЕРАЛИ.....	106-147
3.1. Социальные проблемы и вопросы национальных традиций.....	106-120
3.2. Проблемы языка и национального самосознания.....	120-147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	148-151
БИБЛИОГРАФИЯ.....	152-176

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Известно, что социально-политические и культурные явления второй половины XX века оказали особое влияние на литературу и печать этого периода. В научно-исторической и художественно-публицистической литературе этот период обозначен как эпоха особых идейно-содержательных и композиционно-стилевых достижений [172; 173; 331; 332].

Под воздействием наиболее значительных событий эпохи ряд писателей, критиков и публицистов в своих сочинениях стремились обращаться к злободневным социально-политическим и культурным проблемам и показать пути их решений. С точки зрения постановки актуальных проблем вызывают интерес публицистические произведения, опубликованные в периодической печати рассматриваемого периода. Научно-критические труды в периодической печати охватывали не только отдельные достижения социальной, культурной и литературной жизни, но и освещали общую обстановку той эпохи. Несмотря на всю свою значимость литературно-критическая публицистика 60-80-х годов XX века не была предметом серьезных исследований, и лишь отдельные ее аспекты, связанные с творчеством некоторых литераторов, вошли в орбиту научных изысканий и анализа.

Всестороннее исследование социальных и литературных аспектов второй половины XX века, в частности 60-80-х годов способствует выявлению особой значимости выбранной темы. В литературно-критических и публицистических сочинениях эпохи большое значение придается социально-духовным явлениям жизни общества. На их основе вычерчивается общее мировоззрение и эстетические взгляды, а также уровень восприятия литературы и публицистики в отражении социальных и культурных идеалов эпохи. Такое представление подтверждает особое значение литературно-публицистических произведений в данный исторический период.

Исследователи, изучающие идеологические особенности этой эпохи под влиянием социально-политических преобразований, заметив удивительные явления в структуре и содержании этой борьбы, с точки зрения новаторства и литературной смелости считают их весомыми. В критике, публицистике и литературе все большее место стали занимать такие понятия, как самосознание и самопознание, в которые вкладывались особенный, отличающийся от других эпох, смысл. В связи с этим для обозначения смысла литературно - публицистической борьбы второй половины XX века вошли в обиход термины «литературная смелость», «литературная отвага», «публицистическая смелость» и другие, раскрывающие истинное лицо литераторов и публицистов.

Со второй половины 80-х годов XX века в связи с перестройкой и гласностью в политической жизни начался новый период и в литературе. Критические и публицистические сочинения таджикских писателей отражают почти все направления социально-политической и культурной жизни и борьбы эпохи.

С этой точки зрения выявление места и роли известного таджикского литератора Лоика Шерали в развитии публицистики и литературной критики представляется весьма актуальным. Начиная со второй половины 60-х годов XX века до конца своей творческой деятельности, кроме поэтических произведений он написал около 150 критических и публицистических произведений, в том числе статей, рецензий, интервью, выступлений, вступительных слов - предисловий, писем, послесловий и т.п., подтверждающих его значительное место в литературно-критической публицистике и литературной критике. Это наследие известного литератора также достойно отдельного исследования и издания.

Кроме того, в формировании социально-литературной публицистики советской эпохи и постсоветского времени Лоик Шерали и его современники внесли свою достойную лепту. Его публицистические сочинения, посвященные проблемам социальной и культурной жизни

советского времени и периода гражданской войны 90х годов XX века имеют особое значение в осмыслении примечательных особенностей этих двух сложных и проблемных периодов. Современный читатель на основе этих сочинений может получить исторические уроки, и именно поэтому научное и эстетическое значение литературной и публицистической прозы Лоика Шерали весомы, как для советской эпохи, так и периода суверенитета страны.

Степень изученности проблемы. О жизни и творческой деятельности Лоика Шерали существуют многочисленные монографии, диссертации и статьи исследователей, в том числе книги А. Сайфуллоева [190], Ю. Акбарзода [171], У. Гаффорова [181; 182], Гулназара [179], А. Сатторзода [215], С. Абдулло [205], К. Абдулова [166], М. Нарзикула [203] и других. Также можно найти материалы в книгах по истории таджикской литературы XX века [172; 173; 233; 265] и статьях по различным проблемам современной литературы и места Лоика в сегодняшней поэзии [167; 179; 196; 211; 214; 215; 216; 284; 277; 286]. Два издания сборника «Марсияи хуршед» («Элегия солнцу»), подготовленное к печати С. Абдулло [192], сборник стихов, воспоминаний и статей под названием «Лоикнома» («Лоикнаме»), подготовленный А. Сайфуллоевым [190], , специальный выпуск журнала «Садои Шарк», посвященный юбилею поэта под названием «Ёдкадаи Лоик Шерали» («Памяти Лоика Шерали») [274], художественное произведение Народного писателя Таджикистана Сорбона «Лоикнома» («Лоикнаме») [7] и другие также посвящены особенностям жизни и творчества этого поэта.

В некоторых из этих сочинений речь идет о литературно-публицистических взглядах, литературных поисках и активном участии Л. Шерали в общественно-политической жизни и процессе национального самосознания таджиков на основе его публикаций в периодической печати

и других изданиях. В данном случае можно упомянуть статьи литературоведа Ю. Акбарзода [270], Н. Махмудовой [275], А. Муроди [276; 277], Ш. Насриддинова [278]. О взглядах Л. Шерали о надписях и надгробных камнях написано две статьи академиком А. Мухторовым [202, 143-155].

В исследованиях литературоведа А. Давронова [183; 184; 243], исследователей М. Бариевой [177; 241] и Н. Хомидовой [258] речь идет о значении переводческой деятельности Л. Шерали. В них же есть интересные высказывания о проблемах критики перевода и взглядах Лоика Шерали по вопросам перевода.

В этом значении исследование и выявление места и роли Лоика Шерали в развитии советской и постсоветской критики и публицистики, поиск качественных своеобразий в его литературно-критических сочинениях реже встречается в работах литературоведов. В этом плане представляет интерес книга У. Гаффорова «Султони диёри сухан» («Король страны слова») и другие ее издания «Шахбози осмони сухан» («Орел на небесах слова») и «Лоик Шерали» [181], статьи критика Ю. Акбарзода [266; 269].

Литературовед М. Нарзикул в своей книге «Фуруғи хастӣ» («Свет бытия») [203], посвященной исследованию жизни и творчества Л. Шерали, впервые обратил внимание на его прозаические сочинения с точки зрения мастерства писателя и подверг анализу ряд литературных статей. По его мнению, «проза Лоика, вообще, и два его предисловия в частности имеют особое научное, литературное и познавательное значение» [203, 38]. Этот ученый оценивает два предисловия Л. Шерали равноценными по значению с трудами академиков М. Шакури и Р. Масова.

Высоко оценил предисловие Лоика Шерали на книгу М.Шакури, уподобив его прозе классиков, иранский ученый и поэт Алиризо Казва:

«Проза Лоика в предисловии книги «Хуросон аст, ин чо» («Здесь Хорасан») напоминает мне прозу великих писателей Абдурауфа Фитрата и Ахмад махдума Дониша и расцвет прозы этого периода» [192, 121].

По свидетельству литературоведа С. Абдулло, проза Л. Шерали «настолько ярко сохранила свою оригинальность и сладость персидского языка и столь впечатляюща, что подобную ей во всем протяжении литературы найти нелегко» [192, 278]. По мнению этого ученого, среди его многочисленных статей, литературных вступлений и переводов есть и такие, что «по своей выразительности и содержанию их можно считать беспрецедентными», и «все эти сочинения свидетельствуют о превосходном знании им нашей предыдущей литературы и персидского языка» [192, 278].

Юсуф Акбарзода в ряде своих статей [267; 268], а также в монографии «Гений поэта и совершенство поэзии» стремился разъяснить значение и содержание некоторых статей и писем Л. Шерали и тем самым определить его роль в истории таджикской культуры и науки.

Пристальное внимание Л. Шерали к проблемам самосознания и почитания национальных ценностей, в том числе языка стало предметом исследований ученых М. Шакури, В. Самада [233; 288], Ю. Акбарзода [171; 270], А. Сатторзода [214; 215], Ориёнфара [205], М. Нарзикула [203], Гулназара [179], У. Гаффорова [181;182] и других.

Таким образом, выясняется, что в перечисленных трудах в основном рассмотрено его поэтическое творчество, прозаическое же наследие писателя до настоящего времени не стало предметом отдельного исследования. Вопрос о необходимости монографического исследования литературно-критических сочинений Л. Шерали, по нашим наблюдениям, впервые был поставлен литературоведом Исматулло Хидоятзода, по мнению которого, «они должны быть изучены, собраны и изданы отдельным сборником» [287].

Однако ни в одном исследовании до настоящего времени отдельно не рассмотрены литературно-критические и публицистические сочинения Л. Шерали и его роль в развитии литературно-критической мысли и писательской критики. Именно поэтому, на наш взгляд, следует собрать все прозаические сочинения поэта и на основе жанровой классификации, анализа содержания, идейно-тематических особенностей провести исследование и выявить роль писателя в развитии социально-политической, идеологической и литературной мысли конца XX века. Такая работа позволит выявить место Л. Шерали не только как выдающегося национального поэта, но и как активного публициста, тонкого критика, оригинального историка, глубокого социолога, прогнозирующего будущее нации. Л. Шерали завоевал особое место не только в поэзии, но и в литературоведении, лингвистике, публицистике и литературной критике и оставил не только поэтическое наследие, но и многочисленные радио и телевыступления, интервью, письма, статьи, рецензии и т.п., в которых ставил острые социально-общественные проблемы современного общества.

Цель и задачи исследования. Основная цель диссертации – определение значения литературно-критической и писательской критики Лоика Шерали, его поисков в таджикской литературной критике в контексте его публицистики второй половины XX века. В связи с этим в диссертации ставятся следующие задачи:

- анализ литературной и культурной обстановки Таджикистана во второй половине XX века;
- изучение литературно-критической и публицистической деятельности Лоика Шерали и выявление условий формирования его литературно-критических и социально-философских воззрений;
- определение жанровых особенностей нехудожественной прозы Лоика Шерали, классификация ее разновидностей, анализ тематического диапазона и своеобразия содержания его критики и публицистики;

- выявление особенностей прозаических сочинений Лоика Шерали, связанных с социально-политической проблематикой, вопросами истории, культуры, национальных традиций, их анализ с точки зрения постановки проблем языка и национального самосознания, литературы и литературной критики;

- освещение теоретических проблем современной таджикской литературной критики и публицистики, выявление их связи с литературой и художественным творчеством;

- выявление места и роли Л. Шерали в таджикской литературно-критической мысли второй половины XX века.

Методология исследования и теоретические основы работы.

Методологическим принципом, положенным в основу диссертации, является историко-сравнительный анализ материалов. Методологическую основу диссертации составили труды таджикских, русских и других восточных и европейских ученых по проблемам публицистики и литературной критики, научные воззрения А. Г. Бочарова, В. И. Бурсова, В. М. Горохова, Сохиба Табарова, Мухаммеджона Шакури (Шукурова), Атахона Сайфуллоева, Абдунаби Сатторзода, Худои Шарифова и других.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые литературно-критические и публицистические произведения Лоика Шерали, как нераздельная часть его творчества, стали объектом специального комплексного изучения. Впервые определены жанровые особенности нехудожественной прозы Лоика Шерали, дана классификация ее разновидностей, анализированы тематика, содержание и стилевые особенности его критики и публицистики. В работе предпринята попытка обобщения и анализа материалов, большинство которых впервые стало объектом исследования.

Источниками исследования послужили:

- статьи, рецензии, интервью, беседы, выступления, предисловия, послесловия, письма, опубликованные начиная с 60-х годов XX века до

конца жизни писателя в таджикской и русской прессе, а также в различных изданиях и сборниках;

- книги и отдельные сборники научно-публицистических статей, собранных и подготовленных к печати Лоиком Шерали;

- публицистические произведения и литературно-критические статьи современников Лоика Шерали.

- диван Лоика Шерали, сборники стихов других поэтов

Кроме того, автором диссертации использовано большое количество научной литературы.

Объектом исследования послужили литературно-критические и публицистические произведения таджикского поэта Лоика Шерали и его современников.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования.

В диссертации разрабатывается и обосновывается ряд теоретических положений, связанных с литературно-критической публицистикой и писательской критикой в таджикской литературной критике и публицистике.

Материалы диссертации могут быть использованы при написании книг по истории литературы XX века, литературной критики XX века, преподавании курсов «История новейшей таджикской литературы», «Современные литературные течения», «Литературная критика», «Публицистика XX века» на филологических факультетах вузов Таджикистана, при написании научных исследований, магистерских и курсовых работ.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Лоик Шерали внес достойную лепту не только в развитие таджикской поэзии, но и в литературную критику и публицистику второй половины XX века своими литературными заметками, статьями, рецензиями, интервью, обзорами, предисловиями, послесловиями, эссе, письмами, обращениями, которые в свою очередь способствовали

укреплению национальных и социальных ценностей, чувства национального самопознания и самосознания в современном таджикском обществе;

– литературно-публицистическую деятельность Лоика Шерали в зависимости от субъективных и объективных – социально-политических факторов можно разделить на три этапа: со второй половины 60-х годов до середины 80-х годов; вторая половина 80-х годов XX века; 90-е годы XX века;

– критика поэтических произведений поэтов-современников и особенно молодых авторов, пристальное внимание к каждому образу, слову и выражению, интерес к национальной культуре и защита национальных ценностей в 60-70-е годы XX века, бережное отношение к культурному наследию, национальным традициям составили суть литературно-публицистической деятельности Лоика Шерали;

– в литературно-критической публицистике и писательской критике Лоика Шерали наблюдается широкая эрудиция, знание истории и культуры страны, глубокие социальные взгляды и аналитический ум автора. В них красной нитью проходят вопросы национальных традиций и родного языка, интерес к неосвещенным страницам истории и трагических событий 30-х годов XX века;

Апробация. Диссертация обсуждена на кафедре современной таджикской литературы Худжандского государственного университета им. академика Б.Гафурова (протокол №6 от 16.02.2016) рекомендована к защите. Основные положения диссертации опубликованы в 8 статьях, 3 из которых являются журналами, включенными в перечень ВАК Минобрнауки РФ. По теме диссертации автор выступал с докладами на научно-теоретических конференциях ученых и исследователей Согдийской области, а также на конференциях профессорско-преподавательского состава ХГУ им. академика Б. Гафурова.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, шести разделов, заключения и библиографии. Общий объем диссертации – 181 стр.

ГЛАВА I

ЛОИК ШЕРАЛИ - ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК И ПУБЛИЦИСТ

1.1. Социально-политическая обстановка в Таджикистане и литературно-публицистическая деятельность Лоика Шерали

Литературно-публицистическая деятельность Лоика Шерали началась во второй половине 60-х годов XX века, в годы подъема художественной мысли и переосмысления человеческих ценностей в культуре и литературе. Изучение материалов по истории литературы и таджикской печати данного периода показывает, что произведения известных таджикских поэтов и писателей, таких как Сотим Улугзаде, Фазлиддин Мухаммадиев, Мумин Каноат, Бозор Собир, Гулрухсор Сафиева и других, в творчестве которых нашли свое отражение духовные и нравственные проблемы современности, оказали глубокое воздействие на возрождение национального самопознания.

Творческие искания ученых, литераторов и журналистов Махмуджона Вохидова, Доро Дуста, Рахима Кубодиёни, Мастона Шерали, Гоиба Сафарзаде, Уруна Кухзода, Мазхабшоха Мухаббатшоева, Муродуллоха Шерализода, Бурхона Гани, Фотеха Абдулло, Мехмона Бахти, Хабибулло Файзулло, Шохмузаффара Ёдгори, Камчина Чиллаева, Хасана Мухаммади, Вали Самада, сыгравших немаловажную роль в становлении и развитии национального самопознания, способствовали качественным преобразованиям в духовной культуре этого периода. Среди славных имен этой плеяды художников-новаторов имя Лоика Шерали, своеобразное творчество которого в постсоветском пространстве было признано ярким образцом национального самопознания и патриотизма, принадлежит к числу весьма известных.

Литературно-публицистическую деятельность Лоика Шерали можно подразделить на три этапа. Такая классификация обусловлена стремлением рассмотреть в многоаспектном плане стилистическое своеобразие и тематический диапазон литературно-публицистических и критических сочинений этого художника слова, своеобразие его творческой манеры в

отображении насущных социальных проблем общества и постигнуть через призму его публицистических сочинений суть событий, произошедших в этот переломный для страны период:

1. Первый период - со второй половины 60-х годов до середины 80-х годов.
2. Второй период - вторая половина 80-х годов XX века.
3. Третий период - 90-е годы XX века.

Специфику первого периода литературно-публицистической деятельности Лоика Шерали и его современников во многом определяют политические и социальные события XX века, повлекшие за собой изменения в отношении политики и общества к историческим процессам и традиционным ценностям прошлого. В этой связи следует отметить проведение XX съезда партии (1956), ставшего отправной точкой перемен в общественном сознании. Качественные преобразования в политической и общественной жизни способствовали формированию толерантного отношения к прошлому и проблеме изображения человека в литературе и искусстве. Переиздание арабской графикой произведений классиков таджикской литературы, чествование годовщины таких маститых поэтов и писателей персидско-таджикской литературы как Рудаки, Амир Хусрав, Хафиз, Джами, Ахмад Дониш в 50-е и 60-70-е годы прошлого столетия также благоприятствовали возрождению национальных традиций и возрастанию интереса общества к национальным ценностям. Этот тезис развивается и в научных разработках многих исследователей истории литературы и литературной критики [172; 173; 179; 181; 192; 233 и г.].

Следует отметить, что 80-е годы прошлого столетия на литературную арену вступило целое сообщество литераторов, деятельность которых всецело была направлена на продолжение дел и развитие идей писателей-шестидесятников. Вместе с тем, идейно-нравственные искания таджикских писателей и поэтов 60-70-х годов XX века отличается от идейных устремлений их преемников глубиной содержания и широким видением

проблем, которые сводились к возрождению национальных обычаев и обрядов, сохранению чистоты родного языка и самобытности народа, к бережному отношению к прошлому. Эти положения нашли отражение и в публицистике исследуемого периода.

Политические и общественные события, произошедшие в постсоветском пространстве в период перестройки и гласности, начиная с проведения пленума коммунистической партии в апреле 1985 года, сыграли важную роль в новейшей истории таджиков. Процесс перестройки и гласности был нацелен на проведение реформ во всех сферах общественной жизни: в политике, экономике, промышленности, сельском хозяйстве, науке и культуре и способствовал усилению гражданского звучания и социальной критики как в литературе, так и в публицистике. Коренные преобразования общественного сознания, направленные на развитие демократии, привели многих представителей интеллигенции на политическую арену и способствовали усилению социальной критики в их произведениях.

Системное изучение и анализ идейного содержания художественно-публицистических и критических сочинений Лоика Шерали показывает, что основной стержень его публицистики составляют вопросы национального самосознания, сохранения культурных ценностей и национальной самобытности, о которых во всеуслышание заявлял публицист в своих статьях. Гласность, присущая литературе периода перестройки, получило широкое развитие и в 80-е годы XX века.

Лоик Шерали до приезда в город Душанбе, во время учебы в Педагогическом училище города Пенджикента прошел школу умудренных знаниями и опытом наставников, таких как Абдуджаббор Шарифзода, Кутбиддин Раззокзода, Низомиддин Сироджиддинов, Отакул Низоми, Али Джуразода, Одина Джабборов и других. Затем стремление постичь искусство слова приводят молодого Лоика в Душанбинский государственный педагогический институт, где он получил широкие

знания по литературе и таджикскому языку от известных во всей стране педагогов Холика Мирзоаде, Носирджона Масуми, Джонон Бобокалоновой, Мухаммада Исматуллоева, Абдулгани Эшонджонова, Одила Маджлисова, Хабибулло Саидмуродова, Зулфии Мирзаевой.

На протяжении своей трудовой деятельности Лоик Шерали занимал следующие должности:

-редактор литературного отдела Радио Таджикистана (1963-1965);

-литературный сотрудник газеты «Комсомоли Тоҷикистон» («Комсомолец Таджикистана») (1965-1966);

-заведующий отделом поэзии журнала «Садои Шарк» («Голос Востока») (1967-1975);

-главный редактор журнала «Голос Востока» и секретарь правления Союза писателей Таджикистана (1979-1990);

-председатель Международного фонда персидско-таджикского языка.

Литературно–публицистическая деятельность Лоика Шерали после окончания вуза началась на Радио (1963-1965) в качестве редактора литературного отдела, а после службы в армии продолжилась в издательстве «Комсомолец Таджикистана» на должности литературного сотрудника газеты (1965-1966). Работа в издательстве, в кругу прогрессивных журналистов и писателей способствовало совершенствованию его художественного видения, росту мировоззрения и усилению критического взгляда. В 60-е годы XX века творческую команду издательства представляли такие видные в стране деятели культуры как Абдулло Зокир (главный редактор), Бахтиёр Муртазов, Отахон Латифи, Дадоджон Раджаби, Муким Абдурахмонов, Гулназар, Давлати Даврон, Гани Джуразаде, основным кредо которых было служение отечеству во благо нации, развитие общественного сознания и демократизации во всех сферах общества.

В целом, оценивая роль этого молодежного издания и ряда других издательств в духовной жизни общества, можно прийти к выводу, что в

годы социальных преобразований, выступив в качестве катализатора общественного обновления, они оказали определенное влияние на становление таджикского языка в качестве государственного языка, а также развития национальной литературы и печати.

С этой точки зрения углубленное научное осмысление истории литературы XX столетия в тесной взаимосвязи с историей таджикской печати, а также роли и места печатных изданий и их представителей в формировании общественного сознания и национального самопознания стало настоятельной научной потребностью. Особую актуальность в настоящее время приобретает научный анализ печатной информации, в частности публицистики, способной участвовать в формировании и утверждении национального самосознания.

В этой связи следует отметить, что ряд известных таджикских писателей такие как Сотим Улугзаде, Мирзо Турсунзаде, Фазлиддин Мухаммадиев, Мумин Каноат, Лоик Шерали, Бозор Собир, Гулрухсор Сафиева, Мутеулло Наджмиддинов, Бахром Фируз, Мавджуда Хакимова, Гулназар, Саидали Мамур, Кароматуллох Мирзо и другие прошли школу мастерства в издательстве «Комсомолец Таджикистана» и получили широкую известность как пламенные борцы за социально-экономическое и нравственное обновление общества. Их произведения в настоящее время признаны одним из лучших образцов словесно-художественного творчества периода преобразований.

Тесная взаимосвязь с печатью и широкая публицистическая деятельность позволили сотрудникам прогрессивных газет активно участвовать в общественных процессах и принятии решений по насущным социальным и духовным проблемам общества.

Другим немаловажным фактором обновления литературы последних десятилетий XX века и усиления гражданского звучания в художественном творчестве писателей этого периода является наплыв новых творческих сил в издательства, известные своими передовыми

идеями, в частности в газету «Маориф ва маданият» («Просвещение и культура»). В их числе можно назвать Уруна Кухзода, Мастона Шерали, Доро Дуста, Джуму Одина, Ходжи Мурода, Асадулло Садуллаева, Махмадалишоха Хайдаршоха, Мирзо Боки, Мазхабшоха Мухаббатшоева, Султона Шохзоду, Хайрата Шанбезода, Хикмата Рахмата и других, внесших посильный вклад в дело развития национальной литературы и печати. Таджикский философ Акбар Турсун в своем эссе, посвященном Буриносо Бердиевой и ее роли в развитии таджикской печати, называет это издательство местом продвижения диссидентства в таджикском обществе, то есть сообщества людей, не согласных с господствующей идеологией. По словам Акбара Турсуна, в эти годы «в нашем Таджикистане также были диссиденты. Благодаря гражданской смелости и личной поддержке Бердиевой ревностные и инакомыслящие писатели смогли встать на ноги и распространить свои «сектантские» сочинения среди читателей» [271-1, 6].

Бурное развитие плюрализма и гласности позволило выступить известному таджикскому поэту Бозору Собиру на страницах этой газеты острыми полемическими публикациями с националистическими идеями и тем самым привести в негодование некоторых представителей власти. В тот момент Бердиева, как истинный борец за свободное волеизъявление, взяв на себя ответственность, несмотря на давление вышестоящих инстанций, не подвергла Бозора Собира административному наказанию [271-1, 6].

Таким образом, изучение объективных условий и факторов повышения роли печати в обновленческих процессах и в демократизации общественной жизни, показывает, что усилиями сотрудников газеты «Комсомолец Таджикистана» в деле возрождения национального самопознания и пропаганды ценностей национальной культуры были предприняты решительные шаги. Так, в этом издании с привлечением доказательств и авторитетных источников был напечатан материал о

значении национального праздника Навруз, ставший одним из поводов для возмущений и противоречивых взглядов в обществе по вопросам утверждения национального самосознания на новых принципах и реалиях. Об этих волнениях не раз говорили и писали философ А.Турсун, критик Ю. Акбарзода, историк У. Гаффоров, писатель Сорбон, журналисты М.Мухаббатшоев, С. Аюбзод, и потому в настоящем исследовании нет необходимости останавливаться на исследовании этого вопроса.

Об идеологических противодействиях по отношению к начинаниям некоторых сотрудников печати поэт Гулназар Келди высказывается следующим образом: «Одного нашего сотрудника наказали за то, что он назвал свою статью «Дуои мустақоб» («Услышанная молитва»), так как слово «мустақоб» религиозное слово». Эти факты свидетельствуют о сложности условий, в которых приходилось жить и работать отличающимся свободолюбием сынам отечества. Из чего следует заключить, что таджикская интеллигенция исследуемого периода внесла весомый вклад в формирование общественного сознания и актуализацию национального самосознания.

Противоречия, возникшие между таджикской интеллигенцией и представителями устаревших социальных и политических структур, привели к тому, что некоторые исследователи назвали 60-е годы XX века «началом противостояния партийных руководителей и печати» [175, 210]. Причиной идеологических противоречий того времени стало несовпадение взглядов имущей власти и просветителей относительно предпосылок развития общества и таджикской государственности, поскольку в соответствии с идеологией того времени важнейшие достижения в области экономики, техники и промышленности считались заслугой только коммунистической партии, а привлечение русскоязычных специалистов - ученых, инженеров, техников, ирригаторов, аграриев и других для «ликвидации тысячелетней отсталости» рассматривалось как один из факторов технического прогресса и развития экономики и

промышленности. Бесспорно, вклад русскоязычных специалистов в развитие Таджикистана достаточно весом и за годы советской власти Таджикистан по настоящему превратился в развитое индустриальное государство и смог сыграть немаловажную роль в укреплении советского общества.

Таким образом, пребывание огромной армии профессиональных специалистов из других регионов постсоветского пространства, с одной стороны, благоприятствовало подъему экономики, в частности промышленного сектора, техническому прогрессу и увеличению числа крупных экономических, промышленных, технических и энергетических предприятий, научных и производственных учреждений, улучшению объема высококачественных научных исследований. С другой стороны, этот процесс способствовал увеличению числа русскоязычного населения по отношению к коренным жителям страны. Более того, в республике коренные жители превратились в национальное меньшинство. Таким образом, русификация общества возросла и получила развитие. Несмотря на то, что политика, проведенная Н. Хрущевым, создала благоприятные условия для либерального отношения к историческим ценностям, в период правления Л. Брежнева русификация общества пустила глубокие корни и набрала темпы. В итоге «этой новой атмосферы и политики господствующей политической партии таджикский язык был стеснен в угол домов и отдаленные селенья» [175], а таджики поставлены в ограниченные рамки. Более того, официальное признание русского языка в качестве государственного языка советского Таджикистана, ограничило изучение таджикского языка в школах, и родной язык стал употребляться лишь среди представителей интеллигенции, поэтов, писателей, ученых, журналистов, и представителей просвещения. Вместе с тем, в обыденной речи людей родной язык стал употребляться сравнительно меньше и в государственных предприятиях, в научных учреждениях, в организациях и управлениях, в культурных и бытовых центрах, на базарах и магазинах,

улицах и скверах вместо таджикских названий стали использоваться русские имена.

В этой ситуации партийная газета «Тоҷикистони советӣ» («Советский Таджикистан») 28 февраля 1968 году печатает статью поэта и журналиста Гоиба Сафарзода, о которой М. Шукурзода отзывается таким образом: «Сафарзода напечатал разгромную статью об ошибках в названиях государственных учреждений и контор, магазинов, ресторанов и чайхан, которые он считает своего рода оскорблением и пренебрежительным отношением к родному языку. Какую беду Иван Коваль и Центральный комитет Коммунистической партии Таджикистана привели на голову сотрудников издания! Ашур Халимов, главный редактор, тотчас же был снят с должности. Автора статьи, заведующего отделом литературы и искусства, сняли с должности» [175].

Философ Акбар Турсун, известный в те годы как борец за возвращение к историческим источникам духовной жизни и внесший весомый вклад своей научной и публицистической деятельностью в возрождение и становление национального самопознания, вспоминает об этом следующим образом: «Покойный Сафарзода был чутким журналистом и патриотом, и в своей статье он предложил правильное написание на русском языке таджикских имен. Однако его своевременное предложение идеологическими блюстителями было расценено как элемент «национализма», в то время, как целью Сафарзода было предотвращение проявления того же самого национализма» [271-3,6]. В этой статье А.Турсун наряду с насущными вопросами современности дает правдивую оценку роли Лоика Шерали в социальных и культурных преобразованиях в постсоветские годы. В вопросах сохранения национальной идентичности публицистические воззрения Сафарзода во многом совпадают со взглядами Лоика Шерали по поводу сохранения родного языка и с этой точки зрения представляют для нас исследовательский интерес. Более того, и Г. Сафарзода и Лоик Шерали относятся к числу

передовой интеллигенции, представляющие прогрессивное течение таджиков 60-70-х годов XX столетия. Их статьи на актуальные темы современности вызывали одинаковый резонанс в обществе и приносили издательствам скандальную известность, так как в обоих случаях главные редакторы газет были освобождены от занимаемой должности и получали выговор от руководящих органов страны, а Г. Сафарзода был снят с должности. Этим объясняется издание некоторых статей Лоика Шерали под псевдонимом Л.Сайёд. В своих публикациях и Г. Сафарзода и Лоик Шерали выступали против нарушения норм таджикского литературного языка в написании имен и фамилий, географических названий, названий учреждений, предприятий и т.д. Так, например, Г.Сафарзода в своих статьях не раз критикует неправильное употребление названия Нурек вместо Норак, Гушари вместо Хушёрй, Пархар вместо Фархор и Канибадам вместо Конибодом. В то время, по словам А.Турсуна, «Таджикские газеты вынуждали использовать термины в соответствии с орфографией русского языка, и даже с использованием фонем чуждых таджикскому языку. Это лингвистическое неравенство вызвало среди таджикских литераторов негодование и могло приобрести политический оттенок» [271-3, 6].

Такая же ситуация сложилась и с публицистическими сочинениями Лоика Шерали «Наврӯзи Ленинобод» («Навруз Ленинабада») и «Дар бораи анъана ва русуми нав» («О новых традициях и обычаях»). Об этом свидетельствуют факты, приведенные в книге У.Гаффарова «Лоик Шерали»: «По приказу абсолютного правителя тогдашнего Таджикистана, второго секретаря ЦК КП Таджикистана Ивана Григорьевича Коваля, одного из злейших врагов празднования национального праздника Навруз, главный редактор газеты, известный журналист и писатель Абдулло Зокир по обвинению в национализме был освобожден с должности» [181,56].

Таким образом, борьба таджикской интеллигенции 60-70-х годов XX века за преемственность поколений, сохранение национальных ценностей и чистоты таджикского языка, исторических памятников и национальных традиций и обычаев во многом определили содержание и гражданское звучание публицистики Лоика Шерали. Вместе с тем широкие познания в области истории и национальной культуры, высокая степень социальной ответственности, осознание наиболее общих, коренных национальных интересов и критический взгляд на происходящие события позволили Лоику Шерали внести достойный вклад в решение важнейших проблем современности. В его публицистических статьях «Наврӯзи Ленинобод» (1967), «Дар боби анъана ва русуми нав» (1967), «Ҷамоли Суғдиён» («Красота Согда») (1969) ставятся злободневные проблемы современности, связанные с духовной жизнью народа и тем самым пропагандируются ценности национальной культуры.

В публицистической статье Лоика Шерали о праздновании национального праздника Навруз в городе Ленинабаде, напечатанной в газете «Комсомолец Таджикистана», наблюдается отход от идеологических стереотипов того времени и новое видение проблемы развития национального самосознания и возрождения национальных традиций и обычаев, в частности праздника Навруз. В этой статье, проникнутой чувством благоговения к исконному празднику таджиков, Лоик Шерали, проявив истинный патриотизм, выявляет недостатки и высказывает свои мысли по улучшению качества проведения этого праздника по всей стране.

О значимости вышеназванных публицистических статей этого незаурядного поэта и критика в возрождении и утверждении национального самосознания не раз высказывали свои мысли профессор У.Гаффаров и литературовед Ю.Акбарзода. Так, Ю.Акбарзода в статье «Навруз устода Лоика», рассматривая причины создания этой статьи, цель автора и публицистические воззрения автора, отмечает:

«Обращение Лоика к изображению и популяризации праздника Навруз в Ленинабаде не было случайным. Посредством этой статьи он хотел довести до руководства, в том числе руководителей первого ранга призывал уважать и оценить по достоинству национальные обычаи и свой древний город и признать праздник Навруз официальным праздником всего народа» [268].

Следует отметить, что острая публицистическая направленность сочинений Лоика Шерали способствовала усилению социальных мотивов в его последующих сочинениях как в 70-е годы XX столетия, так и в 80-е годы, а также в годы перестройки и в 90-е годы гражданской войны. Вместе с тем, наряду с публикациями, проникнутыми социальными идеями в публицистике Лоика Шерали 60-х годов встречается немало статей, посвященных исследованию вопросов возрождения национального духа, сохранения исторических ценностей, актуализации национального самосознания через информацию о культуре, языке, историческом прошлом. Сопоставительный анализ публицистики Лоика Шерали 60-х и 70-х годов показал, что пропаганда идей самосознания и национальной самобытности, были присущи в основном публикациям, напечатанным в 60-е годы, однако в публицистике 70-х годов эта тенденция не была столь ярко выражена. Это обусловлено, прежде всего тем, что в 70-е годы Лоик Шерали работал заведующим отделом поэзии литературного журнала «Голос Востока» и обращал внимание в основном проблемам развития современной поэзии и прозы, обеспечению благоприятных условий для создания ярких произведений, воспитания и подготовки новых творческих сил и т.д. Однако в последующих десятилетиях, а именно со второй половины в 80-х годах прошлого столетия в публицистике Лоика Шерали стала преобладать социальная направленность .

Второй период публицистической деятельности Лоика Шерали связан с его работой на посту главного редактора журнала «Голос

Востока» (1979-1990), на который он был избран на совместном Пленуме Союза писателей и композиторов Таджикистана (летом 1979 года). На пленуме были рассмотрены вопросы, связанные с созданием высококонрастных с точки зрения содержания музыкальных произведений, укрепления творческого сотрудничества поэтов и композиторов. Эти вопросы были освещены и в выступлениях известного деятеля печати А.Шукухи и композитора З. Шахиди. В прениях выступили видные литераторы и композиторы страны, такие как Б. Рахимзода, Л. Шерали, Г. Сафиева, Р. Амонов, А. Низомов, Ё. Сабзанов, Х. Абдуллоев, Ф. Бахор, М. Каноат, М. Назаров и другие. В конце пленума были решены организационные вопросы, связанные с освобождением Убайда Раджаба от должности секретаря Союза писателей и главного редактора журнала «Голос Востока» и назначением Лоика Шерали на должность секретаря Союза писателей и главного редактора журнала «Голос Востока». Ранее на должности главного редактора названного журнала работали писатели Пулод Толис (1959-1960), А. Рахмонов (Бахорӣ, 1961-1965) и Убайд Раджаб (1966-1979). Следует отметить, что этот период публицистической деятельности Лоика Шерали, за исключением нескольких научных разработок до сих пор не был подвергнут всестороннему анализу.

Литературно-художественный журнал Союза писателей Таджикистана «Голос Востока», известный своими лучшими традициями, под руководством Лоика Шерали внес достойный вклад в оптимизацию национального самосознания и ценностного осознания народом национальных чувств. Необходимо отметить, что эти традиции по сей день находят свое продолжение. Из истории печати известно, что первый номер этого журнала был издан в августе 1927 года под названием «Дониш-биниш» в Самарканде, а уже со второго номера новорожденный журнал стал называться «Раҳбари дониш». За девяносто лет своего существования этот журнал несколько раз менял свои названия: «Раҳбари

дониш» (1927-1932), «Барои адабиёти сотсиалистӣ» («Во имя социалистической литературы») (1932-1938), «Шарқи Сурх» («Красный Восток») (1938-1964) и «Садои Шарқ» (с 1964 г. по сегодняшний день). Заслугой этого издания является то, что, став ареной обсуждения важнейших политических, экономических, социальных и культурных проблем того времени, оно способствовало решению наболевших проблем современности. В журнале печатались выдающиеся образцы из таджикской поэзии и прозы и богатого наследия персидско-таджикских корифеев науки и литературы прошлого, произведения лучших писателей и поэтов Ирана, Афганистана, Индии, Пакистана и других западных и восточных стран.

Более того, журнал «Голос Востока», став широкой трибуной всенародного обсуждения официальных документов и проектов закона о языке и культуре, выступил в качестве общественного института, посредством которого осуществлялось определенное влияние на принятие ряда решений по созданию атрибутов государственности. Это издание знакомит нас с целой плеядой творческих лиц, выступивших на страницах журнала своими передовицами, аналитическими публикациями, рецензиями, критическими статьями по важнейшим вопросам современного таджикского литературного языка, таджикской литературы, истории и культуры.

И сегодня этот журнал, как один из влиятельных изданий Таджикистана, призван пропагандировать национальную идею посредством ознакомления широких масс с уникальными образцами древней культуры таджиков и современности, литературного наследия художников слова таджикской литературы и писателей всего мира. Всестороннее и беспристрастное исследование избранной темы на страницах литературного журнала «Голос Востока» и контент-анализ тематического диапазона публицистических материалов позволило сформулировать вывод, что в период социальных преобразований, в

особенности в период руководства Лоика Шерали, журнал утвердился как действенный и плодотворный фактор развития современной литературы, искусства и литературной критики, а также формирования общественного мнения и реабилитации исторической памяти. Таким образом, исследование роли литературного журнала «Голос Востока», в особенности в период руководства Лоика Шерали, в развитии современной таджикской литературы, искусства, литературной критики, формирования общественного мнения, и в целом, духовного возрождения нации, показывает что, благодаря активной гражданской позиции Лоика Шерали это издание стало общедоступной демократической трибуной обсуждения острых социальных и национальных проблем.

Существенную лепту в усилении влияния литературного журнала «Голос Востока» в оптимизации национального сознания внесли публикации, изданные Лоиком Шерали в период его руководства журналом, посвящённые важнейшим проблемам литературы, публицистики, творческой деятельности, литературной критики, а также рассмотрению партийных документов по вопросам культуры, развития современных литературных процессов, особенностей поэзии и прозы, создания творческого портрета, подготовки новых творческих сил и т.д. Круглые столы и обсуждения, организованные Лоиком Шерали в период становления национального самосознания в 80-е годы прошлого столетия, в том числе по поэме М. Каноата «Гахвораи Сино» («Колыбель Сино») с участием Лоика Шерали, Р. Ходизода, А. Хакимова, М. Диноршоева, Дж. Бакозода (Голос Востока, 1980, №5), круглый стол под названием «Чадида ва дурнамои таърих» («Джадидизм и перспективы истории», Голос Востока, 1990, №3) с участием М. Шукурова, А. Абдуманнонова, Г. Ашурова, Р. Ходизода, М. Диноршоева, И. Шарифова также способствовали утверждению национального самосознания на основе подлинных исторических начал - в контексте общечеловеческих ценностей.

Таким образом, в период активного обсуждения в республике проблем языка, журнал под руководством Лоика Шерали, публикуя многочисленные острые полемичные статьи, обзор и анализ круглых столов и бесед, обеспечивал обратную связь широких слоев населения и государственных учреждений.

Со второй половины XX века начинается новый период в духовных исканиях творческой интеллигенции, который приходится на период перестройки и гласности. Люди передовых идей в лице политических и культурных деятелей, поэтов и писателей, ученых и журналистов, представителей искусства и других слоев населения под влиянием событий, произошедших в центре советского государства, в Москве и в прибалтийских странах, направили все свои силы на коренные преобразования в обществе. В этот период обостряется интерес к историческому прошлому, к возрождению национальных традиций и обычаев и сохранению чистоты родного языка, являющегося одним из признаков национальной идентичности. Благодаря революционному периоду перестройки появилась возможность заново пересмотреть историю советского периода, пролить свет на многие темные страницы истории и восстановить имена людей без вины очерненных в своем историческом статусе. В результате возрастает интерес к истории и жизнедеятельности» ученых и литераторов прошлого. Эти обновленческие процессы в свою очередь предоставляют широкие возможности для культурно-просветительской деятельности Лоика Шерали и близких ему по духу соратников. Деятельность Лоика Шерали в 60-70-е годы прошлого столетия была направлена на оптимизацию национального самосознания через идею о важности сохранения национальной культуры, чистоты таджикского языка, как одного из самых важных отличительных и сравнительно устойчивых признаков этноса и уважения к историческому прошлому. Вместе с тем с углублением политических и социальных преобразований в 80-е годы

XX века были созданы благоприятные условия для свободного волеизъявления и это дало возможность таким свободомыслящим представителям интеллигенции, как Лоик Шерали, предпринять решительные шаги для постановки и решения сложных проблем современности, связанных с сохранением духовных и материальных ценностей, этнографическими вопросами, в частности с несправедливым распределением исконных таджикских городов Бухары и Самарканда в пользу Узбекской республики.

Сопоставительный анализ публицистики Лоика Шерали с точки зрения содержательности, отражения насущных проблем современности и роли в формировании и становлении национального сознания выявляет, что пропагандистская направленность и идейное содержание его публицистических материалов второй половины 80-х годов во многом изменились по сравнению с публикациями второй половины 60-х годов. Установлено, что в 80-е годы процессы реорганизации в обществе, изменения во многих качественных характеристиках печати и формирование действующей системы гласности, создали благоприятные условия для свободного проявления народом своей воли и осознанного отношения к важнейшим событиям национальной истории, традициям и обычаям. Эта тенденция находит яркое выражение и в публицистике Лоика Шерали, в которой наблюдается призыв к сохранению национального языка, как основного признака национальной идентичности, и других атрибутов государственности, осуждение событий трагических событий 30-х годов XX века, анализ драматичных страниц истории таджикского народа и межэтнических споров по поводу Бухары и Самарканда. Следует отметить, что в первый период публицистической деятельности Лоика Шерали господство идеологических догм, сковывавших развитие творческой мысли и объективное исследование реальных национальных процессов, препятствовали становлению национального самосознания и осознанию народом своей национальной

общности и коренных национальных интересов. Однако в годы кардинальных преобразований во всех сферах общества, известных под названием «перестройка», публицистика стала той «социальной платформой, из которой стала созревать и распространяться национальное движение. Публицистика Лоика Шерали в этом отношении не является исключением.

Во-первых, как пламенный борец за национальную идею Лоик Шерали смог отразить в своих поэтических сочинениях не только надежды и чаяния своего народа, но и боль, которую испытал народ в сложные и трагичные периоды своей истории. В поэтических сочинениях этого периода наблюдаются нравственные и социальные призывы к борьбе за национальный суверенитет, усиление мотивов патриотизма и чувства национального сознания. Гордость за славное историческое прошлое своего народа, отражение трагических страниц истории таджиков современных и давно прошедших лет, отстаивание духовных и материальных ценностей таджикского народа, отображение героических поступков великих сыновей отечества и т.д. - это неполный перечень тем стихотворений Лоика Шерали, оказавших влияние на возрождение и становление национального самосознания в обществе в период перестройки общества. Идентичное мнение высказывают многие исследователи творчества этого незаурядного поэта [171; 172; 173; 233].

Во-вторых, такая постановка проблемы отчетливо прослеживается во всех прозаических и публицистических сочинениях Лоика Шерали. Более того, его публицистические статьи, характеризующиеся злободневностью, смелым вторжением в жизнь, стремлением привлечь всеобщее внимание к решению наиболее сложных узловых проблем современности, отличаются усиленным гражданским звучанием, четкой, ориентировкой на национальной идеи. Сопоставление тематического своеобразия поэтических и прозаических сочинений Лоика Шерали 80-х годов выявляет общность в постановке и отображении социальных и

нравственных проблем. С этой точки зрения исследование публицистики в тесной взаимосвязи с его поэтическими сочинениями способствует более глубокому осмыслению философских и социальных аспектов его творчества, а также познанию мировоззренческих тенденций этого незаурядного поэта и истинного защитника традиций и обычаев предков.

«Лоику и его единомышленникам судьбою было предназначено работать и заниматься творчеством в период обновления общества; социальная и культурная среда страны в эти годы стала меняться. Во всяком случае, 30 последних лет коммунистического государства, с точки зрения политических и идеологических ограничений, полностью отличалась от сталинской эпохи. Отрадно, что поколение Лоика воспользовавшись относительно свободной атмосферой 80-х годов, смогло исполнить свое предназначение, осуществление которого для его предшественников не представлялось возможным. В действительности, в этот период поэзия проявила себя как способ познания исторической памяти и символ национального менталитета и превратилась в мощную духовную и социальную силу» [192,46].

Так, на 1X съезде писателей Таджикистана, проведенном во второй половине 80-х годов прошлого столетия, Лоик Шерали в своем докладе одним из первых ставит вопрос об оптимизации обновленческих процессов в республике [52,12]. Насущным проблемам духовного развития страны посвящена и другая статья публициста под названием «Дар дуруха» («На перепутье») [57], подвергнутая анализу Ш.Насриддиновым в его статье «Нодида ангоштан хато...» («Полагать, не зная, ошибочно...») [278].

Культурно-просветительская деятельность Лоика Шерали связана, прежде всего, с защитой и сохранением национального языка, о значимости которого для укрепления национального суверенитета не раз поэт высказывался в своих публицистических статьях.

Проблеме патриотизма и приверженности национальным идеям посвящен и другой полемичный материал под названием «О проекте», предоставленный для печати соавторами С. Турсуном, Дж. Акобировым, Бахманёром, М. Сайдаром, К. Шукрулло, Н. Салимом и другими сотрудниками журнала «Голос Востока».

Издание публицистических статей Лоика Шерали в первом выпуске сборника «Урок национального самосознания» является ярким подтверждением значимости его публикаций для возрождения и развития национального самосознания [243, 20-28, 148-153, 177-188]. О возрастающей роли публицистики Лоика Шерали в утверждении национального самосознания свидетельствует и повторное издание его статьи «Паспорт нации» в 2012 году в еженедельнике «Нигоҳ» («Взгляд»).

Вопросы национального самопознания волновали Лоика Шерали на протяжении всей его публицистической деятельности. С этой целью он публиковал большое количество острых полемичных статей, давал интервью, выступал на собраниях различного уровня. Примером может послужить его интервью под названиями «Забондӯстӣ ватандӯстӣ аст» («Любовь к языку это любовь к Родине»), «Ақлҳоро ақлҳо ёрӣ диҳад» («Ум набирает силы от другого ума»).

Активная социальная позиция Лоика Шерали проявляется и в его выступлении на пленуме Правления Союза писателей СССР (1988) в качестве народного депутата Верховного Совета Советского Союза от Уратюбинского избирательного участка №731, в котором он ставит животрепещущие для страны вопросы, связанные с социальными и духовными аспектами жизни общества. Способность и умение видеть всю многосложность жизненных явлений и ситуаций, особое, только ему присущее отношение к фактам действительности, вынуждали Лоика Шерали вновь и вновь обращаться к злободневным темам современного социума: взаимоотношение людей в обществе, сохранение таджикского языка как национального достояния, спасение ценностей национальной

духовной культуры и предметов материальной культуры, защита традиций, обычаев и старинных ремесел предков, как элементов самобытности народа. Его выступления в качестве главного редактора авторитетного издания «Голос Востока» с высоких трибун официальных собраний республиканского и всесоюзного уровня, свидетельствуют о неустанной борьбе этого ревностного поэта и публициста за достижение национальных идеалов.

С первой половины 90-х годов прошлого столетия в истории Таджикской Республики начался новый этап политических и социальных преобразований. В 1991 году после распада Советского Союза Таджикистан обрел независимость и стал суверенным государством. К сожалению, первые годы независимости страны омрачены событиями братоубийственной войны.

В 1990 году на Первом съезде Фонда таджикского языка Лоик Шерали, как главный редактор журнала «Голос Востока», был избран председателем этого общественного учреждения. С этого момента его деятельность всецело была посвящена развитию таджикского языка, а в последующем, как пламенный борец за национальный суверенитет, он не раз участвовал в политических и социальных процессах страны. Участие Лоика Шерали наряду с философом Акбаром Турсуном и журналистом Отахомом Латифи в 1992 году на переговорах между правительством и противодействующими силами в качестве посредников, в который раз доказывает его политическую смелость и безграничную любовь к Родине [292,46-53].

В середине 90-х годов XX века Лоик Шерали вновь обращается к теме трагических событий истории таджикского народа. В эти годы многие представители передовой таджикской интеллигенции пытались понять суть политических событий настоящего и прошлого, в особенности пролить свет на темные страницы истории таджикского народа. В этой связи следует отметить книги академика Р. Масов

«Таджики. История с грифом совершенно секретно» (1996) и «История топорного разделения» (1989), в которых содержатся неопровержимые факты и документы о трагических событиях истории таджикского народа советского периода, история и последствия топорного разделения территории таджиков в 20-е годы XX века. Предисловие к этой книге написал Лоик Шерали, в котором он рассуждает о причинах национальной трагедии и притупления чувства национальной гордости за историческое прошлое и духовных ценностей нации (158)

В эти годы академик М.Шакури приступает к исследованию злободневных проблем, связанных с духовным возрождением нации и развития национального сознания в обществе, и выявляет факторы социального и политического кризиса в советский и постсоветский периоды. Его книга «Хуросон аст, ин чо!» («Хорасан-здесь»), изданная вначале персидским шрифтом (1996), а затем кириллицей (1997, 2005), играет важную роль в возрождении национального сознания и духовного роста нации. В диапазон исследований этого ученого входят также вопросы истории развития персидского языка, персидско-таджикской литературы и национального языка, влияния пантюркизма на судьбу таджикского народа и десятки других вопросов, касающихся исторического прошлого и национальной идентичности.

Вступление, написанное Лоиком Шерали к этой книге, признано одним из лучших образцов научно-публицистической прозы, свидетельствующей о широком историческом и социальном видении автора. В названных предисловиях Лоика Шерали, проникнутых высоким чувством патриотизма и приверженности национальным идеалам, автор на основе авторитетных исторических источников и множества фактов раскрывает причины и последствия национальной трагедии и тяжелых потрясений для народа.

На наш взгляд, немаловажными факторами усиления социальных мотивов в творчестве Лоика Шерали и обращения его к публицистике в

90-х годах прошлого столетия явились его тесная взаимосвязь и творческое сотрудничество с представителями иранской интеллигенции, а именно с просветителями, писателями и поэтами прогрессивных взглядов, персоязычными учеными и его непосредственное участие в развитии культурных и научных взаимосвязей. Этому способствовали его поездки в Исламскую республику Иран для участия на научных и культурных мероприятиях. Творческое сотрудничество Лоика Шерали с журналом «Килк» («Перо»), беседы с иранскими журналистами о развитии культурного сотрудничества стран, участие в проведении научного семинара «Персидский язык - язык науки», организация поездок культурных и научных деятелей Ирана в Таджикистан и их привлечение в развитие деятельности Международного фонда персидско-таджикского языка и т.д., являются ярким подтверждением его благосклонного отношения к культурному и научному сотрудничеству.

Обращение Лоика Шерали к публицистике обусловлено и его деятельностью на посту председателя Международного фонда персидско-таджикского языка, образованного после принятия Закона о таджикском языке (1989). Лоик Шерали был первым председателем этого научно-культурного учреждения и возглавлял его до последних своих дней. О деятельности Лоика Шерали на этой должности можно получить сведения из материалов издания «Сомон» - органа Международного фонда персидско-таджикского языка, а также его публицистических статей, опубликованных в этой газете.

В период руководства Лоика Шерали и при участии этого международного Фонда языка был проведен ряд международных конференций, в частности международная научная конференция «Книга и возрождение восточной цивилизации» (Душанбе, 1990), научная конференция лингвистов (Душанбе, 1990), научная конференция «Айни и революция Бухары» (Бухара, 1990), международный семинар «Персидский язык – язык науки» (Тегеран, 1990), изданы серия книг по изучению языка,

письма, литературы, культуры и таджикской цивилизации, в том числе «Персидская азбука» - Вохида Гаффори (сначала тиражом 55 тысяч и в последующем 120 тысяч экземпляров), «Краткий словарь «Шахнаме» У. Сулаймони, «От инфинитива до причастия» Мулло Аббоса, «Бухарский эмират: свергнутый трон или большевистский термин?», «Образцы документов делопроизводства», «Меъёр-ул-ахлоқ» («Нравственные нормы»), «Словарь литературных трудностей» А. Насриддинова и десятки других книг.

Изучение роли Лоика Шерали в возрождении и развитии национального самосознания убеждает в том, что своей широкой и плодотворной деятельностью в сфере литературы, публицистики, науки и культуры Лоик Шерали смог внести достойный вклад в развитие общественного сознания и осознания народом общей национально-государственной принадлежности. Высокое чувство личной сопричастности ко всему происходящему и понимание личной ответственности за происходящие события обязывали Лоика Шерали принимать активное участие в пропаганде идей самопознания и национальной самобытности, в стимулировании явлений, обуславливающих возникновение и формирование новой национальной идеи.

1.2. Классификация литературно-публицистического наследия Лоика Шерали

Основной ареной деятельности Лоика Шерали является поэзия, однако немаловажную часть его словесного творчества составляют критические и публицистические сочинения, в которых находит отражение пульс времени.

Опыт Лоика Шерали по расширению и углублению критических, аналитических и исследовательских тенденций в публицистике, несомненно, заслуживает изучения и всестороннего исследования. Однако на сегодняшний день в таджикском литературоведении отсутствует

специальное монографическое исследование, посвященное идейно-тематическим и жанрово-стилевым особенностям его публицистики.

В связи с этим в настоящей диссертационной работе исследование идейного содержания прозаических сочинений Лоика Шерали осуществляется с учетом их жанровых особенностей. В этом плане для нас представляют интерес теоретические разработки известных таджикских ученых С.Табарова «Теоретические основы литературной критики» [221], Дж. Хамраева «История литературной критики» [230], И. Усманова «Теория публицистики» [224], в которых находят выражение их научные доводы и положения о жанрах публицистики и литературной критики.

Прозаические сочинения Лоика Шерали состоят из статей, рецензий и отзывов, интервью, бесед, предисловий, послесловий, писем, обращений, комментариев, выступлений, воспоминаний, некрологов и т.д. Согласно проведенному исследованию названные жанры активно использовались Лоиком Шерали начиная с 60-х годов прошлого столетия. В эти годы критические и публицистические статьи Лоика Шерали издавались на страницах многих газет и журналов страны, в частности в центральных республиканских изданиях, в книгах и различных сборниках статей, как на таджикском, так и на русском языке. Его публицистические и критические статьи были изданы также и в периодических изданиях Исламской республики Иран.

Настоящим исследованием было охвачено 150 литературно-критических и публицистических сочинений, которые можно классифицировать следующим образом:

Статьи. Согласно заключениям ученых в литературно-критических статьях внимание уделяется, прежде всего, анализу, оценке и выявлению специфических особенностей произведений литературы, а также современных литературных течений. [221,130].

Перу Лоика Шерали принадлежит большое количество статей, разнообразных с точки зрения жанра и тематики, исследование идейного содержания которых поможет проследить линию развития его мировоззренческих тенденций и тем самым, определить роль и значение автора в утверждении национального самосознания. В критических статьях Лоика Шерали с целью осмысления главных эстетических и литературных проблем времени рассматриваются самые насущные вопросы развития литературы, в частности закономерности литературного процесса, творческий портрет известных художников слова с преимущественным анализом нравственно-философского содержания творчества, без которых невозможно представить себе целостную картину развития литературного процесса того времени.

Предметом детального и объективного описания критических статей Лоика Шерали явились эстетическое своеобразие творческого наследия персидско-таджикских классиков, их места и роли в эволюции таджикской литературы, а также творчество отдельных писателей, произведения национальной литературы в их сравнительном изучении в контексте прошлых традиций и в целом - выдвижение перед литературой новых актуальных тем.

Изучение и анализ различных литературных и научных источников второй половины XX века выявляет наличие более 60 статей Лоика Шерали, посвященных политическим, социальным, культурным, историческим и религиозным темам.

Статьи Лоика Шерали в основном печатались на страницах литературного журнала «Садои Шарқ» («Голос Востока»), социально-политического и культурного журнала «Коммунисти Тоҷикистон» («Коммунист Таджикистана»), «Адаб» («Этика»), иранского журнала «Килк» («Перо»), всесоюзных советских изданий – «Литературная газета», «Литературная Евразия», «Комсомольская правда», газет «Тоҷикистони советӣ» («Советский Таджикистан»), нынешний «Чумхурият»

(«Республика»), «Садои мардум» («Голос народа»), «Комсомоли Тоҷикистон» («Комсомолец Таджикистана») (ныне «Молодежь Таджикистана»), «Маориф ва маданият» (в последующем “Маорифи Тоҷикистон” («Образование Таджикистана»),, “Маданияти Тоҷикистон”(«Культура Таджикистана»), “Газетаи муаллимон» («Учительская газета»), “Омӯзгор”(«Учитель»), “Адабиёт ва санъат” («Литература и искусство») с приложением “Соединение”), «Ҳақиқати Ўзбекистон» («Правда Узбекистана») ныне «Овози тоҷик» («Голос Таджики»), «Паёми Душанбе» («Известие Душанбе»), «Ойнаи зиндагӣ» («Зеркало жизни»), «Нидои ранҷбар» («Голос труженика»), «Тоҷикистон» («Таджикистан»), «Чархи гардун» («Небесный свод»), «Ҷунбиш» («Движение»), «Зарафшон» и т.д.

Статьи Лоика Шерали на социальные темы характеризуются углубленным анализом, как общих проблем общества, так и проблем образования и культуры, нравственного возрождения общества, воспитания нового поколения в духе патриотизма и гордости за историческое прошлое, ценностей духовной культуры нации и возрождение исконных традиций и обычаев [19; 20; 22; 23; 30; 36; 46; 47; 49; 52; 63; 64; 65; 73; 76; 88; 95; 96; 110].

Изучение жанровой природы писательской критики Лоика Шерали показывает что, балансируя между собственно художественной критикой и публицистикой, Лоик Шерали стремился рассмотреть литературу своего времени как в целостности, так и в ее наиболее конкретных и характерных проявлениях. В его литературно-критических статьях поднимаются важные вопросы культурного строительства в республике, выражаются забота о судьбе национальной литературы, осознание роли художественного слова в формировании общественного сознания, рассматриваются динамика развития персидско-таджикской литературы и основные тенденции становления современного словесно-художественного творчества, вопросы традиций и новаторства в поэзии и прозе, проблемы

перевода и взаимосвязи восточной и зарубежной литературы, а также осмысление национальной сути литературы, методики преподавания в средних и высших учебных заведениях и т.д. Более того, в литературно-критических статьях критика содержится как теоретическое обоснование литературных процессов и критический анализ идейного содержания и творческого мастерства того или иного литератора, так и практическая помощь начинающим писателям и поэтам в их овладении художественным мастерством. Активное участие в литературно-критическом процессе позволило Лоику Шерали не только выявить факторы востребованности литературы современным обществом, но и познать дух своей эпохи и выразить в своих литературно-критических статьях общественное настроение [24; 25; 26; 29; 35; 41; 48; 53; 59; 111; 114; 115; 152; 153; 159; 163; 164].

Определенная часть критических статей Лоика Шерали посвящена важнейшим проблемам развития государственного языка и его места в оптимизации национального сознания в 70-90-х годах прошлого века. Публикация критических статей на эти темы обусловлена ущемлённым положением национального языка во второй половине прошлого века, обновленческими процессами 80-х годов и стремлением поэта принять участие в решении проблем, связанных с защитой и уважением национальных ценностей, в том числе государственной атрибутики, одним из элементов которого является национальный язык. Важным результатом перестроечных процессов в республике является возрождение таджикского языка и придание ему государственного статуса. Для достижения этой цели значимую роль сыграли таджикские писатели и поэты, журналисты, ученые в области лингвистики и литературоведения, философы, историки и другие представители интеллигенции, среди которых Лоик Шерали был признан одним из страстных защитников национального языка и национальной самобытности. Постановка важнейших проблем национального языка наблюдается в полемичных статьях Лоика «Як

рукни муқаддасоти миллӣ» («Одни из атрибутов национальной ценности») (1988), «Шиносномаи миллат» («Паспорт нации») (1988), “Самараи химмати соҳибзабонон” («Плоды усердий носителей языка»)(1990), “Муборак бод ин рӯзу хама рӯз” (« Да будет благословенен эти и другие дни») (1990), “Пора кунем ё чора кунем?» (« Разделить или предпринять меры», 1992), «Паёми Бунёди забони форсии Тоҷикистон» («Обращение Фонда персидского языка в Таджикистане», 1991), “Бунёди забон дар бистари замон» («Фонд языка на одре времени », 1996) и т.д., изданных в самых известных изданиях Таджикистана [67; 71; 85; 86; 161; 103; 105]. Некоторые из этих статей до сих пор не утратили свою злободневность и были несколько раз переизданы [67;71] .

Непоколебимость Лоика Шерали в вопросах сохранения и уважения духовных ценностей своего народа проявляются и в других его публикациях, в том числе в его статьях по проблемам государственного языка «Забони тоҷикӣ бояд мақоми давлатӣ дошта бошад» («Таджикский язык должен иметь государственный статус»), (1988, в соавторстве), “Перомуни лоиҳа” «О проекте» (1989, в соавторстве), “Соҳиби ин забон кист?» («Кто является хозяином этого языка») (1994, в соавторстве), “Ҳамзабонро пайванд зарур аст” («Говорящие на одном языке должны быть вместе») (1989, в соавторстве), в которых он выступает как выразитель стремлений и чаяний прогрессивной части населения того времени.

В некоторых научно-публицистических статьях Лоика Шерали в связи с рассмотрением основных предпосылок возрождения и развития национального самопознания, затрагиваются и вопросы сохранения чистоты родного языка. К такому роду материалов относятся предисловия, написанные публицистом к весьма известным трудам таджикских ученых в области литературы и истории, а именно предисловие к книге М. Шакури «Хуросон аст, ин чо!» («Хорасан-здесь»)

под названием «Вуруде ба боргоҳи ин китоб» (« Вступление в эту книгу») (119) и вступление к книге Р.Масова, о которой речь шла выше.

С наступлением перемен в жизни общества и обретением страной своей независимости, отношение к духовным и материальным ценностям претерпела изменения и художественно-критическая мысль, выступив в качестве индикатора общественного самочувствия, стала уделять большее внимание вопросам национальной идентичности в свете трагических событий далекого прошлого и настоящего . В этой связи следует отметить статьи Лоика Шерали “Биё, то зи бедод шӯем даст” («Давай, откажемся от несправедливости») (в соавторстве с М. Шакури, Р. Амоновым, Р. Масовым, В. Самадом, У. Кухзодом, 1997), “Дар ҳошияи “Фарёди солҳо”-и Б. Каримов» («На полях «Зову времен» Б. Каримова », 1998), “Шарикчашни Сомониён” («Союбиляр Саманидов») (в соавторстве с У. Кухзодом, 1999), “Имкони сар даровардани пантуркизм бояд пешгирӣ шавад!” («Возможности проявления пантюркизма должны быть предотвращены») (в соавторстве с М. Шакури, М. Каноатом, Р. Масовым, В. Самадом, У. Кухзодом, М. Ансором, М. Мухаббатшоевым, Н. Косимом, 1999), “Навои ошно, гуфтори маҳбуб” (« Знакомый напев, любимое слово») (в соавторстве с М. Шакури, М. Каноатом, Р. Масовым, В. Самадом, М. Ансором, 2000) [120; 122; 124: 126; 128].

Эти статьи носят острополемический характер, в них наблюдается активизация авторской позиции и усиление аналитики суждений и оценок. Так, в статье “Биё, то зи бедод шӯем даст”, написанной в ответ на безосновательные доводы Мухсина Идикут Кази-углу в статье, опубликованной в газете «Уртодугу», Лоик Шерали разоблачает своекорыстные интересы автора статьи [120].

Авторы встречного иска, подвергая критике пантюркистские проявления в обществе, размышляют об их негативных последствиях для общества: «В настоящее время пантюркизм набирает силы. До тех пор, пока он работает на воссоединение тюрков, является положительным

историческим явлением, но как только будет направлен против таджиков, он приобретет социальный характер и мы должны остерегаться этого и готовиться к ответной борьбе» [120,6].

Идейное содержание и тематика такого рода публикаций Лоика Шерали и их роль в идеологической борьбе таджиков является предметом обсуждения второй главы настоящего диссертационного исследования.

Интервью. Термины «интервью», «литературное интервью», «полемика» или же «беседа» употребляются для обозначения одного из основных и широко используемых жанров литературной критики и публицистики, подразумевающей беседу литератора, критика и журналиста в печати, на радио и телевидении с известным деятелем культуры и искусства. Известный таджикский ученый С.Табаров, рассматривая жанровую тождественность «беседы» с «публицистической полемикой» приходит к выводу, что «беседа» относится к литературной критике, а «публицистическая полемика» к публицистике [221, 163-166], то есть один и тот же способ осмысления главных эстетических и литературных проблем времени критики называют «беседой», а публицисты - «публицистической полемикой».

Беседа, полемика, интервью или же литературное интервью в понимании литературоведов представляет собой «беседу, обсуждение, обмен литературно-художественными, философско-эстетическими мыслями, а в некоторых случаях беседу двух или более коллег или близких по профессии и занятию людей по вопросам своеобразия новых художественных произведений или творчества того или иного писателя, или же по проблемам современной и классической литературы и различных аспектов творческой деятельности» [221,163].

В основе большинства бесед критика с писателем, писателя с писателем, критика с критиком прослеживается интерпретационная направленность, то есть движение от литературного факта к социальной проблеме. Примером тому могут послужить целый ряд интервью

критиков и журналистов с Лоиком Шерали, научное осмысление которых позволяет проследить тенденции становления и развития политического мышления и литературно-критической мысли исследуемого периода. Однако в последнее время этот жанр литературной критики утратил свою популярность, и как отмечает известный таджикский критик А. Давронов, сегодня назрела необходимость обращения к этой «хорошей традиции беседы критика и переводчика, критика и поэта, критика и писателя, театрального критика и драматурга» [185, 68], поскольку данный способ познания мысли позволяет не только выявить наиболее важные проблемы современной литературы, заново переосмыслить роль и значение литературных тенденций, но и внести определенный вклад в формирование читательского вкуса, в развитие литературного процесса и художественных традиций.

В истории печати и таджикской литературы наблюдаются целые серии таких интервью и бесед, исследование процесса формирования которых в определенных исторических условиях способствует выявлению закономерностей, как литературного процесса, так и духовно-идейных исканиях современности. В этом плане представляют интерес содержательные беседы литературоведа Джурахона Бакозода с Фазлиддином Мухаммадиевым, писателя и критика Фотеха Абдулло с поэтами Мумин Каноатом и Бозором Собиром, критика Сафара Абдулло с Мумином Каноатом, а также беседа литературоведа Азама Худойдодова с профессором Холиком Мирзозаде, размещенная в книге «Муҳаққиқ» («Критик», 1992), критика Муртазо Зайниддинова с фольклористом Вохидом Асрори из книги «Машъалафрӯз» («Зажигающий факел»), философа Мирбобо Миррахима с академиками Мухаммаджоном Шакури и Нумоном Нейматовым в серии книг под общим названием «Таърихи шифоҳии мардуми тоҷик» («История устного народного творчества таджикского народа») – «Саъдахтар» («Счастливая звезда», 2002) и «Ватани ман дар кучост?» («Где моя родина?», 2005), беседа

с востоковедом Камолом Айни под названием «Устод Садриддин Айни - фарзанди номбардори миллати тоҷик» («Устод Садриддин Айни - достойный сын своего отечества», 2006), поскольку они знакомят нас с важнейшими культурными и общественными событиями таджикского народа XX века.

В мировой литературе сборников интервью по проблемам литературы встречается большое количество. Примером тому может послужить книга писателя Иосифа Бродского «Большая книга интервью» (Москва, 2000). Однако в таджикской литературе собранию и изданию полемичных интервью в одном сборнике, за исключением издания некоторых образцов, не уделяется должного внимания. На наш взгляд, составление и издание сборников интервью и бесед с Лоиком Шерали, а также с другими видными деятелями культуры и науки, представляет большую ценность для прослеживания динамики развития литературно-критической мысли в определенном периоде развития литературы.

В этой связи следует отметить, что исследование и научное осмысление интервью поэтов и писателей, ученых и журналистов с Лоиком Шерали относительно насущных вопросов литературы и искусства, позволяет проследить не только основные вехи становления и развития его критической мысли, но и общее состояние литературной-критики республики в исследуемом периоде. Несомненно, степень поэтического мастерства таких художников слова и особенности их мировосприятия во многом определяют их литературное наследие, однако для понимания эстетических принципов, литературно-критических ориентиров писателей и поэтов необходимо целостное изучение их художественно-словесного творчества, то есть как поэтических, так и прозаических сочинений. Более того, изучение статей, рецензий, предисловий, интервью и других сочинений, представляющие публицистику и писательскую критику выдающихся художников слова способствует творческому росту молодых писателей и совершенствованию их художественного мастерства.

Изучение публицистической деятельности Лоика Шерали и образцов его писательской критики убеждает нас в том, что количество интервью и бесед этого поэта, публициста и критика на актуальные темы современной литературы может быть гораздо больше. Вместе с тем нам удалось собрать и обобщить более 30 интервью проведенных им в различные годы исследуемого периода. Значение интервью Лоика Шерали заключается в том, что через призму художественного и эстетического видения критика, они не только знакомят современного читателя с различными аспектами социальной и культурной жизни народа исследуемого периода, но и заостряя внимание общественности на общее состояние литературы и культуры того времени, выявляют серьезные задачи и упущения в сфере культуры и литературы. Примечательно, что в книге профессора У.Гаффарова размещено определенное количество материалов полемичного характера, опубликованных в печати и продемонстрированных по таджикскому телевидению, однако таких примеров небольшое количество .

В этой связи следует назвать интервью критика и литературоведа А. Хакима «Дар қаламрави шеър» (« В краю поэзии», 1975), «Шеъре, ки аз дил ба дил мегузарад» («Стихи, идущие из сердца к сердцу», 1978, без имени автора), журналистов Н. Олимовой и Д. Атовуллоева «Бигӯям шеър дар тақлиди дарё...» («Скажу стих в подражание реки », 1979), Д. Атовуллоева «Ҳамосаи шеър ё андешаҳои гусаста»(“Эпос стиха или разрозненные мысли”, 1984), критика Х. Мухаммадиева «Шамъ агар оташ набинад» («Если свеча не увидит пламя», 1988), журналистов А. Сангина «Боз як соли ғаму шодӣ гузашт...» («Прошел еще один год горя и радости», 1989), Х. Азиза «Ҳар он кас, ки Шоҳномаҳои кунад» («Каждый, кто займется чтением «Шахнаме», 1989), Дж. Солеха «Ало, шеъри Ачам, фардо маро ту зинда хоҳӣ дошт» (« О, стих Аджам, завтра ты меня возродишь», 1991), А. Саттора, О. Кодира, И. Азима, С. Мизроба «Лоиқ бо Ватану дар Ватан хоҳад монд» («Лоик останется с Родиной и на Родине», 1996), «Замони

шеърғӯӣ нест...” (« Не время писать стихи», 1999) и др., в которых нашли отражение различные политические, социальные и культурные вопросы современности.

В таких острополюемичных публикациях Лоик Шерали выступает как незаурядный поэт, хороший знаток трагичных и светлых страниц истории, истинный защитник национальных традиций и обычаев, ценитель древней национальной литературы и современного художественного творчества. В целом, для писательской критики Лоика Шерали характерна аналитичность суждений и оценок, как общих проблем литературного процесса, так и творчества отдельных писателей.

Важную часть интервью Лоика Шерали составляют **беседы**, посвященные проблемам таджикского языка и его значения для утверждения национальной идентичности, в которых он высказывает свои рассуждения о придании таджикскому языку государственного статуса, отношения общества к национальному языку и сохранении его чистоты, которые в свою очередь можно подразделить на две группы.

Первую группу интервью составляют материалы, рассматривающие специальные вопросы таджикского языка, к которым можно причислить следующие материалы: “Ақлҳоро ақлхо ёрӣ диҳад” («Ум набирает силы от другого ума», 1988), “Забондӯстӣ ватандӯстӣ аст” («Любовь к языку это любовь к Родине», 1989), “Гӯш ба лаҳни Рӯдакӣ диҳем” («Прислушаемся к слову Рудаки», 1990), “Забон, таърих ва табори муштарак” («Общность языка, истории и племени», 1992), “Ҷони халқ” («Душа народа», 1991).

Вторую группу составляют интервью, в которых в связи с социальными и культурными проблемами, уделяется внимание и проблемам национального языка, как одного из важнейших атрибутов государственности: “Сӯҳбати орзуҳо” («Беседа надежд», 1987), “Боз як соли ғаму шодӣ гузашт” (1989), “Лоик бо Ватану дар ватан мемонад”, 1996), “Сӯҳбати марди Худо мардат кунад” («Беседа с великим мужем сделает тебя мужчиной», 2006) и т.д.

В целом обобщение публицистики и писательской критики Лоика Шерали знакомят нас с большим количеством материалов, в которых критик все шире и глубже проникает в закономерности историко-литературного развития, совершенствует принципы научного анализа литературных процессов и тем самым, создает почву для дальнейшего более серьезного исследования на литературоведческом уровне. Перечислим некоторые из них: “Симои Сино” (“Образ Сино”) (Обсуждение поэмы “Колыбели Сино” М. Каноата, 1980), “Осори солхо” (“Произведения современности”) (интервью о поэзии молодых поэтов 1981), «Садои Шарк»-ро чахон мешунавад” («Голос Востока» слышит весь мир») (1984), “Мы дети своего времени” (1987), “Пешагар комил шавад аз пешагар” («Мастера совершенствует мастер») (1987), “Дружба не приносит вреда” (1989), “Ба садои дилу имони халқ гӯш бояд дод” («Надо прислушиваться к зову сердца и вере народа», 1989), “Ҷадидия ва дурнамои таърих” («Джадидизм и перспективы истории», 1990), “Рӯзгори васли худро чӯем” («В поисках воссоединения», 1990), “Пойтахтро чехраи миллӣ мебояд” («Столица должна приобрести национальный облик», 1991), “Марде дар роҳи ҷовидон” («Человек на пути к вечности», 1991), “Ишқи Эрон бузург аст” («Любовь к Ирану велика», 1991), “Нанг дар домани таърих, хун дар домани миллат...” («Срам в подоле истории, кровь на полах народа», 1992), “Ахтари саъд ёри мо омад” («Пришла счастливая звезда») (1997), “Шоире аз Панҷакент» («Поэт из Пенджикента», 1997), “Сӯхбати мардона” («Мужской разговор», 1999) и т.д.

В писательской критике Лоика встречается и другой жанр литературной критики – **рецензия**, признанный первичным ядром жанров литературной критики. Однако в публицистике Лоика рецензий в отличие от критических статей и интервью встречается небольшое количество. Рецензии Лоика Шерали, возникшие в дискуссионном поле литературного процесса по случаю издания сборника стихов Умара

Хайяма «Рубаи» на русском языке в переводе В. Державина [21] и книги профессора С. Абдуллоева «Эмир Исмаил Самани» представляют собой отклик на только что появившиеся произведения. Как отмечают ученые, рецензия как литературно-критический жанр призвана оценивать произведения современности и пересмотреть произведения прошлого в свете идеалов своей эпохи. В рецензии «Гардиши чом» («круговая чаша» 1968), написанной Лоиком Шерали к сборнику «Рубаи», подчеркивается значимость взаимосвязей культур. Вторая же рецензия «Тахқиқоти тоза дар сомониносӣ» («Новое слово в исследовании периода Саманидов»), написанная в соавторстве с Р. Масовым и А. Раджабовым, опубликована к празднованию 1100-летия государства Саманидов и имеет несколько хвалебный характер.

Одним из моделей критического осмысления литературной жизни является **литературно-критический обзор**. По словам С. Табарова, «Литературно-критическое обозрение, как один из жанров... в большинстве случаев издается на страницах периодической печати – в газетах и литературно-художественных и популярных журналах в различных жанровых формах. Литературные критики в литературно-критических обзорах ... посредством анализа произведений или современных художественных сочинений или литературных течений того или иного народа прослеживают тенденции развития современной литературы» [221,168].

Объектом исследования и обобщения этого жанра становится целый ряд произведений, опубликованных в периодической печати и журналах. Это может быть и цикл литературно-публицистических и критических публикаций известных авторов, так и сочинения молодых писателей и поэтов.

В работе С. Табарова в ходе анализа материалов периодической печати 70-80-х годов XX века указывается на наличие литературно-критических обзоров художественных произведений определенного

периода или же одного литературного вида (прозы, поэзии, драматургии, литературной критики, детской литературы и т.д.). Однако об обзорных статьях, посвященных творчеству молодых писателей, не упоминается, в то время как одной из важнейших задач литературно-критического обзора, как критического жанра является именно анализ и обобщение творчества отдельных писателей с целью оказания практической и теоретической помощи росту их писательского мастерства.

Вместе с тем исследование материалов таджикской печати убеждает в том, что критический обзор сочинений молодых писателей позволяет проиллюстрировать новую литературу и наметить дальнейшие пути развития национальной литературы. Обзоры Лоика Шерали, посвященные творчеству отдельных молодых писателей отличаются высоким уровнем профессионализма, объективностью оценок как отдельных художественных произведений, так и литературного процесса в целом. К ним относятся “Хӯшаҳои умед” («Колосья надежды», 1967), “Завқи шеър” («Страсть к поэзии», 1971) и “Сарманзили шеър” («Истоки поэзии», 1974).

Немаловажную часть творческого наследия Лоика Шерали составляют **выступления речи и доклады**. Доклад Лоика Шерали «Имтизочи эҳсосу афкор» («Сплетение чувства и мысли») на VIII съезде Союза писателей Таджикистана (1981), представляет собой многоаспектный анализ важнейших проблем литературы и художественного творчества.

Вопросы же становления национального самосознания в условиях перестройки и обновления общества, а также предназначения литературы стали предметом обсуждения в выступлении Лоика Шерали на I Съезде писателей Таджикистана. С тезисами этого выступления можно ознакомиться в газете «Адабиёт ва санъат» («Литературы и искусство») [52].

Публикация выступления Лоика Шерали, произнесенного на Пленуме правления Союза писателей СССР (весной 1988 года), в изданиях

«Литературная газета» (издание Москвы) и «Адабиёт ва санъат» [155] свидетельствует о его значимости для данного этапа развития литературы.

Лоик Шерали в своих выступлениях не раз ставил вопросы сохранения чистоты таджикского языка и укрепления его статуса как государственного. Одним из таких его выступлений является «Бунёди забон дар бистари замон» («Фонд языка на одре времени») [105], опубликованное в еженедельнике Фонда персидско-таджикского языка «Сомон» (1992, 9).

Социально-нравственным и историко-политическим проблемам современности посвящены выступления публициста на собрании правления Союза писателей Таджикистана (1993) «Трудовые и творческие ресурсы на пятилетней службе» (год издания 2012) и его речь на собрании избирательного округа №731 города Уратюбе (1989).

Литературно критическое эссе. Среди художественно-публицистических и критических работ Лоика Шерали присутствуют также сочинения, написанные в жанре «воспоминания», близкие с точки зрения тематики и стиля изложения к такому жанру, как «литературно-критическое эссе» (термин С. Табарова), в котором наблюдаются элементы «портретного очерка». Диапазон этого жанра литературной критики, основной целью которого является создание литературного портрета художника через его творчество, достаточно широк: от больших статей до монографии. Вместе с тем «Эссе, как правило, представляет собой научно-философское, эстетико-нравственное, публицистическое, литературно-художественно и литературно-критическое произведение в прозаической форме... В литературно-критических эссе автор в соответствии с важнейшими литературоведческими, философскими и эстетическими закономерностями своей эпохи выражает свои научно-литературоведческие, философско-эстетические воззрения, а также индивидуальную, а порой и субъективную оценку о жизнедеятельности и литературных произведениях художника» [221, 183].

Литературно-критические эссе Лоика Шерали созданы на основе глубокого постижения творческой лаборатории таких художников слова как Боки Рахимзаде (“Воспоминания о Боки Рахимзаде”, “ Истинный сын народа”), Гоиб Сафарзаде (“Я его любил”), Убайд Раджаб (“Благодарность Богу, судьбе”), Мухиддин Олимпур (“ Воспоминания о Мухиддине Олимпуре”), Кутбиддин Раззаков (“ Воспоминания о кувшине меда”) и раскрывают перед читателем поучительные страницы их жизни [35; 38; 118; 121; 132; 159].

Вступление (предисловие) и послесловие. В теории литературной критики предисловия и послесловия характеризуются следующим образом: «введение или предисловие, как правило, печатается вначале нового произведения или сборника произведений писателя или поэтических сочинений поэта. Если такого рода статья размещается в конце произведений, сборников, цикла стихотворений, рассказов или произведений изданных в газетах, журналах и альманахах, они относятся к послесловиям. В этом случае статьи-послесловия выполняют роль статьи. Критик в таких статьях как во вступительной части, так и в конечной, дает свою оценку изданным произведениям того или иного автора» [221,137]).

С точки зрения объема предисловия и послесловия могут быть небольшими и пространными. В предисловиях и послесловиях Лоика Шерали к поэтическим сборникам Соиба Тебреси (1975), Мухаммада Гоиба (1979), Борика Шафеи (соавтор С. Саидов, 1980), Ширина Бунёда (1993), Фарзоны (1986), Салима Зарафшонфара (1990), песням Джурабека Муродова (1982), отличающихся своей краткостью и своеобразным стилем изложения, имеет место профессионально грамотный разговор о важнейших аспектах творческой личности названных художников слова [27; 33; 34; 44; 45; 56].

Лоиком Шерали были написаны предисловия и к поэтическим сборникам современных иранских поэтов Камола Насрулло под названием “Резаборон” («Моросящий дождь» [142], “Љустучӯи роҳ (« Поиск пут») [139] и Джонибека Кувнокова “Тӯшаи шоир барои фардо” («Подношения поэта для будущего»), в которых он через анализ и оценку поэтических образцов раскрывает богатый художественный мир названных поэтов. К таким публикациям относится и критическая статья поэта “Дар соҳили рӯди зиндагӣ” («На берегу реки жизни»), изданном в 1986 году.

Некоторые предисловия Лоика Шерали написаны в форме пространной статьи, к которым можно отнести “Марг ҳаёт аст, ҳаёт аст марг” (« Смерть это жизнь, жизнь это смерть», 1993) к сборнику «Санги мазор: Байтҳо дар бораи санги гӯрҳо ва макбараҳо» («Надгробный камень: Бейты о надгробных камнях и надгробиям») [107] и предисловие «Шоири оламу одамдида» (« Поэт, объявший весь мир и людей»), написанное в соавторстве с К.Айни к сборнику поэтических сочинений М.Турсунзаде [160].

В предисловиях к книге Р.Масова “Таджики: История с грифом “Совершенно секретно” (1996) и к его второму изданию “Таджики: История национальной трагедии” (2008) под названием “Слово о новой книге” дается субъективное видение критика историко-культурной ситуации и социально-нравственных, историко-политических аспектов трагедий истории таджикского народа. А в предисловии к книге академика М.Шакури “Хуросон аст ин чо!” («Хорасан-здесь», 1996) критик выступает как тонкий знаток языка, непримиримый борец за его чистоту и историк. [119].

Необходимо подчеркнуть, что значимость вышеназванных двух предисловий подтверждается их вторичным изданием в сборнике «Марсияи хуршед: Сӯгномаи устод Лоик» («Элегия солнца: некролог

устоду Лоику» составитель С. Абдулло [192, 142-147; 150-153; 158-164; 168-179], в книге М. Шакури “Хуросон аст ин чо”, изданной кириллицей [231, 5-15]), также издательстве “Чунбиш” («Движение» 1997, №1, с. 7), в сборнике “Точикон, ориёхо ва фалоти Эрон” («Таджики, арийцы и арена Ирана», составитель М. Шукурзода, 1380, с. 207-216) и во втором издании “Хуросон аст ин чо!” (Душанбе, 2009, с. 6-15) .

Два послесловия Лоика Шерали к сборнику афганского поэта Сулаймона Лоика «Диёри мардхез» («Страна, рождающая истинных мужчин», 1980) в соавторстве с С. Саидовым [13, 91-93] и к русскому переводу поэмы «Хусрав и Ширин» - Низами Гянджави, выполненном Г. Птицыным, свидетельствуют о широте охвата его литературно-критической мысли [61].

К прозаическим сочинениям Лоика Шерали относятся также **письма**, в которых он как активный представитель интеллигенции ставит насущные вопросы социально-политической и культурной сферы страны. В «Послании Фонда персидского языка Таджикистана к читателям и главному редактору журнала «Килк» (1370/1991) нашли отражение социальные воззрения критика. Различным проблемам общественной жизни страны и становления национальной нации посвящены письма Лоика Шерали «Два письма Лоика Шерали» («Голос Востока, 2006, №5»), «Гордым жителям Матчи» (в соавторстве с Б. Рахимзаде).

Лоик Шерали наряду с творческой деятельностью принимал непосредственное участие в подготовке и редактировании журнала «Голос Востока» и нескольких сборников. Сборник «Воспоминания о Махмуде Вохидова» (с О.Латифи, 1982), «Надгробный камень» (1993), полное собрание сочинений Соиба Тебрези (с З. Ахрори, 1980), Б. Шафеи «Давронсоз» («Создатель эпохи», с С. Саидовым, 1980) подготовлены под его редакцией.

На наш взгляд, критические и публицистические сочинения Лоика относятся к двум важнейшим направлениям художественного творчества – литературно-критической публицистике и писательской критике, в котором поставлены злободневные вопросы развития литературы, способствующие научному осмыслению и обобщению закономерностей литературного процесса.

В исследованиях русских ученых литературно-критическая публицистика интерпретируется как неотъемлемая часть теории публицистики и относится к произведениям, изданным на страницах периодической печати и специализированных литературных изданиях. Литературная критика, как одна из неотъемлемых частей литературоведения (наравне с историей литературы и теории литературы), нацелена на обсуждение проблем литературы и оценки художественных произведений [200, 7]. С этой точки зрения, несмотря на тематическую тождественность, исследование литературной критики, как разновидности публицистики, не представляется целесообразным. Однако многие ученые находят между публицистикой и литературной критикой жанровую взаимосвязь. Вместе с тем, наряду с общностью в этих двух направлениях творческой деятельности существуют различия, проявляющиеся в предмете исследования и в научно-теоретических основаниях: «В критике, как правило, главное место занимает эстетический анализ, который стоит выше публицистического исследования. Художественную особенность различных исторических периодов составляют условия, способствующие активному развитию или критики или публицистики» [248].

В этой связи в исследованиях по теории публицистики материалы периодической печати, обладающие литературно-критическими характеристиками, считаются литературно-критической публицистикой. В публицистических сочинениях такого рода внимание автора нацеливается на актуальные общественно-политические проблемы современности.

Само понятие «публицистика» подразумевает «художественные произведения, обладающие важным общественным содержанием» и характеризующиеся оперативностью, проблематичностью и активной позицией автора в постановке злободневных проблем современности.

Изучение исследовательских работ по этому вопросу приводит к заключению, что в литературно-критических материалах субъективность преобладает над объективностью и оказывает эмоциональное воздействие на читателя. В литературно-критической публицистике на первый план выходит «самопроявление» критика. Предметом критического исследования писателя становится литературное событие, оказавшее на него «эмоциональное потрясение», которое он оценивает в соответствии своей оригинальной художественной концепции.

В таджикской литературе XX века развитие литературно-критической публицистики связано с именами таких известнейших таджикских поэтов и писателей, как С. Айни, А. Лахути, М. Турсунзаде, М. Миршакар [191; 218; 239; 247].

Вместе с тем писательская критика в современном понятии стала развиваться в основном в XX веке, однако, ее элементы и характерные признаки можно увидеть и в произведениях классиков персидско-таджикской литературы Рудаки, Фирдоуси, Унсури, Хакани, Низами, Амир Хусрава, Джами и др., посредством которых они выражали свои художественно-эстетические воззрения относительно поэзии и словесного творчества [264; 155]

Становление литературно-критической мысли происходило в основном силами таких мастеров художественного слова, как С. Айни, А. Лохути, М. Турсунзаде, С. Улугзаде, Х. Юсуфи, М. Миршакар, Дж. Икромии, Ф. Мухаммадиев, Г. Сафиева и др., литературно-критические публикации которых не только оказали благотворное влияние на развитие эстетического вкуса читателей, но и способствовали

формированию хорошей творческой школы, в которой нуждалась молодая формирующаяся литература. Авторов такого рода критических сочинений принято называть не «профессиональными критиками», а «писателями-критиками». Эволюционное развитие писательской критики приходится в советские годы, когда основы литературной критики закладывались самими писателями, многогранное участие которых в культурном пространстве позволяло изнутри осознавать процесс творчества и выразить свои мысли и наблюдения в критических статьях [1; 4; 5; 6; 8; 9; 10].

Об особенностях развития критической литературы были написаны целый ряд монографий, сборников и научных статей, в которых раскрываются факторы развития литературно-критической мысли и особенности становления системы основных жанров литературной критики [168; 178; 209; 230; 240; 244; 251; 252; 259].

Проведение двух конференций литературного чтения под названиями «Проблемы писательской критики» в 1987, 1989 годах и их издание в трех книгах [168; 251; 252] также способствовали развитию критической мысли, однако сегодня исследованию этого жанра литературной критики не уделяется должное внимание, в то время как научное осмысление особенностей писательской критики и творческих исканий критиков и их достижений в области литературной критики позволяет представить целостную картину развития литературного процесса. Примером писательской критики являются сборники известной таджикской поэтессы Фарзоны «Дарёи сӯзон» («Горячая река», 2014) и Гульназара – «Растохези вожаҳо» («Воскрешение слов», 2015).

В настоящее время писательская критика проходит эволюционный путь развития от простых статей до критических монографических сочинений. В этой связи следует упомянуть критические монографии Гульназара «Лоике чун Лоик» («Лоик как Лоик», 2000), Мухаммадали

Аджами «Хитгаи муаттари шеър» («Благоухающая страна поэзии», 2002), «Тафаккур ва ҳис дар шеър» («Мысль и чувство в поэзии», 2008).

Порой возможности писательской критики находят воплощение в произведениях, имеющих только критическую направленность. Это обусловлено тем, что многие писатели и поэты с целью влияния на развитие литературных процессов, наряду с творческой деятельностью стали заниматься и критическим осмыслением закономерностей развития литературы. В развитии критической мысли важную роль сыграли такие известные таджикские писатели и ученые, как Аскар Хаким, автор критических монографий «Шеър ва замон» («Поэзия и время», 1978), «Дар қаламрави сухан» («В стране слова», 1982), «Испытание поэзий» (1992), а также поэт и критик Нурали Нурзод перу которого относятся критические статьи «Фурӯғи рамзҳои шигарф» («Сияние удивительных символов», 1999), «Меъроҷе то хуршедии висол» («Восхождение до солнечного свидания» 2003), «Парниёни сабзи андеша» («Зеленая одежда мысли»)(2014).

Такой способ осмысления художественного материала привлекает пристальное внимание и иранских писателей, в критических статьях которых проявляется стремление осмыслить пути развития литературы с точки зрения собственного творческого опыта. К ним относятся известные иранские писатели и поэты Ризо Барохани, Мухаммад Хукуки, Шафеи Кадкани, исследование литературно-критических воззрений которых в рамках настоящего диссертационного исследования не представляется возможным.

Таким образом, исследование публицистической и литературно-критической деятельности Лоика убеждает нас в том, что он смог внести достойный вклад в развитие литературно-критической публицистики и писательской критики. В публицистических и литературно-критических сочинениях Лоика Шерали находят отражение преобразования, вызванные сложными социально-экономическими, общественно-

политическими, литературными процессами общества, а также изменения в эстетических принципах и литературно-критических ориентирах того времени в связи с пересмотром отдельных сложившихся нравственно-эстетических взглядов .

ГЛАВА II. ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА ЛОИКА ШЕРАЛИ

2.1. Вопросы художественной литературы и литературной критики

Критико-публицистические произведения Лоика Шерали наравне с произведениями других литераторов-критиков показывают уровень писательской критики. Писательская критика, как и профессиональная литературная критика, служит для того, чтобы на правильном и соответствующем требованиям времени уровне выявить достоинства и недостатки литературных сочинений. С этой точки зрения, мы можем оценить роль и место целого ряда таджикских литераторов – С. Айни, А. Лахути, М. Турсунзаде, С. Улугзаде, Дж. Икрами и других, среди которых произведения Л. Шерали обладают значимостью как ценные образцы писательской критики и определяют его роль в качестве поэта-критика. Как было выявлено в ходе исследования темы, в литературоведческой науке на изучение этого аспекта вопроса указывается лишь в некоторых научных трудах исследователей и критиков [171; 181; 2203; 287]. Глубокий анализ темы будет способствовать широкому восприятию теоретических и критических взглядов литератора.

Критические произведения Л. Шерали написаны с особым критическим чутьем, в них объектом разговора является множество вопросов, относящихся к литературе, поэзии, творческой работе и литераторам. Эти произведения послужили для приобретения таджикской писательской критикой новой формы и содержания и выражения литературно-эстетических взглядов о поэзии, стихотворстве и писательстве.

В этом направлении Л. Шерали продолжил лучшие традиции выдающихся мастеров новейшей таджикской литературы XX века С. Айни, А. Лахути, М. Турсунзаде, С. Улугзаде, М. Миршакара, Дж. Икрами, Ф. Ниязи, Ф. Мухаммадиева и десятков других литераторов, наравне с созданием художественных произведений проявивших интерес к

литературной критике и посредством своих критических сочинений внесших достойный вклад в формирование общественного мнения.

2.1.1. Лоик Шерали о роли поэта и назначении поэзии

Л. Шерали уделял особое внимание вопросам сущности поэзии, а также места поэта и его назначения в обществе, которые нашли отражение в целом ряде публицистических работ Лоика Шерали: «Имтизочи эхсосу афкор» («Соединение чувства и мысли») [43], «Дарё равон аст» («Река течет») [53], «Четыре стихии стиха» [152], «Олими пургайрат» («Деятельный ученый») [41], «Озодии инсон ва софии ахлоқи он» («Свобода человека и чистота его нрава») [114] и т.д. Л. Шерали высказал мнение о различных проблемах поэзии, литературы и литературной критики также и в серии интервью: «Дар каламрави шеър» («В стране поэзии») [28], «Шеъре, ки аз дил ба дил мегузарад» («Стих, переходящий из сердца в сердце») [31], «Бигуям шеър дар таклиди дарё...» («Создам стихотворенье, подражая реке...») [32], «Хамосаи шеър» («Эпос поэзии») [50], «Сухбати орзуҳо» («Разговор о мечтах») [58]), «Шамъ агар оташ набинад» («Если свеча остается без огня») [70]), «Боз як соли ғаму шодӣ гузашт...» («Прошел еще год радости и печали...») [72], «Ало, шеъри Ачам, фардо маро ту зинда хоӣ дошт» («О, стих Аджам, завтра я буду жить в тебе») [93]), «Замони шеърғӯи нест...» («Не время писать стихи...») [125]), «Мову ту дар шоири чон медихем...» («Я и ты умрем, оставаясь поэтами...») [129], «Дарси санъати оӣ» («Урок высокого искусства») [59].

Выявляя тождество взглядов Лоика Шерали в его поэтических творениях и публицистике, следует отметить, что в основу, как поэзии, так и нехудожественной прозы лежат одни и те же идеи и мысли автора. Так, в своем поэтическом творчестве Лоик Шерали более 700 раз использует

слова «поэт» и «поэзия» и соответственно часто обращается к смыслу этих понятий. Поэзия для Лоика Шерали, «прежде всего плод чувств, многоцветие треволнений сердца. Стихи, которые пишутся без боли в сердце, возможно и будут опубликованы, даже войдут в диваны, однако они недолговечны, скоро будут забыты... Быть поэтом – совершать героизм, ибо поэт всю жизнь борется, всю жизнь жертвует собою, страдая бессонницей и неврозом” [18]. Цель поэта, по мнению Лоика принести людям свет, озарить из сердца словами, т.е. призывать к гуманности и добру, о чем он пишет и в стихах:

Гетиро хуршед агар равшан кунад,
 Синаҳоро – кори шеъру шоирист. [17, 286]
 Если мир освещается солнцем,
 То грудь – поэтом и поэзией¹.

Эта же мысль звучит и в других стихотворениях, где, по мнению автора, назначение поэзии – сохранить порядок в мире, быть ответственным перед прошедшим и будущим поколениями.

... Муддаоям зи назм ин бошад
 Пос дорем назми дунёро
 Бо сухан то хама раво дорем
 Фарзи имрӯзу қарзи фардоро. [17, 96]

Моя цель в поэзии
 Сохранить порядок в мире.
 Чтобы словами мы выполнили
 Наш долг на сегодня и перед будущим.

По мнению поэта, писать стихи – это значит, заявить о себе в мире и поднять хоть немного престиж поэзии, ее роль:

Қасдам аз шеъру шоирӣ ин аст,
 Доди худ воситонам аз олам.

¹ Здесь и далее стихи приведены вподстрочном переводе автора.

То ки қадре баланд бардорам
Шеърро ҳам баробари одам. [17, 96]

Моя цель в поэзии
Жить в этом мире достойно.
Чтобы хоть немного приподнять
Значение поэзии, как и значение человека.

Для поэта главное – не слава, а желание оставить свой след на земле.

Баҳри шуҳрат нест ҳаргиз шеърпардозии ман,
Шеърпардозиям ошӯбе ба рағми мурдан аст. [17, 127]

Нет, не ради славы я пишу стихи
Пишу стихи как бунт против смерти.

Главным условием поэзии Лоик считает искренность чувств, поэтому он против лжи и искусственности:

Ҳеч шоир натавонад зинҳор
Бо дили сохта эҳсос кунад!
Бо дили сохтаву шеъри заъиф
Ҳурмати шеър чӣ сон пос кунад?! [17, 100]

Ни один поэт не сможет
Искусственным сердцем почувствовать.
С искусственным сердцем и слабыми стихами
Разве можно высказать почтение стихам?

В стихотворении «Порою спрашивают у меня» поэт в 15 строфах пытается объяснить смысл поэзии. Действительно, у каждого поэта и ученого-литературоведа есть свое понимание стиха, но суть поэзии все еще не опознана до конца и именно поэтому о тайне стиха, о его секретах поэт размышляет долго и в каждой строфе находит ей новое объяснение. Стихотворение написано предельно просто в виде ответа на вопросы простодушных людей о стихах, однако за этой внешней простотой

скрывается большой талант поэта, философски размышляющего о сущности поэзии и роли поэта в обществе:

Воқиан шеър чист? Ин матлаб

Мебарад рӯзу шаб қарорамро

Садди нашкастанӣ чу кӯҳи азим

Мениҳад аспи роҳворамро. [17, 212]

Действительно, что такое стихи? Эта мысль

Не дает мне покоя ни днем ни ночью.

Ставит ограду, как крепкие горы

Перед моим идущим конем

В последних строках поэт убеждается, что поэзия – это действительно великая тайна, которую невозможно раскрыть:

Балки шеър аст шарҳи қисматҳо –

Қисмати рӯду чашмаю шабнам?

Балки... Эй вой! Бахудо, ман худ

Шеър мегӯяму намедонам... [17, 213]

Может быть, стихи – это разъяснение судеб –

Судеб рек, родников и росы?

Может быть... О боже, я сам

Пишу стихи и не знаю...

Порою Лоик Шерали уподобляет труд поэта труду крестьянина, который пашет землю и сеет зерна, благоустраивая землю. Поэт же работает на полях сердец, где сеет добро:

Шоирӣ ҳам ба масал деҳқонист,

Ки кунад мазраи дилҳо обод. [17, 122]

Поэтическое творчество, подобно работе крестьянина,

Который благоустраивает поля сердец.

Он считает, что подлинные стихи призваны очистить сердца людей, подобно тому, что очищают пятна с лица луны. Поэт призван творить добро и призывать людей к благородству:

Пок кардан доғи рӯи Мохро бо шеъри хуб –

Шоиро, ин аст мақсад! Баҳри ин бояд зист. [17, 29]

Отмыть пятна на лице месяца хорошими стихами,

О поэт, это цель твоя. Ради этого стоит жить.

Критерием «совершенства стиха» во все времена считались «зрелость чувств и мыслей, единство сердца и разума, ясность языка и логики». Однако общим недостатком поэзии тех лет является «нарушение языка и логики»: «Поэт и писатель являются хранителями и попечителями языка, а язык является прекрасной тканью для поэзии, завтра по современному стиху будут оценивать состояние таджикского языка в XX веке, и мы – литераторы будем ответственны перед историей» [43, 42]. Не случайно в поэтическом наследии Лоика находим слова, в которых он с горечью говорит о состоянии таджикского языка:

Сухан вирди забонҳо буд, имрӯз аз даҳан мондаст,

Забони ноби тоҷикӣ бурун аз анҷуман мондаст. [17, 416]

Слово было на устах, сегодня оно не в моде

Чистый таджикский язык сегодня не ценится.

Ответственность за слово всегда требует от литератора соблюдать предельно бережное отношение к нему. Всегда «неверный размер, хромающая логика, безобразный лишний слог, слабая манера, необоснованные ступени, непропорциональные выражения и словосочетания, бесцветные средства изображения, непривлекательные сравнения и иносказания, необоснованная игра слов, незнание природы слова и слога, несоблюдение правил нарушения традиций, неуместное использование диалекта, шероховатости и противоречия в изложении» [18] вызывают беспокойство истинного литератора и критика. Такие

требования и всестороннее соблюдение идейно-эстетических принципов в создании стихотворения представляют ценность и значение для улучшения профессионального уровня таджикской поэзии.

Поэт «творящий слово и смысл» это тот, которому «никто не мог бы сделать замечание в плане языка, ибо поэт должен знать язык лучше всех своих современников, мало того, беречь его, обогащать, улучшать его согласно требованиям времени, одним словом, быть абсолютным носителем языка» [43, 42]. Заслуживает внимания факт, что «в стихотворениях дореволюционных таджикских поэтов-подражателей редко встречаем ошибки в языке и хромающую логику». «Они, если и не обладали талантом в создании высоких мыслей и образов, хотя бы уважали язык и его чистоту, изо всех сил стремились к ясности и изяществу изложения» [43, 42].

В писательской критике, как и в профессиональной, осмысление духа и сущности слова осуществляется как с точки зрения литературы, так и в плане языка. «Проблема красоты изложения и речи», по мнению Лоика Шерали, подобна «венцу всех задач творчества» [43, 42].

По мнению Лоика Шерали, к оценке произведения писателя необходимо подходить с учетом времени его создания. В этом отношении, Лоик критикует предисловие Алиризо Казвы к книге стихотворений таджикских поэтов, опубликованной в Иране под названием «Хуршедхой гумшуда» («Утерянные светила»). Он убежден, что «нашу поэзию следует осмысливать в ее собственной среде.

Газеты страны часто критикуются с точки зрения того, что в них публикуется многочисленный поток рифмоплетства, являющиеся результатом пера «псевдопоэтов». Лоик считает, что «в их газелях больше шума, в их стихах голос притязания выше, чем само стихотворение, в их манере наблюдается больше безвкусыя, чем одаренности. Если целью поэзии и стихотворства является воспитание вкуса и культуры народа, эта

группа псевдопоэтов и их защитников оказывают медвежью услугу» [43, 42]. О рифмоплетстве в современной поэзии Лоик неоднократно пишет и в своих стихах:

Ман аз ин қофияпардозихо бисёр дилгирам.
 Дилам шеърӯ суруди бетавофутро набипзирад.
 Суруде хоҳамӯ шеъре,
 Ки мадду чазри дарёи дили моро фаро гирад. [17, 84]

Мне надоело это рифмоплетство,
 Мое сердце не воспримет равнодушные стихи и песни.

Поэт с помощью своего пера вступает в борьбу с псевдопоэтами:

(Шумо, эй мутташоирҳо, ҳама хомӯшӣ бигзинеда,
 Дили танги шумо аз қофия ҳам тангтар бодо!) [17, 84])

Вы о, псевдопоэты, будете молчать,
 Ваше тесное сердце пусть будет теснее, чем рифма.

В другом стихотворении он пишет:

Эй нозиме, ки ҷуз мағал аз шоирит нест,
 Ҷуз чанд лоф аз луғати модарит нест. [17, 374]

О стихотворец, от которого нет прока больше чем скандала,
 Нет ничего, кроме зазнайства о знании родного языка.

Или же:

Эй басо дидам касон шоиртарошӣ кардаанд,
 Шеърро нашнохта, баҳсу талоше кардаанд.
 Гар сухан бояд шарар бахшад ба чашми мардумон,
 Ин касон бар чашми мардум хокпошӣ кардаанд. [17, 389]

Я видел многих, желающих казаться поэтами,
 Не зная сущности стиха, вступающих в спор о нем.
 Если слово призвано одарить светом глаза людей,
 Эти люди кидали землю в их глаза (т.е. обманывали).

Л. Шерали не солидарен с мнением тех, кто тенденцию ослабления

обучения таджикскому языку в школах и вузах страны считают истинной и основной причиной снижения уровня воспитания поэтического вкуса. Опираясь на традиции классического понимания создания стихотворения и на взгляды литераторов прошлого, он считает, что школа не является местом воспитания поэтического вкуса, «ибо язык и индивидуальный стиль того или иного поэта формируется не на основе учебников, более того, язык стиха это язык ума и сердца, поэтому поэт самостоятельно должен создать стиль и язык собственного мира чувств и мыслей» [43, 43].

Самокритика являлась важным и действенным фактором и выражается в том, что поэт без лицемерия подчеркивает «нарушение языка и слабость логики многих собственных стихотворений». В этом смысле, Лоик Шерали ищет недостатки и в своем творчестве и высказывает критические замечания о некоторых своих стихотворениях.

При изучении литературно-критических взглядов Л. Шерали определенную ценность имеют его интервью. Одним из значимых аспектов размышлений Л. Шерали в его беседах является проблема реального осмысления литературы со стороны современников и углубления понятия современников о настоящих произведениях и подлинном мастерстве. Поэтому, Л. Шерали и другие мыслители времени видели основную особенность литературы и поэзии в «усилении его реальной и жизненной основы». Из многочисленных примеров истории новейшей литературы в XX веке становится ясным, что в литературном пространстве до 60-х годов в основном процветали «не имеющие основы, обобщенные и описательные стихотворения». Несомненно, такие стихи встречались и в последующие годы, после наступления периода качественных изменений в литературе 60-80-х годов. По мнению Лоика, «революция в поэзии» наступила после вступления на арену таджикской литературы новых творческих сил, поэтов М. Каноата, Б. Сабира, Л. Шерали, Г. Сафиевой, Х. Файзулло и других [233].

Лоик Шерали полагает, «что первым условием для поэтического

творчества является поэтическое видение. Поэт должен быть внимательным, бдительным и чутким, из всего того, что он видит, должен изображать так, чтобы другой поэт так не говорил, и если кто-то уже говорил, то не повторять его. Для этого нужно иметь огромный багаж знаний, чтобы знать, кто и что говорил до него. Сегодня поэт, желающий присоединить свои стихи к прекрасной персидско-таджикской поэзии, должен быть готовым к великой ответственности, обогатить поэзию новыми мотивами и образами, сказать новое слово» [18]. Размышляя о современной таджикской поэзии, он говорит:

То ба ҷое, ки набарди мардум аст,

Шеър ёри гарму сарди мардум аст.

Шеъри ҳозир нест як вазни арӯз.

Шеъри ҳозир вазни дарди мардум аст. [17, 140]

Пока народ борется,

Поэзия отражает их жар и холод.

Современный стих – это не только размер аруза,

Современный стих – это ноша с болью людей.

Эта идея – назначение поэзии служить людям - составляет суть беседы Аскара Хакима с Лоиком Шерали. Круг этой беседы чрезвычайно широк. В ней, прежде всего, критике подвергаются те поэты, которые предпочитают бездушное слово, пустые и далекие от «предмета изображения» стихи. Критика подобных литераторов в период, когда «группа поэтов старшего и среднего возраста...вступили на арену поэзии новым взглядом» [28], приобрела еще большую ценность.

В критике Лоика Шерали содержится соответствующая оценка статуса высокого слова, талантливого стихотворения, конкретного поэтического образа в противоположность бесталанному слову, длинным неконкретным стихам, стихотворениям, лишенным образов: «Длинные хвалебные и беспредметные стихотворения подобны ребенку, который с веткой дуба

под ногами, бежит, представив себя всадником и не знает, что идет пешком» [28].

В этом интервью дана необходимая оценка литературно-эстетическому значению ценностного наследия современной литературы. В этом случае критические воззрения поэта зиждутся на нынешнее восприятие, хотя во многих случаях принимается во внимание и изначальное понимание литературы. Например, оценка Л. Шерали поэмы «Чони ширин» М. Турсунзаде, которая высказана с пронизательностью и особым чутьем восприятия стиха, выявляет особую тенденцию социального восприятия поэзии в новейшее время. Оценки Л. Шерали в этом интервью носят преимущественно социальный характер. В этой ситуации естественно, что поиск социального аспекта в литературных произведениях приобретает особое значение: «Эта поэма, – высказывает мнение Л. Шерали, – на первый взгляд, интимная беседа поэта со своей супругой, рассказ впечатлений от увиденного и услышанного, его путешествий и поездок. Реальная основа поэмы является лишь способом выражения чувств и мыслей одного человека, нашего соотечественника и современника, ответственность которого перед семьей не меньше, чем его социальная ответственность. Здесь изображена семья, у которой единая судьба со всей Родиной и со всем миром, семья, которая ощущает все радости и невзгоды мира. За каждой строкой этой поэмы мы видим живого человека, его горячее дыхание, его общечеловеческие заботы» [28].

Безусловно, критические размышления поэта, высказанные в 70-е годы XX века, существенно отличаются от литературно-критических взглядов 80-х годов. Это можно проследить на примере следующего бейта М. Турсунзаде, который представлен Л. Шерали как прекрасный образец изобразительности в современной таджикской поэзии (согнутая вчетверо спина сборщика хлопка):

То кунам таъзим мисли пахтачин,
Чоркад гардида бар сӯи замин.

Подстрочный перевод:

Чтобы поклониться словно сборщик хлопка,
Земле, согнув спину вчетверо.

«На первый взгляд, кажется так, будто здесь поэт нашел чрезвычайно живое сравнение, однако, если посмотреть глубже, здесь можно увидеть сцену труда девушки-сборщицы хлопка» [28].

Таким образом, борьба за поэзию дня на основе отражения социальной действительности началась еще в 60-е годы XX века, а в 70-80-х годах мысль о создании подлинной поэзии охватила круг серьезных размышлений литераторов и критиков в стихотворениях, статьях и рецензиях. В беседе А. Хакима и Л. Шерали этот вопрос также приобрел глубокую форму. Такой поиск в поэзии 30-х годов был осуществлен посредством стихотворений и статей поэта и критика Хабиба Юсуфи. В этом процессе важная роль принадлежит циклу «Киссаи Хиндустон» («Баллада об Индии») М. Турсунзаде. Однако, по мнению А. Карима, «в те годы, в критике не появилась статья на уровне этого цикла, который сам по себе открыл новизну поэзии, и по сей день, за исключением упоминания той или иной идейной особенности, его новаторская и художественная сущность, его внутренние духовные, идейные и образные связи не исследованы в той мере, которая необходима» [28].

Литературная критика того периода не достигала глубины таких произведений по причине того, что «литература была наполнена «юбилейно-праздничными общими» стихотворениями». Некоторые поэты каждый год сочиняли стихи к 1 Мая или 8 марта, интонация которых была следующей: Добро пожаловать, о радостный праздник... Вероятно, из-за этого критика также привыкла к подобного рода стихотворениям» [28].

Л. Шерали как поэт порицает и критикует таджикскую литературную критику, А. Хаким в качестве критика ищет подход к сути проблемы. В этих размышлениях знакомимся с дискуссией и спорами этих двух литераторов, в ходе которых проявляются их хорошие знания,

осведомленность и высокая культура. А. Хаким говорит: «Если вы хотите сказать, что виденье поэта шире, чем у критика, эта мысль требует некоторой корректировки и я не согласен с этим мнением. Потому что эстетические взгляды критика, подобно чутью поэта, не воспитываются на основе одной литературы. ..Если сегодня какой-нибудь критик оказался ограниченным, это его вина, а не всех критиков» [28].

В беседе А. Хакима и Л. Шерали для нас главным вопросом является не определение правильности или неправильности точки зрения одного из них, а то, что этот спор направлен на устранение ошибок, имеющие место в поэзии. Безусловно, литература всегда нуждалась в критике, которая способствовала совершенствованию произведений. Критик смотрит на то, какой должна была критика, с точки зрения научных предписаний. Однако виденье Л. Шерали является эстетическим и поэтическим, он, указывая на слабость критики желает видеть ее «такой же высокой, как поэзия» [28]. Если взглянуть на историю литературоведческой науки, уместность критики литературных произведений всегда являлась объектом спора литератора и критика. Конечно, не вызывает сомнений, что виденье поэта в данном случае заметно отличается от восприятия и вкуса критика. Вполне допустимо, что поэт не соглашается с мнением критика в отношении произведения. В таджикской литературе были литераторы, которым не нравилась критика. Эту тенденцию, в частности, можно почувствовать в статье талантливого таджикского писателя Бахрома Фируза «Нозпарвардони бехаридор» («Невостребованные любимцы») (1979), в которой, упоминая о дискуссиях между литератором и критиком, автор говорит о слабости критики в определении оригинальности литературных произведений: «Некоторые наши критики, из-за того, что приступили к своей работе без подготовки и необходимых способностей, иногда оценивают произведение в спешке, без глубоких размышлений, с ограниченным пониманием, иногда ошибочно и однобоко, иногда по суждениям своих собеседников и друзей. Это лишило критику силы

воздействия. Все, что пишет критик, должно быть обдуманым и зрелым, должно быть точным, интересным и раскрывающим произведение литератора. Критик должен раскрыть читателю тайну красоты произведения. Если в его суждениях чувствуется предвзятость и неуступчивость, читатель имеет право в другой раз стать равнодушным к написанному им».

Л. Шерали также сожалел о том, что «до сих пор критики своевременно не признают хорошую поэзию среди всех этих рифмоплетов и претендентов на величие» [28].

В своей беседе А. Хахим и Л. Шерали стремятся к тому, чтобы высказать мнение об успехах и достижениях современной таджикской поэзии на примере творчества одного поэта (Лоика) и, вдобавок к этому, с учетом творческого потенциала говорить о таланте других поэтов. В данном интервью, наравне с упоминанием общих тенденций, также ставится вопрос о различных литературных жанрах и возможностях поэтического дара в их создании. По верному суждению А. Хакима, «поэма отличается от малых лирических жанров особыми свойствами, и это различие требует, чтобы его жизненная основа и стимулирование человеческих эмоций были в нем больше и сильнее, и поэма может вместить побольше таких вещей. В лирике эта задача не из легких» [28].

Л. Шерали также солидарен с этим мнением и высказывается о качественных изменениях современной поэзии, укреплении поэтических поисков и совершенствовании литературного мастерства: «К счастью, в отдельных стихотворениях, лирических вступлениях, любовных стихах и различных стихотворных отрывках как поэтов старшего поколения, так и наших ровесников день ото дня укрепляется реальная, социальная и жизненная основа. В стихотворениях Му'мина Каноата «Бузургӣ ва хоксорӣ» («Величие и скромность»), «Хоби кахрамон» («Сон героя»), «Ёд» («Воспоминание»), «Гули бодом» («Цветок миндаля»), Кутби Киромы «Бӯи нон» («Запах хлеба»), «Хаткашон» («Почтальон»), «Хоки пайвандӣ» («Привитая земля»), «Коммунист Салимов», Бозора Сабира «Асп»

(«Конь»), «Борон» («Дождь»), «Падархо» («Отцы»), Гулназара «Осиёи кӯхна» («Старая мельница»), «Раис» («Председатель»), Гулрухсор «Ватан» («Родина»), «Аскарбачаҳо» («Молодые воины») воплощен здоровый дух современной поэзии. Я являюсь сторонником и доброжелателем такой тенденции поэзии и от всего сердца мечтаю о его продолжении» [28].

Л. Шерали называет жизнь основным источником любого стихотворения: «Жизнь полна поэзии, но не все умеют видеть ее, найти и сказать. Достоинство вышеназванных стихов в том, что за каждой их строкой и строфой дышит человек, ребенок с надеждой смотрит на огромный мир, герой умирает, произнеся на последнем издыхании слово Родина-Мать, конь с наездником-воином мчится в битву, мельник с пылинками муки на бровях и бороде, словно мельничные жернова в постоянном движении ради достатка народа. Т.е. каждую деталь, которая изображена в этих стихотворениях, мы видим своими глазами. Такие стихотворения имеют долгую жизнь по сравнению с теми стихотворениями, которые написаны книжными выражениями, с соблюдением всех законов аруза, и если бы не мелодичность красивых таджикских слов и аруза, они являются не более чем пустословьем» [28].

Это интервью также раскрывает несколько секретов творческой лаборатории поэта и критического отношения к собственному стиху. Л. Шерали в этой беседе критически оценивает свою поэзию и открыто говорит, что «такие «проделки» были и у меня» и в качестве образца приводит следующий отрывок:

Баҳор омад, зи борони баҳорӣ
Баромад дар дилам рангинкамонҳо.

Подстрочный перевод:

Пришла весна, от весеннего дождя
Взошла в сердце моем радуга.

«Это было длинное стихотворение, посвященное Наврузу. Когда мой друг Доро сочинил пародию, и мы хорошо посмеялись, я отказался от

этого стихотворения. Действительно, это смешно, как же в сердце может взойти радуга?» [28].

Интервью Л. Шерали охватывает десятки жизненно важных вопросов литературы и литературной критики, что является ценным для формирования точных обобщений о реальном мире литературы и внутреннем красочном мире литератора, поиска ответов на различные вопросы литературной жизни, изучения лаборатории художественного творчества, методов критики и критического анализа в специальных литературных беседах и т.д. Другие литературные интервью, проведенные с Л. Шерали в этом отношении также достойны внимания.

В интервью «Бигӯям шеър дар тақлиди дарё...» [32] речь идет о творческой лаборатории поэта. В нем Лоик Шерали говорит о поэтическом вдохновении и отмечает, что «состояние вдохновения приводит меня в трепет, я весь горю, слова хаотично стучат по голове, мои пальцы дрожат, все «излюбленные» слова и выражения просятся на язык, выстраиваются в мозгу, призраки образов летают по моей комнате, мой пульс учащается, сердце выходит из нормального состояния...В этом состоянии я один, однако чувствую так, будто я вместе со всем миром...» [32].

В интервью «Ҷамосаи шеър» («Эпос поэзии») поэт утверждает, что «стихотворение создается в минуты горя и радости». В нем критикуются те, которые «не зная азбуку поэзии, притязают на нее, за бокалом вина порочат других, хотят построить мастерскую повыше мастера, не ведая о том, что таджикская литература, которой три тысячи лет, не нуждается в таких немощных сочинителях» [50].

Он критикует ученых, которые «до сих пор не изучили биографию и творчество Фирдавси, Соиба, Мавляви, Бедиля. Наша классическая литература обладала завидным количеством поэтов-авторов диванов. Что мы знаем о них? До сих пор у нас нет стилистики. Что такое хорасанский,

индийский, иракский стиль? Многие наши ученые написали диссертации на небольшие и легкие темы, а за основные темы никто не берется. Десятый том «Шахнаме», который должен был стать «Словарем Шахнаме», до сих пор не опубликован» [50].

Заслуживают внимания взгляды Л. Шерали по поводу существования традиционных стихотворных жанров на том этапе осмысления лирики. В то время, как некоторые литераторы и знатоки поэзии высказали несправедливые и неприемлемые взгляды о газели (в том числе, Гаффор Мирзо), Л. Шерали наравне с литературоведами А. Афзахзадом, А. Абдуллаевым («Гуноҳи жанр чист?») («В чем виноват жанр?») и другими проголосовал за бессмертие этого жанра:

«Газель – это историческое удостоверение культуры, философии, науки и знаний, мировых достижений персидско-таджикского народа. Каждый, кто против этого вида поэзии персидско-таджикской цивилизации, заслуживает быть побитым камнями. Газель по своей природе является отражением бунтарства, революционности, созидания и гордости, и хотя социальная революция не обязана газели, однако духовная и психологическая революция начинается с нее... Те, кто обвиняют газель, должны уточнить один момент, что виновата газель или сочинитель газели?» [58].

Наравне с этим, поэт подвергает серьезной критике «критическую газель»: «И в наше время, после Лахути и Турсунзаде газель сначала лишилась мастерства и стала «дешевой», т.е. скинула с плеч социальную ношу и накинула ношу «показного рифмоплетства» [58].

Л. Шерали научился у классической газели языку, поэтическим фигурам, емкости слова, подбору редифа, логике, лаконичности, пропорции слова, созданию образов и т.д. При всем этом он не называет себя «большим поэтом». Напротив, он говорит, что «если собственноручно отсортирую свои газели, возможно, мне понравятся не более, чем

несколько из них, даже возможно из некоторых газелей ни останется ни бейта...» [58]. По выражению Л. Шерали: «Поэт, который доволен своим стихотворением, это не поэт. Каждый поэт мечтает до конца своей жизни сочинять хорошие стихи. И я тоже...до сих пор недоволен тем, что сочинил» [129]. Он полагает, что отбор стихов сделает сама история.

Наряду с традиционными стихами внимание поэта привлекает и новый стих, в том числе и белый стих. Лоик пробовал свои силы в этом поэтическом жанре, создав ряд стихов, как «Белый стих белого золота», «Воспеваю смерть», «Стихи о коммунисте» и др. Однако он не был успешен в этом стихотворном виде и причиной, возможно, было его внутреннее неприятие белого стиха. Именно поэтому в интервью он высказывает свое негативное отношение к белому стиху, как к стихотворению, которое не прижилось в Таджикистане. По его мнению, он «не сможет пустить корни в нашей среде, так как тысячу лет наша поэзия поднималась на арузе. Этот стих не остается в памяти, заучивать его тяжело, его невозможно петь с музыкой. Наша музыка связана с арузом. На мой взгляд, белый стих лишает поэта крыльев» [129].

В другом интервью «Шамъ агар оташ набинад» («Если свеча остается без огня») с корреспондентом еженедельника «Адабиёт ва санъат» Хасаном Мухаммадиевым ставятся чрезвычайно важные вопросы, касающиеся нового взгляда на историю таджикской литературы советского периода. В нем приводится программа журнала «Садои Шарк», цель которой представить в новом ракурсе советскую жизнь и процессы таджикской советской литературы, биографию, неосвещенные и зачастую печальные страницы жизни таджикских литераторов, ученых и политиков. Л. Шерали, рассказывая о духовных потребностях этого времени, отмечает, что «раскрытие темных или же черных страниц истории литературы и общества является одним из требований перестройки. Читатели знают о сложной жизни основоположников новой таджикской культуры, таких как Аджзи, Мирзо Сиродж Хахим, Фитрат, Хамди, Садриддин Айни, Пайрав

Сулаймони, Пирмухаммадзаде, Рашид Абдулло, Гани Абдулло, Хакиим Карим, Рахим Хашим. Некоторые из них были осуждены в трагическом 1937 году и погибли в борьбе между старой и новой идеологией. Однако читатель в точности не знает, как и почему они были осуждены, в чем их вина, поскольку их судьба и биография должным образом не исследованы. Ввиду этого, журнал «Садои Шарк» открывает новый раздел под названием «Тазкираҳои адабиёти солҳои 20-30-юм» («Антологии литературы 20-30-х годов»), публикует очерки и воспоминания об упомянутых литераторах и партийных деятелях – Чиноре Имамове, Шириншо Шотемуре, Абдукадыре Маниёзове, Абдулло Рахимбаеве и др. На основе исторических документов и свидетельствований соратников и сверстников будут восстановлены их биография, творческая и общественная деятельность. В этом благом деле восстановления исторической правды необходимо, чтобы нам оказали практическую помощь историки и вся интеллигенция, являющаяся свидетелем тех лет. Более того, планируем опубликовать статью или очерк о судьбе Пулата Толиса, последних годах жизни Джумы Одины и судьбе его романа «Гузашти айём» («Течение времени»), что также невозможно осуществить без помощи литературоведов» [70].

Такой критерий осмысления истории литературы, на который указывает литератор и критик, на самом деле берет начало от литературных и научных поисков этих лет, что связано с проблемой изменения взгляда в исследовании истории литературы XX века. Об этом высказаны мнения в научных трудах литературоведов и критиков [172; 173; 174; 195; 209; 210; 233 и т.д.], повтор которых нам кажется неуместным.

В этом интервью критике подвергается состояние рецензии. Однако, несмотря на то, что «зрелые ученые считают рецензию, являющуюся боевым жанром критики, малопродуктивным и второстепенным делом», «критика обязана всесторонне проанализировав этот негативный процесс, раскрыть и осудить его материальный, духовный и эстетический урон. В

этом отношении все еще господствуют лицемерие, осмотрительность и робость. В нашей литературе чрезвычайно мало научно-аналитических содержательных рецензий. Молодежь не умеет писать острые рецензии, опытные сторонятся споров и дискуссий и предпочитают жить «бесконфликтно», такая позиция критики не может развивать литературу» [70].

Интервью Азиза Сангина с Лоиком Шерали «Боз як соли гаму шоди гузашт...» («Прошел еще один год радости и печали...») (1989) также посвящено вопросам перестройки и нового литературного виденья. По мнению Л. Шерали, с политической и социальной точки зрения три года перестройки «были полны поисков и событий» [72].

Л. Шерали взглянул на эти чрезвычайно важные исторические события с поэтической точки зрения. Он убежден, что «стихотворение должно быть сжатым, красочным и образным выражением этих событий. В этом случае поэт должен увидеть все эти события с последствиями... Ввиду этого, основная задача каждого современного советского человека заключается в том, чтобы своим трудом, непосредственно взяться за дело перестройки [72].

Беседа «Замони шеърғуи нест...», которая состоялась в период национальной независимости Таджикистана и вначале была опубликована в газете «Литературная Евразия» (1999, №6), а затем в еженедельнике «Адабиёт ва санъат» (10 июня 1999), является одной из последних публикаций поэта. Эта публикация начинается со следующего вступительного слова: «Международное объединение союзов писателей, заполнив это свободное пространство, снова развивает литературные связи между творческими объединениями республик содружества. С этой целью, время от времени в международном объединении литераторов, в городе Москве проводятся творческие вечера и встречи с участием литераторов независимых государств. После проведения творческих вечеров грузинских, белорусских литераторов, сегодня мы в дом литераторов

пригласили народного поэта Таджикистана Лоика Шерали, сборник стихотворений которого «Риштаборон» («Моросящий дождь») удостоен Межнациональной премии «Нилуфар» [125].

В этой беседе рассмотрены также проблемы, касающиеся эмиграции литераторов в истории литературы, миграции литераторов периода независимости в связи с гражданской войной таджиков и некоторые другие вопросы литературы.

В другом интервью Л. Шерали с Хокимом Азизом «Мову ту дар шоирӣ чон медихем...» («Я и ты умрем, оставаясь поэтами...») предметом разговора становится долговечность поэзии». В нем критикуется «однодневный стих», которому противопоставляется настоящая поэзия. «Подлинная поэзия – это стихи, в которых отражается состояние человека, стихи о любви, о судьбе мира. О судьбе человека в мире. Хлопок, праздник Октября, Май, Революция, ни одно из них не является темой для поэзии. Я тоже сочинял подобные стихи, о чем сожалею» [129].

Таким образом, из краткого анализа как поэтических, так и непоэтических творений Лоика Шерали, выясняется, что в течение всей своей сознательной жизни он постоянно думал о сущности поэзии и назначении поэта, о том, какими особенностями должны отличаться современные стихи, какова миссия современного поэта, чем отличается подлинная поэзия от псевдопоэзии, традиционные жанры от нового стиха.

2.1.2. Лоик Шерали о творчестве классиков и современников

Лоик Шерали с большим уважением и глубоким почтением относился к творчеству выдающихся поэтов - классиков и современников. Он считал их великими наставниками и был благодарен за открытый ими путь к тайне красоты, к миру бессмертия и вечности:

Ало, Девони Ҳофиз, ҳофизам бошӣ зи ҳар марге,

Ало, Девони Мавлоно, маро ту зинда хоҳӣ дошт. [17, 398]

О диван Хафиза, ты будешь охранять меня от смерти,
 О диван Мавлоно, ты сохранишь мне жизнь.

Для Лоика особое место занимали Рудаки, Фирдоуси, Мавлави, Саади, Хафиз, Джами.

Чу хонам шеърҳои тозапардоз –
 Ба ранги нав ҳама такрори пешин,
 Бигӯям, – офарин бодо ба Хайём,
 Ки беподош гуфт абёти рангин! [17, 68]

Как прочту стихи новосочиненные –
 В новой одежде – все повторение прошлого.
 Говорю – молодец был Хайям,
 Без награды говоривший светлые слова.

Такое же трепетное и почтительное отношение поэта проявляется в его стихах и высказываниях о современниках. В поэтических сборниках Лоика можно найти десятки стихов, в которых упоминаются имена Айни и Турсунзаде, которых молодой поэт считает своими учителями:

Ҳам ба азму ҳам ба назму ҳам ба разм
 Пайрави Айниву Турсунзодаем! [17, 286]

И в стремлении, и в поэзии и в борьбе
 Мы следуем Айни и Турсунзаде.

Турсунзаде для него был кумиром, как в плане художественного мастера, так и человеческих качеств. В десяти стихах «Қитъи шеър» («Отрывок стиха»), «Боли замон» («Крылья времени»), «Дар катори куллаҳои Тоҷикистон» («Наряду с вершинами гор»), «Дар Хунзах» («В Хунзахе»), «Як пора хотира» («Один эпизод из воспоминаний»), «Рӯзи чаноза» («День похорон»), «Баъди ту» («После тебя»), «Парвози сухан» («Полет слова»), «Боли арзиз» («Алюминевые крылья»), «Ворисон» («Наследники») он создает образ поэта, любящий народ и любимого им. Во всех этих стихах перед нами встает облик человека, достигшего вершин

поэзии и воспитавшего сотни молодых поэтов, поэтому Лоик глубоко уверен, что:

Дар шоирӣ зи баъди ту гар кӯҳна, гар навем,
Аз офтоби назми ту як мила партавем [17, 287]).

В поэзии после тебя мы старые или новые,
Мы лишь луч солнца твоей поэзии.

Внимательно и с уважением относится Лоик к личности и творчеству Боки Рахимзода, Джонибека Кувнокова, Атахона Сайфуллоева, Гоиба Сафарзода и других представителей современной таджикской литературы и искусства, о чем свидетельствуют его сочинения «Фарзанди чигарбанди халқ» («Истинный сын народа») [35], «Хотираи устод Боқӣ Раҳимзода» («Память о Баки Рахимзаде») [38], «Ёде аз Муҳиддини Олимпур» («Воспоминание о Мухиддине Олимпуре») [118], «Тӯшаи шоир барои фардо» («Напутствие поэту для завтрашнего дня») [140].

Ряд актуальных проблем творческой работы и особенностей мастерства таджикских поэтов кратко рассмотрены в предисловиях Л. Шерали к книгам и сборникам стихотворений прежних и современных таджикских литераторов, в том числе, Соиба Табреси «Равшангари дилҳо» («Освещающий сердца») [27], М. Турсунзаде «Гулчини ашъор» («Избранные стихотворения») [160], М. Гоиба «Шеърҳо» («Стихотворения») [33] и др.

В интервью под названием «Шеъре, ки аз дил ба дил мегузарад» («Стих, переходящий из сердца в сердце») [31] и «Бигӯям шеър дар таклиди дарё...» («Создам стихотворенье, подражая реке...») [32], опубликованным по случаю достаивания Л. Шерали Государственной премии имени Абуабдуллоха Рудаки, речь идет о стихах Лоика и современной поэзии. В частности, в случае упоминания источников вдохновения поэта при создании цикла «Илҳом аз «Шоҳнома» («Вдохновение от «Шахнаме»)

Абулькасима Фирдавси его основной причиной названа важность темы – мира и братства, равенства и свободы. Внимание современного поэта привлекла проблема мира и войны в новое время.

Поэт сообщает о своем методе и способе прочтения «Шахнаме»: «Раньше читал «Шахнаме» разрозненно, затем начал читать ее по порядку и не смог остановиться. Одним словом, эту героическую поэму прочитал несколько раз и обнаружил, что ее герои шагают в наших рядах. С другой стороны, на мой взгляд, говорить от имени героев истории очень эффективно... Научиться патриотизму у Фирдавси, довести это до других является важной задачей» [31].

В то время мало кто из ученых, литераторов и поэтов, который считал себя интеллигентом, читал это произведение и был полностью знаком с этим шедевром. В этом смысле, Л. Шерали относится к той малочисленной категории людей, которые полностью изучили «Шахнаме» Фирдавси. Таджикский философ Акбар Турсун также подтверждает, что Лоик прочитал «Шахнаме» от начала до конца с карандашом в руке.

Одной из проблемных статей Л. Шерали в писательской критике является «Имтизочи эхсосу афкор» («Соединение чувства и мысли») [43, 35-43]. В ней он оценивает место и роль поэтического наследия таджикской литературы со всей ее общечеловеческой ценностью и положением в качестве прочной основы духовного мира народа. С точки зрения Л. Шерали в число таких произведений входят стихотворения Мирзо Турсунзаде «посвященные матери, в благодарность этому творцу поколений и продолжателю жизни, посвященные женщине, которая была и есть хранительницей истинного и мнимого огня, хранительницей огня сердца, огня любви, огня поэзии», а также незавершенные и последние стихи Баки Рахимзаде, Аминджона Шукухи, Файзулло Ансори и Хабибулло Файзулло.

В поэзии 80-х годов XX века приоритетной является «историческая тема». Эта тема, начавшаяся в 60-70-х годах, в литературной критике

признана как важное явление. Особый взгляд на славную историю народа и нации в этот период укрепил в поэзии проблему самосознания, в то же время, в литературной критике стал причиной возникновения и развития термина «самопознание критики». Глубокий взгляд литераторов и критиков на древнюю и прошлую историю нации в те годы является показателем размаха их мыслей и взглядов на пути усовершенствования духовного мира современников. Несмотря на это, литераторы и критики в полном смысле осознали недостаточность изображения истории в художественной литературе, Л. Шерали ясно подчеркивает эту мысль на примере поэзии: «...Наша история не зафиксирована в художественной литературе полностью, а если и зафиксирована, то мало и по требованию исторической необходимости исторические лица, подобно Муканне', Рудаки, Темурмалику, Зебуннисо, Ахмаду Донишу, Восе' и другим обрели вторую жизнь, однако до сих пор наша славная история не изучена и не отображена для нынешнего и завтрашнего поколения» [43, 35].

С этой точки зрения, обращение критика на процесс создания образов двух именитых таджикских мыслителей – Ибн Сино в поэме «Гахвораи Сино» («Колыбель Авиценны») Му'мина Каноата и Носира Хусрава Кубодияни в поэме «Исёни хирад» («Восстание разума») Мирсаида Миршакара является духовным требованием времени. Критик приходит к выводу, что эти произведения «поднимают на высокий пьедестал науку и разум...» [43, 36].

В этом убеждении, с идейной точки зрения выражается, с одной стороны, различие периодов истории человечества, изменение полного неприяностей мира прошлого, победа правды в сегодняшнем мире, а с другой стороны – связь между настоящим и прошлым нации, родство литераторов прошлого и нового времени, приобретение особого положения представителями науки и литературы прошлого. Заслуживают внимания размышления литератора-критика о поэме «Гахвораи Сино» в ходе ее обсуждения в редакции журнала «Садои Шарк». В этом

обсуждении участвовали автор поэмы Му'мин Каноат, А. Хакимов, М. Динаршоев, Дж. Бакозаде. Материал обсуждения поэмы под названием «Симои Сино» («Облик Сино») был опубликован в этом журнале. По мнению критика, эта поэма важна в двух отношениях – «с точки зрения изучения истории и признания современности», т. е. и в историческом, и в современном аспектах и «основная линия поэмы» обладает высокой ценностью с учетом социальных и эстетических требований времени. Прослеживая в идейном аспекте поэмы творческую силу и красочное воображение автора в отображении «высокого гуманизма Ибн Сино, его исторических заслуг, его гения как ученого и практика и непоколебимой личности», приходит к важному результату: «В поэме чрезвычайно ярко изображается торжество разума над невежеством, справедливости над низостью, правды над тупоумием и воплощается именно в личности Сино, как могущественного мудреца, ученого-теоретика и практика, человека-гуманиста. Ввиду этого, поэт ставит на службу современности такого рода историческое лицо и через него раскрывает многие поучительные сцены истории» [43, 36].

Л. Шерали, наравне с определением исторической и литературной ценности поэмы «Гахвораи Сино», особо подчеркивает присущий ей характер современной публицистики. В этом случае критик своим ответом наносит твердый и сокрушительный удар по идеологическим врагам таджикского народа в 70-80-х годах XX века, которые посредством клеветы отрицая богатое историческое наследие таджиков, посчитали его далеким и недостижимым для современников. По его верному утверждению, мы «достойные наследники сокровищницы цивилизации, которая является также и причиной гордости всего человечества!» [43, 36].

Л. Шерали убежден, что «каждый народ, если достигнет какого-то статуса, стадии зрелости, то благодаря своему достойному прошлому и полного надежд настоящему» [43, 37]. К этому убеждению критик приходит на основе прочтения ряда сочинений поэтов – Бозора Сабира, в

особенности стихотворений «Бухоро», «Забони Ватан» («Язык Родины»), «Шахри осӣ» («Непокорный город»), «Мучассамаи устод Айни» («Памятник Айни»), «Шоиру шеъре агар хаст» («Если есть поэт и стих»), «Теғи Сино» («Скальпель Авиценны»), стихотворение Кутби Киромы «Катибае дар санги куҳи Муг» («Надпись на камне горы Муг»), стихотворения Гулрухсор «Бурчи Сино» («Созвездие Авиценны»), Хакназара Гоиба «Тоҷикистон» и др. Л. Шерали подчеркивает, что «в такого рода стихотворениях гордость поэтов за прошлое и благодарность за нынешний период изобилия звучит словно песня признательности и преданности» [43, 37].

В определении идейно-эстетического аспекта, стихов посвященных теме воспевания родины поэтов Гаффора Мирзо, Гулчехры Сулаймоновой, Гулназара, Убайда Раджаба, Мастона Шерали, Марианны Фефановой, Ульмаса Джамола, Саидали Ма'мура, Мухаммадалишо Хайдаршо, Салимшо Халимшо, Мавджуды Хакимовой, Озод Аминзаде, Али Бободжана, Хакназар Гоиба, Шохмузаффара Ёдгори и других, подчеркивается различие их уровня и манеры изложения. Однако эти стихотворения, прежде всего, связывает между собой «чувство гордости и величия». По словам литератора, «Гаффор Мирзо радуется благоустроенности одного уголка Родины – Ховалинга, Гулназар считает рубежи Родины рубежами своего сердца, Саидали Ма'мур место своего рождения считает началом своего пути в необъятный мир, Хабибулло Файзулло считает себя наследником павших за Родину, Убайд Раджаб называет любовь к Родине путеводителем своей жизни, и подобно этому в книге стихотворений каждого нашего поэта можно найти страницу, посвященную любви к Родине» [43, 37].

В этом толковании поэтическая манера изложения преобладает над стилем профессиональной критики. Несомненно, естественно то, что в писательской критике мысли критика в основном пронизываются поэтическим духом, однако взгляды ученого главным образом опираются

на чисто научные факты и рассуждения. В размышлениях Лоика важное место занимают поэтическая искра и волнение, и этот способ оказывает на читателя особое эмоциональное воздействие. Ученый-критик имеет дело с разумными доводами и аргументами, однако писатель-критик в основном оказывается под субъективным воздействием.

Л. Шерали считает, что в тематике современной поэзии в основном наблюдаются распространение исторической тематики и расширение темы Родины. Обращение поэтов к теме родины он считает новым явлением поэзии тех лет. В этом отношении наблюдаем критику мелких, ограниченных изображений места рождения поэта и поэтическое разъяснение понятия родины, «в котором прослеживается широкий взгляд поэта на жизнь, на окружение, на мир». С точки зрения критика, «поэты постепенно избавляются от «своих» тем». Примером этого являются талантливые поэмы Гаффора Мирзо «Достони миннатдори» («Поэма признательности») и «Хамшираи Инкилоб» («Сестра Революции»), стихотворений Гулрухсор, Саидали Ма'мура, Хабибулло Файзулло, Гулназара на тему Хатыни, стихотворений Мастона Шерали, Мавджуды Хакимовой и Камола Насрулло на тему БАМа.

В дискуссии с Кутби Киромом, которая известна в таджикской литературной критике, Л. Шерали выражает свою солидарность с мнением критика Аскара Хакимова, что «из всей поэмы лишь одна глава посвящена основной теме – т.е. тому, что герой поэмы Даврон проводит одну ночь у мавзолея и его впечатлениям. Другие главы на самом деле не являются столь впечатляющими» [43, 38]. Ввиду этого, поэт-критик удивлен, что «поэма была обсуждена на Совете поэзии Союза писателей. Товарищи по перу с чрезвычайной отзывчивостью высказали свою точку зрения, посчитали, что поэма в том виде, в котором напечатана, неприемлема для издания, однако все эти советы друзей поэт воспринял как предвзятость и опубликовал поэму без согласия Союза писателей. Поэт Кутби Кирум, который в некоторых других случаях учит других языку и изяществу речи,

мог бы сделать свою поэму еще более мощной и для этого у него есть все шансы» [43, 38].

Подобные суждения в дальнейшем стали причиной появления продолжительных споров между Л. Шерали и К. Киромом, в особенности, сильного протеста друг другу, высказанного в статьях К. Кирова «Мавкеъ ва масъулияти суханвар» («Позиция и ответственность литератора») и Л. Шерали «Дарё равон аст» («Река течет»). Эти статьи отчетливо показывают уровень литературных знаний, чувство преемственности, виденье истории, знание времени и эстетических взглядов у этих двух литераторов.

В «Сухбати орзуҳо» («Разговор о мечтах») речь идет о стихотворениях «Теғи Сино» («Скальпель Авиценны») и «Забони Ватан» («Язык Родины») Бозора Сабира. По мнению Л. Шерали, «если Бозор Сабир до конца жизни не скажет больше ни строчки, этими двумя стихотворениями (и конечно, с моей точки зрения, как поэта, многими другими своими стихотворениями!) навсегда останется в памяти таджикского народа и истории литературы. Сама смелость создать подобные стихотворения должна быть поучительной для многих поэтов. Не замечать эти действительно выдающиеся стихотворения подобно стремлению повернуть реку вспять!» [58].

Л. Шерали, подвергая критике сочинителей так называемой «семейной поэзии», некоторых таджикских поэтов порицает за то, что создали очень мало стихов на значительные темы. Он, взглянув даже на свои стихотворения с критической точки зрения, приводит «удивительный факт» о стихотворениях-посвящениях так называемой «семейной поэзии». Ему нравятся те стихотворения-посвящения, у героев которых есть какие-либо заслуги перед обществом. В этом случае общечеловеческая и социальная сущность поэмы М. Турсунзаде «Чони ширин» («Душа моя»), стихотворений М. Каноата «Мавчҳои бародарӣ» («Волны братства»), К.

Киромы «Бачагонам чангбозӣ мекунанд» («Мои дети играют в войну») представлены как достойные образцы посвящений.

Критический аспект в этой статье является чрезвычайно глубоким и сильным. В частности, слушать этот бейт К. Киромы – «Асри бистум, таркиши ядрову атом, Хавфи марги мудхиш аз сарҳо бадар кард» («Век двадцатый, взрыв ядерный и атомный, Заставили забыть о страхе перед страшной смертью») с точки зрения критика не столь приятно. «Каждый, кто знает обстановку сегодняшнего мира, сразу обнаруживает, что это убеждение поэта неправильно. Напротив, ядерный и атомный взрыв увеличили опасность страшной смерти, и каждый миг на человека обрушиваются страх и смятение» [28, 40].

Таким же образом несколько рубаятов Мастона Шерали, посвященные Апрельской революции Афганистана названы неуместными и лишены новизны. По мнению критика, «подобные выводы и безосновательные суждения возникают из-за неглубокого восприятия социальных или исторических явлений или легкомыслия поэта [43, 40-41].

Поэтесса Гулрухсор подвергается критике за то, что «иногда сочиняет стихи, не проверив тщательно слова». В этом случае, анализируется один бейт из стихотворения «Пари андеша» («Перо мысли») как образец такой небрежности.

Таким образом, Л. Шерали стремится с тщательностью определить удачи и неудачи каждого стихотворения поэта, независимо от его места в современной таджикской поэзии. Говоря о другом недостатке поэзии – недостаточном исследовании темы он критически оценивает стихотворения поэтов. «Некоторые кит’а Убайда Раджаба, Мухаммадшо Хайдаршо, Али Бободжана, Шохмузаффара Ёдгори, Хакназара Гоиба, Саидали Ма’мура, на первый взгляд, кажутся простыми и изящными, однако когда внимательно углубляетесь в них, ничего нового не находите. Например, стихотворения Саидали Ма’мура «Катори дигарон» («Наряду с другими»), «Нони меҳнатӣ» («Заработанный хлеб»), «Ман набудам гарчи дар майдони

чанг» («Хоть я и не был на поле битвы»), «Китоби номҳо» («Книга имен»), «Рехт борон» («Пролился дождь»), «Сухани хуш» («Ласковое слово») напоминают стихи других поэтов. Саидали, на наш взгляд, хороший поэт, однако если его стихи обретут новизну и подлинность, и если поэт откажется от легкой и спешной манеры и более глубоко и серьезно отнесется к поэзии, добьется большего успеха. Простота в изложении Саидали Ма'мура по сравнению с многословием и витиеватостью Хакназара Гоиба, наблюдаемыми в его цикле «Тазодхо» («Контрасты») или неясными стихотворениями Бозора Сабира «Шабеха» («Подобие»), «Дар офтобнишин» («На закате») кажется лучше, однако простота в изложении, присущая Саидали, лишена глубины и иногда кажется слишком наивной» [43, 41-42].

Л. Шерали подвергает критике также и процесс литературной критики. С его точки зрения Надир Шанбегаде, Мухиддин Фархат, Абдуджаббор Каххори, Бобо Хаджи, Бурхон Фаррух, Абдуджалил Воситзаде, Ашур Сафар и другие «работают в силу своих возможностей, издаются их книги и избранные произведения», однако они остались вне поле зрения критики, «литературная критика до сих пор правдиво не сказала свое твердое слово об их творчестве» [43, 43].

Безусловно, литературно-критические взгляды Лоика Шерали в целом сформированы в свете официальных постановлений партии и правительства. Так как в этот период в литературной критике важную роль приобрела тенденция «самосознания критики», критические взгляды литератора-критика высказаны в контексте этого процесса. Поэтому некоторые мысли Л. Шерали напоминают лозунги тех лет: «Наши произведения должны быть наравне с высотами масштаба республики, т.е. наравне с высокими горами – высокая литература, высокое слово!» [43, 43].

В статьях «Четыре стихии стиха» , посвященной критике творчества Му'мина Каноата, «Олими пургайрат» («Деятельный ученый») – оценке роли и места Атахона Сайфуллоева в литературной критике, «Озодии

инсон ва софии ахлоки он» («Свобода человека и чистота его нрава») – анализу романа «Бандии озод» («Свободный узник») Уруна Кухзада, также высказаны взгляды Л. Шерали об особенностях творческой работы.

Таким образом, становится ясно, что Лоик Шерали был продолжателем традиций великих предков-классиков. Им посвящены прекрасные стихи Рудаки, Фирдоуси, Хайяму, Авиценне, Хафизу и другим поэтам, в которых создаются величественный облик наших предков и отражаются взгляды нашего современника на классическую поэзию. Вместе с тем поэт был в гуще литературных событий эпохи. Он смело отзывался о поэтических, прозаических и литературно-критических работах своих современников. Не оставляли его равнодушным и другие области культуры и науки, о чем свидетельствуют его отзывы, рецензии, интервью.

2.1.3. Лоик Шерали о начинающих поэтах

Вопросы критики стихотворений начинающих поэтов ставятся поэтом в его статьях, резюме, письмах, интервью, предисловиях к числу которых относятся: «Хӯшаҳои умед» («Колосья надежды») [18], «Завқи шеър» («Поэтическое чутье») [25], «Сарманзили шеър» («Истоки поэзии») [26], «Бомдод» («Рассвет») [44], «Чустучӯи роҳ» («Поиск пути») [139], Дж. Кувнакова «Дар соҳили рӯди зиндагӣ» («На берегу реки жизни») [146], Фарзоны «Гулҳои Наврӯз» («Цветы Навруза») [56], Салима Зарафшонфара «Хунбаҳо» («Цена крови») [79], «Ашъори шоирони тоҷик» («Стихотворения таджикских поэтов») [150].

Лоик в своих статьях о творчестве молодых поэтов справедливо пишет о том, что «в литературе нет таких льгот, чтобы от зрелого писателя требовали великое творение, а от начинающего – слабое. В литературе для всех - малых и великих, начинающих и опытных - требование одинаково. Поэтому начинающие писатели обязаны прежде, чем писать, разобраться в

сущности литературы, ее социальных задачах, затем изучить ее секреты, освоить язык – основу стиха лучше, чем ученый-лингвист, освоить значение и смысл каждого слова, его место при выражении мысли, смысловые оттенки выражений, пословиц и поговорок» [18].

На основе высказываний Лоика Шерали молодых поэтов можно условно разделить на три группы:

1. Молодых людей, случайно пришедших в литературу
2. Молодые поэты со средними способностями
3. Одаренные и талантливые начинающие поэты

Для Лоика Шерали важным условием поэзии является ее народность. Поэтому при критике стихов молодых поэтов он обращает на этот фактор особое внимание. Он подвергает критике тех, кто не знает жизнь изнутри, поэтому, анализируя стихи ряда начинающих поэтов пишет: «Эти молодые люди, которые живут вместе с народом, должны хорошо знать народное творчество, однако в их стихах нет ничего народного. Они должны знать тысячи народных двустиший, однако, жаль... они должны знать классические поэмы слово в слово, однако опять жаль..., они живут непосредственно среди трудового народа, среди хлопкоробов и собирателей хлопка, среди певцов и сказителей, мастеров, крестьян, старух – знатоков сказок и девушек, читающих двустишия, однако в их стихах нет изображения труда, образа крестьян, отваги хлопкоробов и т.п. – ничего этого нет в их стихах. Не говоря о мистических и философских стихах...» [18].

Лоик Шерали неоднократно выступает в прессе с анализом стихов молодых поэтов. Его критика порой резка, но справедлива. Его комментарии являются своеобразным мастер-классом, по которым можно получить хорошие уроки. Так, анализируя строки ряда начинающих поэтов, Лоик пишет, что “в их стихах нет самостоятельных поэтических строк. Слова сухие, бесцветные, без огонька. Кроме того, они не знают метрики и поэтических форм, без всякой определенной цели пишут все, о

чем вздумается” [18]. В качестве примера Лоик приводит десятки необдуманных, бессмысленных строк. Например:

Ба дил сад орзухо дорам, Ватанчон,
 Ба қавли худ вафо дорам, Ватанчон.
 Қавл додам, ки бароям бар гардун
 То зи байни сайёраҳо гирам макон. [18]

В сердце у меня сотни мечты, Родина
 Я сдержу свое слово, Родина.
 Я поклялся, что поднимусь на небо,
 Чтобы найти место себе среди звезд.

Цитируя приведенные строки начинающего поэта Х. Зохиришо, Лоик говорит о том, что неизвестна цель поэта. “Не говоря об изъянах размера и красоты выражения, могут ли эти строки доставлять эстетическое наслаждение?” [18].

Поэт нетерпимо относится к плагиатству. Он гневно обличает тех, кто нелепо переделывая строки известных поэтов, подписывается под ними. Примечательно то, что Лоик никогда не говорит голословно. Свою критику он всегда обосновывает примерами. Так, в качестве примера неуклюжего плагиатства он приводит “стихи” Мирзошарифова из Ташкента, которые начинаются строками известного поэта М.Турсунзаде:

Духтари ўзбек, моро гўш кун,
 Дигаронро андаке хомўш кун. [18]
 Узбекская девушка, послушай ты нас,
 Успокой немного других.

Пусть судит сам читатель. Начало стиха, взятое из стихотворения Мирзо Турсунзаде, не имеет ошибок. Мирзошарифов, житель столицы Узбекистана украл эти стихи, “корректировал и добавил свои” и отправил в Таджикистан. Какой бесстыжий!!! “[18]

Анализируя стихи начинающих авторов, Лоик пишет о том, что у многих из них есть лишь интерес к поэзии, они не знают ни метрики, ни рифмы, ни языка, ни средств художественной выразительности. В их стихах, есть все, кроме самого стиха. Эту мысль поэт подтверждает примером из опусов молодого автора Икрома Ходжаева, приславшего в редакцию стихотворение «Я рабочий». Лоик пишет, что в этом «стихотворении» есть бессмысленные и нелогичные выражения. Удивительно, что начинающий поэт даже не знает, о чем пишет, стихи лишены смысла и цели и без всякой необходимости от имени рабочего он говорит нелепые слова» [25].

Комментарии и анализ отрывка стихов Наимджона Назири из стихотворения «Муждаи баҳор» («Весть о весне») свидетельствует о том, какие критерии стиха важны для поэта:

Барфҳои лаклакӣ бориду рафт,
 Нақш дар ойинаҳо кориду рафт.
 Абр бигрехту кучо дар шарм шуд,
 Чун дили модар замин ҳам нарм шуд. [26]

Крупные снежинки выпали и прошли,
 Посеяли след на окнах и прошли.
 Туча убежала куда-то стыдливо
 Как сердце матери земля стала мягкой.

В этом отрывке кроме четвертой строки, имеющей удачное сравнение, другие строки не лишены изъяна. Странно, как же снег может посеять на окнах след? Подчиняясь требованиям рифмы, поэт рифмует слова «корид» и «борид», тогда как «коридан» не имеет никакого отношения к слову «нақш». Поэт имеет в виду те следы, которые зимой появляются на окнах. В третьей строке «Абр бигрехту кучо дар шарм шуд» (будто весной нет тучи) имеется изъян и в слове «бигрехт» и вся строка хромает по выражению мысли. Здесь слово «шарм» использовано лишь для рифмовки со словом «гарм», оно не имеет другой задачи, т.е. рифма не несет смысловой нагрузки, а служит лишь

для благозвучности» [26]

Лоик Шерали убежден, что для того, чтобы быть поэтом, недостаточно знать науку о стихах, рифмах и метрике. Он пишет, что среди начинающих поэтов есть молодые люди, которые “знают науку о литературе, рифмах и выразительных средствах, их стихи плавны, без явных ошибок, их рифмы, на первый взгляд, удачны и благозвучны. Однако, к сожалению, в них нет самого стиха”.

О понятиях “стихи” и “поэзия” в восприятии Лоика Шерали мы говорили в первом разделе этой главы.

При анализе стихов молодых поэтов Лоик Шерали, называет имена Наимджона Назири, Салима Кенджа, Шафоат Назар, Икболу Мухаммадшоеву, Карима Рахима, К. Маджиддина, С. Сафарова, Хола Ислома, Акбара Пирузи, Арбоба Курбона и Нори, которые относительно знакомы читателям. “Они, как мы уже отметили,- пишет он, - более-менее знакомы с наукой о стихах, однако еще не до конца поняли ответственности этой профессии. Они берут землю не из высот, т.е. обращаются в основном к незначительным темам, в их стихах не чувствуется дыхания дня, духа эпохи и современности” [26].

Лоик часто подводит итоги сказанным словам. “Из перечисленных примеров, - пишет он, - можно прийти к выводу, что соблюдение рифмы и размера это еще не поэзия. Для нового стиха необходимы новые мысли, новые образы, новый стиль, новое мировоззрение и мышление, они должны создать стихи, которые нужны современникам” [26]

Критик дает соответствующую оценку статусу молодых таджикских поэтов 70-х годов XX века в плане творческого новаторства: Молодые поэты – Камол Насрулло, Рахмат Назри, Зулфия Атоуллоева, Марианна Некрасова, Султон Шахзаде и другие, опубликовав свои первые книги, сдали в печать вторые книги. Оценивая стихи Зиё Абдулло, Зулфии Атоуллоевой, Искандара Хатлони, Гулбахор Мирзоевой, он называет их поэтами, уже имеющими свои сборники стихов и заслужившими авторитет

молодых читателей. Другая группа – Ширин Бунёд, Нурмухаммад Ниёзи, Зариф Ибод, Мухаммад Гоиб, Алимухаммад Муроди, Джум’а Кувват, Нори, пишет Лоик, - «в своих стихах давали клятвы и теперь стремятся их выполнить».

Это молодежь, на которую литература возлагает большие надежды. Л. Шерали, приступая к критике стихотворений Камола Насрулло, отмечает, что он «является более активным, чем другие». С оптимизмом отзываясь о стихотворении Камола Насрулло под названием «Чавони пуртакопу» («Энергичный юноша»), он отмечает, что «по поводу первых его творческих успехов говорил хорошие слова», однако, критикуя эти стихи, он отмечает также и их смысловое противоречие.

В другой своей статье Лоик, отзываясь о стихах начинающих поэтов Камола Насрулло и Нурмухаммада Ниёзӣ, пишет об их способностях. «Они читают, изучают, обдумывают слова до тех пор, пока мысль не созревает в голове и лишь потом пишут. Они стремятся говорить новые слова, поэтому их ошибки можно прощать во имя этих добрых намерений. Если эти два молодых человека серьезно займутся поэзией, будут работать без усталости и днем и ночью, возможно, добьются жежданной цели» [26]

Особое внимание Лоик Шерали уделяет стихам и молодой поэтессы Фарзоны. В своем предисловии к сборнику начинающих поэтов он с удовлетворением отмечает, что первые стихи Фарзоны были представлены им в журнале «Садои Шарк». По мнению поэта, несмотря на имеющиеся изъяны, «в ее стихах есть следы настоящей подлинной поэзии, неожиданные сравнения и эпитеты, замысловатые обороты слов, игра слов, чистый влюбленный взгляд на жизнь, на людей, на эпоху, индивидуальный поэтический взгляд на изображаемые предметы и явления, яркие выражения, использование классических оборотов и народной культуры позволяют верить в прекрасное будущее Фарзоны» [56].

Поэт возлагает надежды и на Мухаммада Гоиба, Салима Зарафшони.. Так, по его мнению, Мухаммад Гоиб, несмотря на то, что окончил факультет физики, влюблен в поэзию, от его стихов веет не только долинами и полями, но и надеждой» [33] . Почти такую же оценку получает и Салим, который не проходил особой литературной школы, «однако он пишет смело. Его язык плавный и богатый. В его стихах есть искренние газели и замечательные бейты» [79].

Размышляя над высказываниями маститого поэта о молодых начинающих стихотворцах, можно заключить о том, что сегодня, через четверть века можно убедиться в том, насколько объективны были предсказания поэта. Молодые, начинающие тогда, стихотворцы ныне стали уже зрелыми поэтами. Среди них Камол Насрулло, Нурмухаммад Ниязи, Фарзона, Мухаммад Гоиб, Салим Зарафшони и другие.

Высказывания поэта, обращенные к молодым авторам, содержат не только взгляды о поэзии и ее закономерностях, об ответственности поэта за каждое слово, о соотношении содержания и формы, о размере и метрике стиха, но и доброжелательное и одновременно требовательное отношение к начинающим авторам. Во имя справедливости и защиты истинной поэзии от псевдопоэзии он иногда высказывается резко, однако его критика всегда обоснованна и целенаправленна.

2.2 Вопросы перевода и литературных связей Запада и Востока

Лоик Шерали был широко эрудированным литератором и с большим интересом изучал не только персидско-таджикскую, но и зарубежную поэзию. О его интересе и знаниях можно убедиться на основе его статей и рецензий, предисловий и интервью, в том числе «Илҳом аз Шарқ» («Вдохновение от Востока») [24], «Китоби аввалини ман» («Моя первая книга») [153], «Аз мутарчим» («От переводчика» (о переводе поэмы «Хусрав и Ширин» Низами на русский язык) [21], «Ширу шакар»

(«Молоко и сахар») [39], «Чун садои дили худ...» («Словно голос своего сердца...») [49].

Лоик внимательно следил за тем, как относились великие писатели мира к Востоку. Он гордился тем, что рассказы “Тысяча и одна ночь” встречаются во множестве произведений писателей Запада. Предметом его гордости было и то, что великий немецкий поэт Гете в своем “Западно-восточном диване”, посвящая целый цикл стихов Хафизу, ищет у него духовную подмогу и признается, что среди семи поэтов, признанных на Востоке (имеются в виду Фирдоуси, Анвари, Низоми, Руми, Саади, Хайям и Хафиз), есть множество еще позабытых поэтов, которые похлеще него. Для Лоика отраднo, что у многих великих поэтов мира есть “восточные” стихи, как, например, стихотворение «Поэт Фирдоуси» Генриха Гейне, «Сонеты Крыма» польского поэта Адама Мицкевича, «Персидские мотивы» Сергея Есенина и другие, свидетельствующие о глубоком интересе великих поэтов Запада к Востоку. Размышляя по этому вопросу, Лоик пишет, что “писатели Запада находили сходство между своей судьбой и судьбою великих ученых и литераторов Востока, между своим и их творчеством чувствовали духовную и внутреннюю связь, т.е. несмотря на дальние расстояния, они были близки в мире мыслей” [24].

Поражает Лоика Шерали и гений Пушкина, успевшего за столь короткий срок, отпущенный ему, сделать столь много. Он не переставал удивляться эрудицией Пушкина, прекрасно знавшего Саади и Хафиза, использовавшего в «Бахчисарайском фонтане» эпиграф из «Бустона» Саади: “Многие также, как и я посещали сей фонтан, иных уж нет, а те далече”.

Лоик в своей статье “Илхом аз Шарк” (“Вдохновение от Востока”) называет также и другие стихи Пушкина, посвященные Востоку, в том числе «Из Гафиза», «Лейла», «В прохладе сладостных фонтанов», «Подражание арабскому» и др., которые свидетельствуют о том, что русский поэт знал восточные сказки и стихи Хафиза, был вдохновлен ими и

уподоблял персидские стихи на цветные ковры. Лучший из философских циклов его стихов «Подражание Корану» был написан в 1824 году. Спустя пять лет французский поэт Виктор Гюго написал цикл стихов «Восточные мотивы» и в подражание «Гулистану» Саади написал стихи «Пленница» и «Осень».

Следует отметить, что известны не только высказывания Лоика о ведущих поэтах России и Запада, но и переводы, сделанные им с их творчества. Относительно переводов Лоика образцов творчества других поэтов, а также его взглядов по вопросам теории и практики перевода есть диссертационная работа Хамидовой Наргис (258), мы же в этом разделе лишь тезисно остановимся на этих вопросах в контексте его публицистики.

Первым из поэтов, общение с творчеством которого для Лоика стало незабвенным событием, был Сергей Есенин. Вслед за С.Есениным Лоик перевел стихи М.Светлова, И.В.Гёте, У.Уитмена, Иордана Милева, Пабло Неруды, А.С.Пушкина, В.Гюго, Г.Птицина, Р.Гамзатова, Е.Евтушенко, А.Ковусова, К.Кулиева, С.Куняева, Э.Межелайтиса и других. Из творчества перечисленных авторов Лоик в основном перевел их лирику, исключение составляют лишь книга путешествий болгарского писателя Иордана Милева и трагедия «Хусрав и Ширин» Г.Птицина.

При переводе Лоик стремился сохранять главный принцип – не нарушать смысл оригинала и посредством родного языка передать особенности и менталитет другого народа.

Перевод стихов С.Есенина на таджикский язык, по словам Лоика, в отличие от перевода других поэтов, которые представлялись ему тяжелым трудом, для него «было вдохновением». Таджикский поэт, влюбленный в поэзию Есенина, действительно пронес свою любовь к творчеству русского поэта через всю свою жизнь. Он снова и снова возвращался к переводам Есенина, каждый раз редактируя предыдущие переводы. Его многие годы мучила мысль о переводе «Шаганэ», который не давался ему и лишь через

пятнадцать лет он находит нужную ноту, необходимый размер и слова. Об этом он пишет в статье «Моя первая книга», где признается, что первой своей книжкой он считает «не сборник своих стихотворений, а перевод «Персидских мотивов» С.Есенина». О своей работе над переводом стихов С.Есенина Лоик пишет, что «уже потом я понял, что настоящая поэзия, поэзия, идущая от самого сердца, на первый взгляд кажется простой, если не постичь всей ее глубины. Каждый раз, повторяя про себя его стихи и пытаясь подобрать соответствующие выражения для перевода их на таджикский язык, я вновь и вновь обнаруживал, что этот поэт при всей его внешней простоте, сочетал в себе глубину чувства, трепет, волнение, боль с красотой слова» (151). В этой публикации Лоик Шерали пишет о том, как он готовил себя к встрече с Есениным, который вошел в его поэтический мир, и как посредством перевода его стихи органически вошли в таджикско-персидскую поэзию. По мнению Лоика Шерали, «Персидские мотивы» С. Есенина наряду с «Западно-восточным диваном» Гете, «восточными» стихотворениями Пушкина и Адама Мицкевича, по праву считаются великими творениями мировой литературы и служат, подобно мосту, сближению духовных границ Запада и Востока» [151].

С точки зрения взглядов поэта к вопросам перевода привлекает интерес и предисловие Лоика к переводу поэмы «Хусрав ва Ширин» Г.Птицина. Поэма Птицина была своеобразным переложением известной поэмы Низами, но в то же время, она была самостоятельной работой автора, т.е. была «назирой-подражанием». По мнению Лоика Шерали, переводчику удалось передать идею и смысл поэмы Низами, а также воссоздать на русском языке прекрасные художественные образы Шеруи, Марьям, Шопура и других. Говоря об особенностях своего перевода поэмы Г. Птицина, Лоик раскрывает перед читателями свою творческую лабораторию, свой подход к переводу, методы и принципы.

О принципах перевода и о воззрениях Лоика по проблемам перевода особенно важна его рецензия на рубаи Хайяма, переведенные Владимиром

Державиным. Рецензия вышла под названием «Круговая чаша» и в ней достаточно серьезно проанализирована работа переводчика над рубайятами Хайяма [61].

Отдавая дань работе переводчика, Лоик удачными считает около ста из четыреста восьмидесяти восьми рубаи, включенных в книгу. Вступая в спор о подлинности некоторых рубаи и количестве оставшихся стихов Хайяма, Лоик отмечает необходимость соблюдения при переводе соотношения языка и духа переводов с оригиналом, соответствие формы и содержания стиха, размера, стиля, особенностей рубаи. В качестве наиболее удачных переводов Владимира Державина Лоик приводит несколько рубаи. Однако в этой рецензии Лоик подвергает резкой критике качество многих переводов Державина. Он считает, что в этих переводах больше недостатков, чем достоинств. В поиске причин неудачи переводчика, рецензент в первую очередь называет их отдаленность от текста оригинала. По его мнению, в них не чувствуется дух Хайяма, его поэтическое кредо.

Глубокий интерес вызывают размышления Лоика Шерали о подстрочных переводах. Он считает неверным то, что русские переводчики берутся за переводы не с таджикского языка непосредственно, а на основе подстрочников, сделанных посредниками. В таком случае, естественно, поэзия теряет многое, тем более, что некоторые подстрочные переводы не способны передать суть оригинала, т.е. переводчик попросту не смог понять замысел, главную идею автора.

Лоик с возмущением пишет о том, что «тексты подстрочника и перевода настолько отделились от оригинала, что даже оба вместе не смогут служить в качестве подстрочника в будущем, ибо в обоих случаях величие Хайяма принижено до уровня нелепой простоты. Неужели можно перевести строку «{ар дил ки асири ме[нати ест, хуш аст» как «Я красоты приемлю самовластье» и «Ҳар сар, ки уубори сари он кест, хуш аст», как «Каждая голова, ставшая пылью той улицы, счастлива?» [61]

Другой вопрос, поднятый Лоиком в этой рецензии, касается творческой лаборатории, т.е. практической работы переводчика. Речь идет о непереводаемом в переводе, т.е. в каждом языке есть слова и выражения, которые не переводятся адекватно и при этом переводчику будет необходимо найти аналогичные эквиваленты, соответствующие языку оригинала. Однако при переводе рубаи Хайяма нередко допущены несоответствующие оригиналу слова и выражения, и переводчик допускает недопустимые «отсебятины».

Другой вопрос, о котором размышляет Лоик Шерали, касается соотношения уровня поэта и уровня переводчика. В этом случае Лоик, как и его соратник М.Каноат, приходит к выводу, что большого поэта должен переводить большой поэт-переводчик.

Таким образом, выясняется, что в пределах одной рецензии Лоик поднимает целый ряд насущных вопросов переводческой деятельности.

В публицистике Лоика Шерали есть статьи, посвященные вопросам таджикско-узбекских литературных связей. Так, в статье «Ширу шакар» («Молоко и сахар»), посвященной Дням таджикской литературы в Узбекистане, Лоик пишет о традиции создания особых стихов «ширу шакар», в которых таджикские и узбекские строки совмещаются в одном бейте. В качестве примера Лоик приводит образцы из стихов из творчества Навои и Шохина. Кроме того, он упоминает о баязах, в которых приводились стихи на обоих языках. Другой особенностью близости этих двух литератур Лоик называет двуязычие поэтов, когда поэты писали свои произведения, как на таджикском, так и на узбекском языках. Из этой статьи можно узнать о взглядах поэта по вопросам укрепления литературных связей двух соседних народов, об укреплении былых литературных традиций.

В другой заметке под названием «Чун садои дили худ», («Как отзвук своего сердца»), опубликованном в газете «Хакикати Узбекистон» в 1983 году, Лоик Шерали высказывает свое отношение к творчеству своего

узбекского соратника Эркина Вохидова. Перечисляя сделанные им переводы стихов “Забони модарӣ”(“Родной язык”), “Шеър ва шохмот”(“Стихи и шахматы”), “Шеъри гумшуда”(“Утерянные стихи”), “Мӯрча”(“Муравей”), “Сарчунбонии акрабак” (“Качающиеся стрелки”), “Орзуи танҳой”(“Мечты об одиночестве”) и др. из творчества этого поэта, он главными их достоинствами называет искренность и близость к народному страданию и радости. К числу достижений узбекского собрата по перу он называет успехи в жанре газели, его сборник стихов “Восточный берег” и поэму “Восстание духов”. Эта заметка убеждает в том, что Лоик Шерали питал дружественные чувства к представителям других литератур, радовался их успехам, переводил их стихи на таджикском, знакомил таджикских читателей с творчеством своих братьев по перу.

Автор признает, что «для расширения кругозора наших поэтов повлияли также перевод и издание представляющих большую ценность произведений русских поэтов Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского и других советских поэтов Эдуардеса Межелайтиса, Расула Гамзатова, Кайсина Кулиева, Наби Хазри, Бориса Олейника и др.» [43, 38].

Лоик считает, что поэт не должен ограничиваться проблемами лишь своего народа. Поэтому он поддерживает тех поэтов, которые «выйдя за пределы своих кабинетов, в сегодняшнем мире, полном борьбы и изменений, пером и словом принимают участие в борьбе и сражениях народов Чили, Вьетнама, Ирана и Афганистана» [43, 38]. Именно эти моменты придали мощность политическому и социальному аспекту публицистических взглядов Л. Шерали.

Подведя итоги сказанному в этом разделе, можно отметить, что Лоик Шерали не только интересовался литературными связями между бывшими советскими республиками, а также Востоком и Западом, но и внес личную лепту для обогащения этих связей. Об этом свидетельствуют его переводы,

не только крупнейших мировых поэтов, но и стихи русских, кавказских, прибалтийских и среднеазиатских собратьев по перу. Лоик занимался переводом, и одновременно размышлял об особенностях переводческой деятельности, теории и практике перевода, высказывал свою точку зрения о соотношении содержания и формы, духа и стиля перевода и оригинала, качестве подстрочника, о непереводаемом в переводе и т.п.

Завершая главу, отметим наиболее существенные моменты, вытекающие из ее содержания:

1. Литературно-критические взгляды Лоика Шерали, сформировавшись в процессе бурных событий второй половины XX века, на рубеже двух эпох – советском и периода национальной независимости способствовали совершенствованию художественного мышления современников. Литературно-критические взгляды Л. Шерали далеки от предрассудков и фанатизма и опираются на традиционные и современные духовные ценности. Принцип критики литературных произведений во взглядах Л. Шерали берет начало от традиционных концепций литературной критики и новейшей таджикской писательской критики XX века. В произведениях этого литератора и критика мы знакомимся с важными элементами критики и особенностями взглядов таджикских критиков XX века. Традиции писательской критики Лоика Шерали наравне с многогранными и всеобъемлющими критическими произведениями именитых мастеров слова XX века – С. Айни, А. Лахути, М. Турсунзаде, С. Улугзаде, Дж. Икрами, Ф. Мухаммадиева, М. Каноата, Б. Сабиром, Г. Сафиевой, Гулназаром и десятками других предоставили богатый опыт для полноценного и всестороннего понимания литературы и расширения идейно-эстетического восприятия времени.

2. В публикациях Л. Шерали рассмотрен ряд общих вопросов формирования истории таджикской литературы и печати, критики, изучения творчества представителей современной таджикской литературы

и искусства, проблемы перевода и литературных связей Запада и Востока.

3. Определяя задачу поэта по отношению к критике, поэт считает, что литератор не обязан отвечать критике. Л. Шерали по этому поводу говорит: «Я ответил только Кутби Кирому. Если бы написанное им имело оскорбительной интонации, я бы не ответил, потому что я называл его отцом, и он называл меня сыном. Отвечал по вопросу о языке, потому что, не зная, не употребил ни одного слова» [129].

4. Лоик Шерали не был сторонником нового, белого стиха. Несмотря на то, что в своем художественном творчестве временами обращался к сочинению белого стиха, однако он был уверен, что этот вид поэзии «не имеет будущего».

5. Обращая внимание на проблемы перевода произведений зарубежных поэтов на таджикский и с таджикского на русский, Лоик высказывает свою точку зрения относительно принципов перевода, о соотношении перевода и оригинала, соответствии стиля и духа, о роли подстрочника и т.п.

ГЛАВА III

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛОИКА ШЕРАЛИ

3.1. Социальные проблемы и вопросы национальных традиций

По мнению исследователей, социальная жизнь второй половины XX века внесла изменения в деятельность и содержание произведений литераторов и публицистов. В связи с этим, в литературе, публицистике и критике 60-80-х годов XX века начался новый период поисков, который привел к значительным достижениям и во второй половине 80-х годов достиг наивысшего предела. Политические и социальные факторы стали причиной возникновения новых веяний в публицистике и художественной литературе, произошли значительные изменения в политической, социальной и культурной жизни советского общества.

Вполне естественно, что это явление оказало благотворное влияние на современную публицистику. В связи со сложившейся обстановкой, публицисты стали уделять внимание анализу и обсуждению конкретных жизненных явлений и событий. Они стремились к освещению актуальных проблем социальной и духовной жизни народа. Исключительная смелость некоторых журналистов и публицистов сделала возможным то, что многие социальные проблемы заняли особую роль в их публикациях. Уважение к национальной культуре и традиционным ценностям прошлого стало приоритетом для литераторов и публицистов, в их произведениях различными оттенками исторического, философского и публицистического понимания выражены вопросы, касающиеся оздоровления духовно-социальной среды, защиты преемственности, сохранения языка, уважения к национальной культуре. В публицистических произведениях этого периода также уделено внимание актуальным проблемам городского управления, экономики и промышленности, защиты окружающей среды и т.д.

В произведениях таджикских публицистов этого периода проблемы преемственности и исторической памяти соединились с вопросами

социальной и гражданской позиции современного поколения, и на этом поприще чрезвычайно заметны вклад и достижения Л. Шерали.

Л. Шерали в качестве журналиста, совершая творческие поездки в различные города и районы республики, написал статьи и репортажи об актуальных проблемах социальной и культурной жизни того периода. В этой связи, его командировка в Ленинабадскую область (ныне Согдийская) послужила причиной написания статьи «Наврӯзи Ленинобод» («Наврӯза Ленинабада») (Комсомоли Тоҷикистон, 18 марта 1967 г.), в которой восхваляется Навруз и критикуются чиновники по поводу их отношения к этому национальному празднику.

В статье, вместе с описанием красочной картины празднования Навруза, ясно подчеркивается древность его истории. Наравне с этим, сообщается о популярности этого праздника среди стран Востока – Ирана и Афганистана, Турции, Азербайджана и в некоторых других регионах Кавказа.

Рассказывая о начинаниях жителей Ленинабадской области и ее руководства по празднованию Навруза, автор приближается к своей подлинной цели: «Несмотря на то, что Навруз с самого начала не имел никакого отношения к суеверию, однако у нас нет права полностью изменить его, а под названием Навруз проводить на деле другие мероприятия» [19].

По его мнению, «Навруз чисто национальный праздник, он должен сохранить хотя бы несколько своих национальных черт, например, перед открытием церемонии Навруза оркестр играл марш военного парада. Я удивился тому, какое же отношение имеет этот марш к Наврузу» (19).

Другое замечание автора касается узбекских песен местных певцов. Целью автора, конечно же, не является препятствование пению узбекских песен, а призыв к тому чтобы не забывать «свой народ, свою мать, свои обычаи и традиции». Радио Таджикистана стало объектом критики автора из-за того, что «в тот самый вечер Ленинабадского Навруза передавало

концерт какого-то хора капеллы». Ввиду этого, автор выражает беспокойство, что «неужели сотрудники музыкальной редакции таджикского радио не могли по случаю Навруза посвятить праздничный концерт жителям Ленинабада» [19].

В этой же статье Л.Шерали критикует навевающие печаль, тяжелые классические песни: «В такие праздничные дни не подобает петь со сцены тяжелые и навевающие печаль классические песни. Для такой церемонии необходимы задорные, веселые и пленительные песни, подобные песням Зафара и Джурабека. Однако композиторы мало обращают на это внимание» [19]. В данной статье речь идет о тенденции унаследования поколением 60-х годов XX века духовного наследия таджикского народа. В связи с этим, подчеркивание того, что мы являемся наследниками традиций Навруза, являлось крайне своевременным: «Если говорить искренне, из всех праздников, которые наш народ с верой и поклонением отмечал на протяжении веков, остался только праздник Навруз. Потому остался, что это народный праздник, праздник, подобно весне, естественный и земной. Следовательно, мы должны отмечать его торжественно, со всем уважением и верой, испытываемыми нами к своему талантливому народу и прославленным предкам. Возможно, спросят, что если мы не можем провести (и это не приемлемо) Навруз с прежним величием и размахом, то какими новыми национальными чертами можем его украсить? Все хорошие черты, наилучшие традиции народа необходимо воплотить в Наврузе» [19].

Известный таджикский критик Юсуф Акбарзаде пишет: «Обращение Лоика Шерали к изложению, описанию и пропаганде Ленинабадского Навруза не было случайным. Посредством этой статьи он хотел довести до руководителей, и в том числе руководителя первого ранга, что все должны с уважением относиться к традициям и обычаям своей нации и превратить Навруз в официальный общенародный праздник» [268].

В критической статье «О новых традициях и обычаях» («Комсомоли Тоҷикистон», 7 июня 1967 года) также слышится голос протеста против изъянов и недостатков социальной и культурной жизни страны. В ней говорится о традициях свадьбы, празднеств по случаю обрезания, обряда погребения. Автор придерживается мнения, что «выбрав красивые элементы и добрые символы и от красной, и от национальной свадьбы, необходимо соединить их и создать великолепную свадьбу» [20].

В статье говорится о том, что нельзя относиться к обычаям безответственно, ибо безразличие в обществе приводит к нежелательным последствиям: «Удалив бессмысленные элементы из всех традиционных национальных обычаев, необходимо украсить их новыми чертами, которые сегодня предлагает сама жизнь» [20].

По поводу соблюдения традиций, связанных с усопшими, Л. Шерали пишет о поминальных обрядах и, укоряя некоторых недалёковидных руководителей, запрещающих этот обряд, отмечает необходимость вечеров воспоминаний по усопшим.

Размышления Л. Шерали о способе проведения церемонии свадьбы и ритуала погребения, об устройстве кладбищ соответствуют менталитету народа. Эти статьи показывают, что Л. Шерали, с исключительной смелостью, обращаясь к темам нации и родины, создал особую школу, которая в последующем нашла продолжение в таджикской печати. Ибо «его уверенные шаги на пути к историческому самосознанию и выражения боли народа были беспрецедентными в нашей литературе».

В статье «Ҷамоли Суғдиён» («Красота Согдийцев»), написанной в соавторстве с Отаханом Латифи, опубликованной в газете «Комсомольская правда» (4 января 1969 года), а затем на таджикском языке в газете «Комсомоли Тоҷикистон» (10 января 1969 года) объектом размышлений вновь становится проблема преемственности. Авторы ставят вопрос о разрушенном состоянии исторических памятников Зеравшанской долины, в том числе, городов и районов Пенджикента, Исфары, Гиссара и других

исторических регионов. Сила публицистского духа статьи заключается в том, что в ней объектом острой критики является отношение местных властей. В том числе, неправильные действия местных руководителей Пенджикента по отношению к историческим памятникам является одним из критических аспектов статьи. Авторы с горечью говорят о том, что «ученые еще не успели полностью очистить бельведер дворца, однако руководители города Пенджикента построили там водонаборную конструкцию. В то время как ее можно было установить подальше от дворца и в 20-и метрах для нее есть подходящее место!» [22].

Авторы смело и остро критикуют стиль управления городских властей Пенджикента: «С одной стороны строят гостиницы для туристов, а с другой стороны разрушаются старинные памятники архитектуры» [22].

В статье «Қадри ёдғориҳо» («Цена памятников», 1969) предметом обсуждения становится отношение к историческим памятникам, в частности, к скульптурам и памятникам в Таджикистане и пишет следующее: «В Таджикистане есть более тысячи исторических и культурных памятников, однако в списке Общества защиты памятников перечислены всего лишь 650. Естественно, каждый памятник, выпавший из списка, разрушен и никто не посмотрит на него благосклонным взглядом» [23].

В статье речь идет о бедственном состоянии ряда крепостей и медресе Гиссара, Ура-Тюбе, Худжанда, Исфары, Регара, Курган-Тюбе, Колхозабада, Шахритуса и др. По мнению автора, «памятники являются олицетворением мастерства сынов нашего народа, в их узорах и красках зафиксированы взгляды и мысли, надежда и чаянье, талант и искусство зодчих мастеров... Следовательно, мы должны сделать их еще более красивыми и величественными, чтобы предки и будущее поколение были довольны нами! [23].

Статья «Ҳақиқат ғалаба мекунад!» («Правда победит!») (1980) рассказывает о рабочей поездке Лоика Шерали в Республику Афганистан, а также о дружбе и взаимовыгодном сотрудничестве Советского Союза с этой страной. Автор высказывает точку зрения о поэтическом турнире между советскими и афганскими поэтами, дружбе и связях двух стран, публикации стихотворений афганских поэтов в изданиях Таджикистана, в том числе, в журнале «Садои Шарк» («Голос Востока»), организации дней культуры Афганистана в СССР. Он выражает уверенность, что «разум и справедливость одержат победу. Мирлюбивые силы планеты не позволят империалистам использовать клевету и подстрекательство для разжигания новой мировой войны» [36].

В вопросе пропаганды дружбы народов не лишена значимости также и статья «Ширу шакар» («Молоко и сахар»), рассказывающая о днях литературы и культуры Таджикистана в Узбекистане [39]. В статье «Ду кӯчаи Мирзо Турсунзода» («Две улицы Мирзо Турсун-заде») говорится о том, что в Дагестане две улицы названы в честь этого поэта [46].

Дискуссия по проблеме разделения Пенджикентского района началась в районной газете «Зарафшон». Л. Шерали в ответ на многочисленные письма людей написал статью под названием «Чудо шавем ё ба ҳам оем?» («Нам разделиться или объединиться?») (1990) и ответил на ряд вопросов, требующих разъяснения.

В этой статье, прежде всего, речь идет об остром социальном, экономическом и политическом кризисе. Несмотря на то, что выход из кризиса сопряжен с многими трудностями, однако автор придерживается мнения, что «больше, чем прежде, люди стремятся к жизни достойной человека и борются за демократические свободы».

Во многих публикациях Л. Шерали периода перестройки дана положительная оценка этого явления, и с некоторыми из них мы ознакомились ранее. В этой статье автор также высказывает мнение, что «перестройка, бесспорно, до некоторой степени открыла наши глаза,

чтобы мы объективно взглянули на себя и на свою жизнь... Мы увидели, что все благие дела, которые нам пропагандировали и преувеличенно представляли нашу жизнь, были не более чем пустословьем...» [88]. В продолжение темы он также подчеркивает, что «перестройка чрезвычайно необходима нашему обществу и наш народ нуждается в ней».

В статье «Чудо шавем, ё ба ҳам оем?» речь идет о тяжелых испытаниях, выпавших на долю нации, причинами которого названы лишение культурных центров, оторванность от единокровных и говорящих на одном языке народов, изменение алфавита и разрыв связи с культурным прошлым.

В этих публикациях Л. Шерали объектом критики становится стиль ведения дел советского периода. Автор пишет: «Иногда задумываюсь: Почему в нашей стране так много министерств и управляющих ведомств? Разве не отпала необходимость в существовании такого количества ведомств?» [88].

В публицистике Л. Шерали предметом разговора и размышлений является многочисленность министров, их заместителей и служащих, которые получают большую зарплату, скромный уровень жизни простых людей, поспешность и торопливость при разграничении районов, горькая история переселения жителей верховья Зеравшана – ягнобцев и матчинцев и трагические последствия этого перемещения.

Статья «Дар дуруха» («На перекрестке») (1987) дискутирует о неблагоприятной ситуации атмосферы 80-х годов XX века относительно традиций и религиозных ценностей. Автор, касаясь всех религиозных аспектов жизни того времени, поднимает целый ряд спорных вопросов общества. В том числе, в статье речь идет о критике старых религиозных обрядов и отношении общества к новым религиозным традициям, а также о качестве церемонии свадьбы и ритуала погребения с точки зрения времени и религии. Так, к примеру, автор уверен, что «мы еще не создали новую современную модель похорон, претендующей на то, чтобы занять

место старого обычая» [57]. Одним из основных вопросов в статье является отношение к исламу и понимание особенностей религии в современном мире. Автор размышляет об усилении среди сельской молодежи склонности к религиозности [186-1, 148-153].

Об этой статье профессор У. Гаффаров писал, что «публикация статьи Лоика Шерали приоткрыла завесу над некоторыми «запретными темами». В ходе обсуждения люди разных возрастов и профессий писали о своей боли, нынешнем положении обычаев и традиций, об их достоинствах и недостатках, освещали другие стороны тех проблем» [181].

В статье Л. Шерали «Байтҳои хуснафзо» («Красивые бейты», 1983) под рубрикой «О городском строительстве и управлении» предметом диспута стали проблемы управления городом и его благоустройства. Эта публикация является результатом постоянных творческих поездок Л. Шерали в города и районы республики и в ней критикуются избитые лозунги и призывы, такие как «Добро пожаловать в район... в город... в колхоз». Автор ставит вопрос: «почему возникли такая монотонность и однообразие и почему мы забыли выражения «мархабо», «хуш омадед, сафо овардед» (букв: добро пожаловать, вы принесли нам радость), «хайра макдам» (с приездом), «нури дида – точи сар» (оказываем высочайшее почтение) и подобные им?» (51).

Он предлагает, чтобы на условных границах областей и городов, районов и поселок, деревень и хозяйств были написаны красивые бейты, которые могли бы выражать особенность тех мест, а также стать их своего рода духовными воротами.

Он из тех, кто впервые предложил установить в городе Душанбе четыре условные ворота в его четырех направлениях. Это «Ворота Вахша», «Ворота Гиссара», «Ворота Варзоба», «Ворота Кофарнихана», на каждой из которых должен быть написан соответствующий бейт и по ночам от электрического света каждая буква бейта должна сиять как звезда [49].

Предложение Л. Шерали о написании на стенах, арках, входах в базары и рынки бейтов, восхваляющих щедрость, честность, деликатность, благодарность или порицающих недобросовестность и нечестность, а также описывающих фрукты, полезные травы, напитки и их свойства, ценность хлеба, труд земледельца, щедрость земли, воды и т.д. является полезным, так как «они бросаются в глаза и покупателю и продавцу».

Тема написания бейтов на могилах затронута также и в предисловии сборника «Санги мазор» («Надгробный камень») под названием «Марг хаёт аст, хаёт марг аст» («Смерть - это жизнь, жизнь – это смерть») [101]. Л. Шерали является составителем и автором предисловия этого сборника, охватывающего бейты о надгробных камнях и гробницах [14].

В интервью «Хамеша дар хидмати мардум» («Всегда на службе у народа», 1987) и «Шамъ агар оташ набинад» («Если свеча остается без огня», 1988) речь идет о роли журнала «Садои Шарк» («Голос Востока») и его социальной и литературной значимости в обществе. По оценке автора, «Голос Востока» это единственный литературный журнал, у которого есть возможность освещать темные страницы истории литературы. Подобных страниц немало в жизни и творчестве Садриддина Айни, Пайрава Сулаймони, Хабиба Юсуфи, Гани Абдулло, Пирмухаммадзаде Дехоти, в особенности, в таджикской литературе начала двадцатого столетия, двадцатых и тридцатых годов. В этих интервью отчетливо прослеживается требование времени о том, что «раскрытие темных или черных страниц истории литературы и общества является одним из требований времен перестройки». Именно посредством журнала читатели узнали о тяжелой жизни основоположников новой таджикской культуры - Аджзи, Мирзо Сироджа, Фитрата, Хамди, Садриддина Айни, Пайрава Сулаймони, Пирмухаммадзаде, Рашида Абдулло, Гани Абдулло, Хакима Карима, Рахима Хашима. Конечно же, «некоторые из них были осуждены во время трагедии 1937 года и в борьбе между новой и старой идеологией. Однако

читатель не знает в точности, как и почему они были осуждены, в чем их вина» [70].

В ответ на эти требования появление новой главы под названием «Тазкираи адабиёти солҳои 20-30-ум» («Антология литературы 20-30-х годов»), издание очерков и воспоминаний о вышеназванных литераторах и партийных работниках – Чинаре Имамове, Шириншо Шотемуре, Абдукадыре Мухиддинове, Абдулло Рахимбаеве и других стало ключом для читателей ко многим загадкам истории. Таким образом, на основе «исторических фактов и документов, свидетельств современников и соратников были восстановлены их биография, творческая и общественная деятельность».

В интервью под названием «Боз як соли ғаму шодӣ гузашт» («Прошел еще один год печали и радости»), состоящего из беседы А. Сангина с Л. Шерали (1989), говорится о достижениях и трудностях одного года перестройки. По мнению поэта и критика, «если взглянуть на эти чрезвычайно важные исторические события с поэтической точки зрения, отразить эти события в поэзии оперативно, в тот же час и миг является очень трудной задачей, так как стихотворение должно быть сжатым, красочным и образным выражением этих событий. Ввиду этого, основная задача каждого современного советского человека заключается в том, чтобы своим трудом непосредственно взяться за дело перестройки и результат, достигаемый от работы каждого человека, от работы группы людей, целого большого общества, это и является вкладом людей в дело перестройки» [72].

В этом интервью читатель знакомится с теорией и практикой перестройки. Л. Шерали убежден, что «непосредственное участие каждого человека в меру его возможностей, в меру таланта обеспечит осуществление перестройки» [72].

В беседе сотрудников «Садои Шарқ» с читателями один товарищ задал вопрос, почему памятники Сино и Рудаки покрылись пылью и никто не

чистит их? Главный редактор отвечает: «то, что памятники покрылись пылью, является естественным, так как они стоят в открытом пространстве. Безусловно, необходимо их чистить время от времени. И мы сказали о том, что почему вы сами, если такие заботливые, вместе с товарищами-студентами, не пошли, засучив рукава, чтобы очистить от пыли памятник Сино? Это один простой пример, однако когда с этой точки зрения посмотрите более широко, в пределах страны и мира, от каждого из нас требуется что-то конкретное» [72].

По вопросу сострадания тем, кто оказался в трагической ситуации, например, о трагедии Армении виденье публициста пронизано гуманистическим духом: «Я хочу, чтобы и в радости, и в горе у нас была единая судьба. Человек, оказывается, может быть гуманным. И в своих внутренних делах, при выполнении задач, которые перестройка поставила перед нами, мы должны поступать так же. Не ждать, что случится горе или прозвучит призыв» [72].

Публицист высказывает содержательные мысли по вопросам быта людей, экономики и семейного хозяйства, улучшения окружающей среды, родного языка, присвоения имен и т.д.: «В прошлом году было проведено множество бесед о проблемах улучшения окружающей среды, родного языка, имени и присвоения названий, многодетности, экономического положения республики и семейной экономики. Я не очень хорошо разбираюсь в вопросах экономики. Однако придерживаюсь мнения, что каждый поэт, писатель должен быть хорошо осведомлен об экономической ситуации своей страны. Например, меня, как одного из членов общества огорчает такая ситуация, что за сбор хлопка платят от пяти до десяти копеек. Действительно, это является унижением по отношению к труду человека, особенно к труду женщины – матери...» [72].

Или же по поводу детского труда высказывает следующее мнение: «Что скрывать, они после уроков выходят на хлопковые поля. Запрещено, но родители, для того, чтобы наладить семейное хозяйство и обеспечить

хорошую жизнь, обязывают их, возможно против своей воли, делать эту работу. Безусловно, нелегко обеспечивать многочисленное семейство. Я слышал, что в Туркменистане, в жаркое время года платят дополнительно. Почему наша республика должна быть лишена этой льготы? Разве жара в районах Курган-Тюбе и Шахритуса меньше, чем в Туркменистане?» [72].

Подвергая критике то, что всего из 9-10 процентов хлопка в республике делают пряжу и изготавливают ткань, пишет следующее: «Да, остальное, выходя из нашего распоряжения, отправляется в другие предприятия и фабрики. Безусловно, когда представляем внутренние возможности хозяйства республики, понимаем, что мы не можем изменить эту ситуацию в течение двух-трех лет. Например, для обработки хотя бы части хлопка республики и производства ткани мы должны иметь несколько предприятий. Еще нужны и кадры, и специалисты. Если бы эта работа началась, к примеру, 15-20 лет назад, был бы другой разговор» [72].

Публицист, касаясь проблемы обработки драгоценных камней, минералов, природных богатств, сожалеет о том, что у нас нет предприятий, которые бы «превратили эти богатства в готовую продукцию на месте их добывания, чтобы республика смогла извлечь пользу из этих богатств» [72].

Л. Шерали в дискуссии по проблеме языка положительно оценивает роль газеты «Точикистони совети», еженедельников «Адабиёт ва санъат» и «Газетаи муаллимон», в которых было опубликовано множество статей. Анализируя их суть и содержание, приходит к выводу, что «постановка вопросов по сути была правильной». Несмотря на то, что он не был согласен с некоторыми моментами и выводами трех статей Р. Амонова и профессора Р. Гаффарова «Як забон ва ё се забон» («Один язык или три языка»), «Иқтибосҳои забони ҷӣ муаммо дорад?» («Какие проблемы существуют в языковых заимствованиях?»), «Дар забон чи қачравихо мавҷуд аст?» («Какие перегибы есть в языке?»), однако считает поводом для гордости внимание ученых к статусу таджикского языка и вопросу

сохранения его чистоты. Он сожалеет о том, что «кроме двух-трех ученых и сочувствующих, другие «набрали в рот воды», будто они не являются носителями языка». Поэт считает, что «если язык принадлежит народу и ученые и писатели говорят от имени народа, то и народ должен «шевелить бородой» [72].

Эта публикация носит ярко выраженный социальный характер: «Народ должен ежедневным, ежечасным поведением доказывать, что он является носителем языка. Предположим, каждый учитель, дехканин, рабочий, ученый, не говоря об ученых-языковедах и ученых других областей, в речи не будет соблюдать чистоту языка, (например, использование слов «серавно» (все равно), «вобше» (вообще), «исдачи надод» (не дал сдачи), «успет намекунам» (не успею) и т.д. и т.п., которых множество в нашей речи), трудно надеяться на чистоту языка. Знание русского языка не означает, что мы должны неуместно использовать русские слова, вариант которых существует в таджикском языке и более того, распространен среди людей. Виной этому наше нежелание и лень, наше равнодушие к судьбе языка. То есть, хочу сказать, что чистота языка является общенародным делом» [72].

В интервью под названием «Гӯш ба лахни Рӯдакӣ диҳем» («Прислушаемся к словам Рудаки», 1990) и «Рӯзгори васли худ чӯем» («Поищем возможности соединения», 1990) предметом разговора являются вопросы языка.

Одним из важных аспектов публицистических произведений является тема истории и национального самопознания. Научно-публицистические предисловия Л. Шерали к «Хуросон аст, ин чо!» («Здесь Хорасан!») академика М. Шакури и «Таърихи тоҷикон бо мӯҳри «комилан сиррӣ» («История таджиков под грифом «совершенно секретно») Р. Масова, в которых рассматривается сложная социально-политическая обстановка страны, побуждают читателя к глубоким раздумьям. Исследователь С.

Абдулло называет эти статьи по содержанию равными целой книге [192, 278].

Трагедия социальной жизни Таджикистана 90-х годов оказала глубокое и осязаемое влияние на наследие Л. Шерали – поэта, благодаря произведениям которого в современной литературе вошла тема национального самосознания. Поэт, который когда-то гордился славным прошлым своей нации и древней страны, сегодня с горечью рассказывал о братоубийственной войне таджиков. Эта мысль в предисловии книги М.Шакури «Здесь Хорасан!» выражена следующим образом: «...мы наряду с духовностью и религиозностью утратили также и аристократизм и традиции благородства. Так как местом взращивания аристократизма также являются большие города (а не деревни и шатры!) и он орошается от чистой реки духовности и религиозности, с убийством династии аристократов и благородных, мудрых священников, набожных ученых, справедливых и великодушных, заключения в темницу образованных людей, с эмиграцией отзывчивых и патриотичных семейств, с бегством имущих и богатых меценатов науки, литературы и культуры наши города лишились также и аристократизма, а «революционные» босяки заняли место аристократов.

Сегодня в городе Душанбе, более того, во всем Таджикистане нет и следа от аристократизма и благородства, иначе не были бы зверски убиты Юсуфхан Исхаки, Минходж Гулямов, Мухаммад Осими и Мухиддин Олимпур. Нет благородства и аристократизма, поэтому появились тупоумие, безверие, невежество и прочее, поэтому брат пролил кровь брата.

Душмани хонагӣ аз хасми бурунӣ батар аст,

Бештар шикваи Юсуф зи бародар бошад» [231]

Подстрочный перевод:

Внутренний враг хуже внешнего противника,

Иосиф больше сетует на брата.

В интервью под названием «Замони ше’ргуи нест» («Не время писать стихи»), являющегося сжатым переводом материала, изданного в «Литературной Евразии» (1999) речь идет об улучшении периода социально-политического противоборства страны в 90-х годах прошлого века. Так, к примеру, он говорит: «...Никто не прогонял Бозора Сабира из Родины. Напротив, его освободили из тюрьмы. Он вначале пожелал жить в Москве, однако ему не дали статус беженца. Сейчас он живет в Америке. Президент Таджикистана Эмомали Рахмонов прилагает усилия для его возвращения на Родину. Также все те, кто по причине тех известных событий стали беженцами, прощены и могут вернуться на родину» [125].

По мнению исследователя С. Хакимовой, «публицистика является отображением реальной жизни и событий с охватом различных фактов и свидетельств», о чем можно убедиться на примере публицистики Лоика.

Изучение социальной публицистики Лоика Шерали приводит к следующим выводам:

1. Социальная публицистика Л. Шерали различных периодов является с одной стороны многоплановой, а с другой стороны – чрезвычайно острой.

2. В социальной публицистике Л. Шерали ярко и отчетливо выражены важнейшие проблемы политики и социальной жизни, истории, материальной и духовной культуры народа.

3. В публицистике Л. Шерали наряду с верными мыслями, в некоторых случаях встречаются также и спорные, требующие разъяснения взгляды, связанные с политикой времени.

3.2. Проблемы языка и национального самосознания

Лоик Шерали во второй половине 80-х годов XX века являлся одним из ярких поборников сохранения национальной культуры и чистоты таджикского языка. Чувство патриотизма Л. Шерали на пути защиты национальных ценностей, в том числе, таджикского языка, прослеживается

уже в первых его произведениях, написанных во второй половине 60-х и 70-х годов XX века. Однако, начиная со второй половины 80-х годов проблема языка в советском обществе, особенно в Таджикистане, превратилась в ключевой момент политики перестройки.

Точка зрения Л. Шерали по различным вопросам высказывается как в его стихотворениях, так и в статьях, интервью и репортажах.

Размышления Л. Шерали о языке особо связаны с острым периодом споров и дискуссий по вопросу обретения таджикским языком государственного статуса. Исследователи неоднократно высказывали свое мнение о борьбе за принятие Закона о таджикском языке. В том числе, с различными аспектами этого вопроса можно ознакомиться из книги Ю. Акбарзаде «Сохиби ин забон кист?» («Кто является носителем этого языка?») [270] и предисловие к четвертой книге «Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20-90-уми садаи XX» («Проблемы формирования таджикского литературного языка в 20-90-х годах XX века») профессора Т. Ваххобова.

В публикациях Л. Шерали о месте и роли таджикского языка нашли отражение сложные вопросы отношения общества к языку и проблемы, связанные с приданием таджикскому языку государственного статуса.

Деятельность Л. Шерали в развитии и возрождении таджикской культуры во многом имеет сходство и глубокую связь с подвигами С. Айни, Б. Гафурова, М. Турсунзаде и других. В особенности, их деятельность и борьба за сохранность таджикского языка знакомит нас с различными аспектами отношения просветителей к языку. Если С. Айни в процессе своей разносторонней деятельности внес определенный вклад в направлении защиты языка и его сохранности, то Б. Гафуров, М. Турсунзаде и другие являлись продолжателями этих усилий в последующие периоды, главным образом в 60-70-х годах прошлого столетия.

Л. Шерали наряду с таджикской передовой интеллигенцией второй половины 80-х годов XX века, в том числе, М. Осими, М. Шукуровым, Р.

Амоновым, Р. Гаффаровым, Ш. Рустамовым, А. Турсуновым, И. Усмановым, Г. Сафиевой и десятками других, внес достойный вклад в дело сохранения таджикского языка как одного из основных атрибутов нации, его развития и извлечения из бедственного положения.

В 1988 году в Таджикистане началась напряженная борьба на пути укрепления основ персидско-таджикского языка. Первая статья на эту тему была написана академиком М. Шукуровым и опубликована под названием «Забони милли гамхории махсуро хохон аст» (Национальный язык требует особой заботы) в газете «Тоҷикистони совети» (25 ноября 1988 г.). Русский перевод этой статьи под названием «Кто беспомощен в собственном языке» был опубликован в «Литературной газете» 14 декабря 1988 г.), а также в сборнике «Говоря откровенно» (1989). В последующем, в этом направлении проводились продолжительные дискуссии в газетах «Тоҷикистони советӣ» («Советский Таджикистан»), «Газетаи муаллимон» («Учительская газета»), «Комсомоли Тоҷикистон» («Комсомолец Таджикистана»), «Адабиёт ва санъат» («Литература и искусство»), журналах «Садои Шарқ» («Голос Востока»), «Памир» и других. Л. Шерали называл это время периодом смешения таджикского произношения с русским среди таджиков. В действительности, общение людей на неправильном таджикском диалекте, смешанном с русским языком на улицах и базарах – городах Таджикистана стало причиной усиления голоса протеста передовой интеллигенции. До времен перестройки большинство приказов и постановлений, собраний и встреч, а также государственные документы издавались и проводились на русском языке. Таджикский язык перестал использоваться в качестве языка официального делопроизводства. Ввиду этого, подобное отношение к языку вызывало тревогу интеллигенции, они посредством печати поставили вопрос о повышении статуса и авторитета языка.

Теоретические взгляды Л. Шерали о таджикском языке выражены в ряде статей, репортажей и интервью, таких как «Забони тоҷики бояд

макоми давлати дошта бошад» («Таджикский язык должен иметь государственный статус») (в соавторстве), «Ақлҳоро ақлҳо ёрӣ диҳад» («Одна голова хорошо, а две-лучше»), «Шиносномаи миллат» («Паспорт нации»), «Як рукни муқаддасоти миллӣ» («Одна из священных основ нации») (1988), «Забондӯсти ватандӯсти аст» (Любовь к языку – это любовь к родине) (1989), «Гӯш ба лаҳни Рӯдакӣ диҳем» («Прислушаемся к словам Рудаки»), «Самараи ҳиммати соҳибзабонон» («Результаты инициативы носителей языка»), «Муборак бод ин рӯзу ҳама рӯз» («Да здравствует этот день и все другие дни») (1990), «Паёми Бунёди забони форсии Тоҷикистон» («Послание Фонда персидского языка в Таджикистане») (1991), «Мероси ҷовидона» («Бессмертное наследие») (1991), «Забон, таърих ва табори муштарақ» («Общий язык, общая история и происхождение») (1992), «Соҳиби ин забон кист?» («Кто является носителем этого языка?») (1994), «Бунёди забон дар бистари замон» («Фонд языка в потоке времени») (1996), «Вуруде ба боргоҳи ин китоб» («Вступление в мир этой книги») (1997) и т.д.

Л. Шерали на основе исторических фактов, тщательно рассматривая проблемы эволюции персидско-таджикского языка, с высоким чувством национального самосознания призывает читателей быть главным владельцем языка. Л. Шерали не являлся ученым-языковедом, однако в его публицистических произведениях соблюдается научный стиль.

Одним из важных моментов в произведениях Л. Шерали является обращение к далекой истории иранского и таджикского народов, к роли и месту персидско-таджикского языка в истории, обращение к его глубоким корням. Он понимал, что арийская цивилизация и персоязычный народ когда-то правили от Индии до Испании и от нижнего Урала до Тихого океана, и в этих владениях персидско-таджикский язык был официальным государственным языком. Л. Шерали напоминает, что «тюркоязычные народности не хотели признавать и воспринимать нас как группу этнической народности и стремились разными путями и способами препятствовать формированию Таджикской республики. В такой

неспокойной и в то же время опасной обстановке был необходимым человек, который вступил бы в борьбу для защиты таджикского народа. В этот чрезвычайно трудный и опасный период С. Айни наряду с другими делами, занимаясь вопросом народного языка Таджикистана, ясно освещает его, сам говорит и пишет на этом языке» [71].

Историки утверждают, что в течение тысячи лет после распада государства Саманидов таджикская нация не обладала государственностью, однако все наши правители говорили на персидско-таджикском языке. Персидско-таджикский был языком государственного делопроизводства. Были и тюркские поэты, говорящие на таджикском языке, подобные Мирзе Галибу (самаркандский тюрк), Бедилю (барлос), Хилали (чагатай) и др., которые создали выдающиеся стихотворения на персидско-таджикском языке и «донесли его до Индии» [116, 2].

В этом смысле, он отмечает, что персидско-таджикский язык не исчез и даже занял равное положение с арабским языком, тогда как Египет, Сирия, Ирак и страны Северной Африки, обладавшие языками своих народностей, утратили их после арабского завоевания. Персидско-таджикский же народ, приняв ислам, читал молитву на своем языке. Л. Шерали упоминает о событии, когда Ибни Кутайба в мечетях Бухары (бывшие храмы огнепоклонников Луны) объявил, что тот, кто будет читать молитву на арабском, получит два дирхама [119, 2].

Даже и тогда мало появилось тех, кто из-за дирхама отвернулся от родного языка. Л. Шерали дает высокую оценку таджикскому народу, который обладал таким высоким самосознанием и в течение тысячи лет выполнял свое миссию по сохранению родного языка.

Одной из особенностей статей Л. Шерали является то, что после их публикации возникала широкая реакция и появлялись комментарии. В том числе, статья «Як рукни муқаддасоти миллӣ» («Одна из священных основ нации»), опубликованная в газете «Тоҷикистони советӣ» («Советский Таджикистан»), в те времена стала причиной возникновения

противоречивых и спорных точек зрения разных слоев общества. В статье главным образом рассматривается проблема присвоения имен [67].

Л. Шерали, опираясь на мысли известного таджикского поэта и критика Хабиба Юсуфи, говорил: «Необходимо не только понизить язык до уровня народного разговорного языка, но и поднимать народ до уровня литературного языка».

Действительно, большинство таджиков, работая в государственных предприятиях и учреждениях, за короткое время отдалялись от родного языка и не могли правильно говорить на нем даже с членами своей семьи. Отсутствие правильной речи на таджикском языке у руководителей, чиновников и интеллигенции превратилось в проблему номер один. Это свидетельствует о том, что в те годы сфера применения таджикского языка все больше ограничивалась. По выражению Л. Шерали, «таджикский язык почти полностью вышел из официального обращения и во многих случаях снижение статуса национального языка до уровня домашнего, уличного и базарного, означало то, что он лишился высокого положения и остается мало надежды на его развитие».

24 декабря 1988 года была опубликована статья «Забони тоҷикӣ бояд мақоми давлатӣ дошта бошад» («Таджикский язык должен иметь государственный статус»). Эта статья еще раз ясно доказала, насколько ограничена общественная функция таджикского литературного языка. Ввиду этого, постановка проблемы в статье обрела социальный оттенок: «Почему проблема таджикского языка и его государственного положения приобрела большое значение во времена перестройки (1980-1990 гг. XX века)? Какая необходимость возникла в том, чтобы общественное положение таджикского языка обеспечивалось прочными правовыми и конституционными гарантиями?» [66].

Публикация такого рода статей в печати конца 80-х годов XX века связана с событиями и мероприятиями, посвященными чествованию таджикского языка. В том числе, 24-25 ноября 1988 года в Академии наук

Таджикской ССР состоялась научная конференция, посвященная культуре речи, в ходе которой решение актуальных проблем таджикского языка приобрело еще большее практическое значение. Выводы авторов данной статьи совпадают с итогами этой конференции: «Таджикский язык решением Верховного Совета Таджикской ССР должен быть признан государственным языком. В этом смысле, необходимо внести специальную статью в Конституцию (Основной закон) Таджикской ССР. Конституция должна обеспечивать правовые гарантии использования таджикского языка в государственных органах, учреждениях, организациях, предприятиях, в среднем и высшем обучении, в науке, технике, культуре, здравоохранении, бытовом обслуживании и т.д.

Президиум Верховного Совета должен поручить своей соответствующей комиссии или специальной комиссии с участием квалифицированных лингвистов, социологов, юристов и др., а также в сотрудничестве с творческой интеллигенцией составить проект о статусе государственного языка Таджикской ССР, представить его на всенародное обсуждение, а затем на сессии Верховного Совета республики» [66].

В Средней Азии Таджикистан был первой республикой, приложившей необходимые усилия на пути защиты языка и обеспечения его законных прав и в этом есть доля участия Лоика Шерали и его соратников.

Л. Шерали показывает и разъясняет события общества как человек, сведущий в политике и эпохе, знающий историю, язык, литературу и цивилизацию таджикского народа, и являющийся хорошим знатоком бытовой культуры других народов. В каждой статье, независимо от того, какая проблема в ней рассматривается, облик Л. Шерали проявляется, прежде всего, в качестве историка, знатока обычаев и традиций народа, агитатора и пламенного оратора. На наш взгляд, все это составляет главные особенности его публицистики.

Публицистические произведения литератора в основном охватывают культурные аспекты жизни таджикского народа. Активная позиция автора

при постановке вопроса и всесторонний анализ событий и фактов заставляют читателей задуматься, и тем самым, эти статьи вносят свой вклад в создание всеобщего мнения.

Каждая публикация Л. Шерали начинается с рассмотрения проблемы, и автор показывает степень ее актуальности для общества. Раздумья о будущем языка и культуры таджикской нации является основной характерной чертой пламенной публицистики Лоика Шерали.

19 января 1988 года в газете «Тоҷикистони советӣ» («Советский Таджикистан») был опубликован материал под названием «Аклхоро аклҳо ёрӣ диҳад» («Одна голова хорошо, а две – лучше»), охватывающий беседу литераторов, историков, экономистов, философов, учителей и представителей других сфер народного хозяйства об актуальных проблемах дня [56]. Основная цель его - улучшение содержания, языка и стиля газеты. Среди материалов размещена лишь сокращенная беседа Л. Шерали в качестве члена комитета по терминологии при Академии наук Таджикистана. В этой беседе высказаны заслуживающие внимания размышления, а также предложения Л. Шерали по вопросу терминологии на таджикском языке. Л. Шерали в основном касается проблемы практического изучения таджикского языка, уместного использования слов и выражений, целостности перевода.

Изыскания Л. Шерали о таджикских эквивалентах некоторых слов также являются интересными. Заслуживают внимания его рассуждения о таджикском эквиваленте слова «партизан»: «Несколько ранее натолкнулся на слово **ризокор**, который переводится как **партизан**. В таджикском языке используется и его другая форма - слово **ихтиёрӣ**. Слово **ризокор** также очень хорошее. **Ризо**, т.е. идти по своей воле и **кор** выражает понятие войны. Для этого понятия у нас также применяют выражение **ихтиёрони чанг**» [69].

Л. Шерали привлекает внимание участников разговора к истинной цели разговора следующим образом: «В том комитете по терминологии

также сидят шаблонные люди, препятствующие выбору красивых и интересных слов. В чем состоит основная задача комитета? Изучить трудные слова и термины, ежедневно используемые в печати, и потом, после совместного совещания прийти к конечному выводу и отправить в редакции инструкцию. Возможно в этом случае между редакциями не будет возникать разногласий во время использования того или иного слова. Однако, к сожалению, комитет не делает эту работу» [69].

По мнению автора, привыкание к принятому слову способствует тому, что оно постепенно станет избитым. «Если посчитаете какое-то слово приемлемым, то оно постепенно будет принято. Также как мы в свое время вместо слова **процент** приняли слово **фоиз**, хотя оно не имеет никакого отношения к понятию процента. Однако все приняли слово **фоиз** и оно стало распространенным» [69].

Одной из первых серьезных и проблемных публикаций Лоика по вопросу защиты таджикского языка и повышения его общественного статуса является статья «Шиносномаи миллат» («Паспорт нации»). В статье автор утверждает, что «язык является прошлым, настоящим и будущим народа, паспортом нации на протяжении истории» [71].

С учетом неблагоприятного положения языка в советском обществе 70-80-х годов XX века он напоминает современникам и соотечественникам, что язык является национальным богатством, следует проявлять к нему уважение и сохранить его чистоту [71].

Точка зрения Л. Шерали к этой проблеме сформирована с учетом актуальности злободневной проблемы и исторического опыта народа. В статье, прежде всего, высказано мнение об этике общения таджикских детей на национальном языке на улицах и проспектах. В особенности, эта неприятная и неуместная ситуация вызывала беспокойство таджикской интеллигенции, ввиду этого, она считала одним из путей выведения языка из такого кризисного состояния устранение преклонения перед чужими.

Осознавая эту тенденцию, Л. Шерали писал, что таджикская молодежь «иногда говорит на русском, и так как запас русских слов является недостаточным, переходит на таджикский, и поскольку их фонд таджикских слов также пуст, снова переходит на русский или понимают друг-друга на каком-то смешанном, бессвязном и лишенном логики языке с тысячью мучениями, знаками и жестами рук, глаз, лица и бровей» [71].

Такое беспорядочное положение языка, глубоко укоренившись в семьях, охватило все слои общества. Интеллигенция подняла голос о том, что «отец и мать, даже деды и бабушки разговаривают на смешанном русско-таджикском языке со своими детьми, внуками и правнуками, которые, кажется, являются таджиками по происхождению» [59]. Болезнь незнания языка и его разрушенного состояния охватила даже те семейства, которые считались интеллигенцией, цветом общества.

Л. Шерали при рассмотрении вопроса о положении языка и определении его статуса обращается к истории и языковым ценностям прошлого и пытается найти причины подобного легкомысленного отношения. Он обращает внимание именно на тот важный момент, что хотя «таджикский язык после периода Саманидов до Октябрьской революции являлся официальным и государственным языком, он оставался объектом нападений тюрков. После революции (и до революции) сторонники пантюркизма и буржуазные националисты отрицали существование таджиков и таджикского языка, называли таджикский язык «бесполезным и лишним», в социальном потоке считали его судьбу «решенной», говорили, что таджиков и таджикский язык «нужно прогонять в узкие горные ущелья», и что они являются «отсталыми и неспособными к самоуправлению», в числе таджиков были также и «интернационалисты», относящие таджиков к «малым племенам». У тех, кто в Бухаре говорил на таджикском, пантюркисты, подобные Фитрату, который сам в действительности был таджиком, взимали штраф. В Бухаре и Самарканде душили таджиков и таджикский язык. Подобное невежественное

отношение в какой-то мере ограничило поле деятельности и сферу использования таджикского языка, охладило сердце таджиков к таджикскому языку» [71].

Подобная постановка вопроса приобретает особое значение в связи с социально-политической атмосферой советского периода второй половины 80-х годов XX века. На наш взгляд, борьбу таких поэтов, как Му'мин Каноат, Бозор Сабир, Лоик Шерали, Гулрухсор Сафиева и др. на пути к самосознанию и чествованию таджикского языка в период перестройки необходимо оценивать по достоинству. В этих публикациях облик авторов проявляется в качестве историков с новым видением, которые с учетом общественного статуса и с огромной гражданской ответственностью обратили внимание на суть вопроса, привели примеры из противоречивых страниц таджикского народа и халатного отношения правителей времени, ясно указали на корни ослабления национального самосознания и разрушений, касающихся знания языка в обществе.

В своих размышлениях по поводу отсутствия законного статуса государственного языка Таджикистана, распространения и влияния пантуркистов в стране, серьезных препятствий при открытии школ, издании научных произведений и учебных пособий на таджикском языке, учреждении газет и журналов Лоик Шерали опирается на факты истории. Упомянув речь Абдуллы Рахимбаева на II съезде Коммунистической партии Таджикистана (7-14 января 1934 г.) о необходимости воспитания местных руководящих партийных и советских кадров и ведения государственных дел на таджикском языке, он приводит интересный факт из его беседы с В. И. Лениным. Советский вождь сделал замечание по поводу влияния русского языка на делопроизводство на местах и сказал, что впредь эту работу необходимо осуществлять на таджикском языке.

Сторонники таджикского языка, в том числе Л. Шерали рассуждали о том, что многие годы делопроизводство государственного аппарата не осуществлялось на таджикском языке. Целью этих замечаний в тех

социально-политических и культурных условиях являлось подчеркивание необходимости знания языка руководителями учреждений, независимо от их национальности, изучение этого языка, материальная и духовная потребность в этом языке.

В этой статье также акцентируется внимание на ряде актуальных проблем, в том числе: издание «Вечерний Душанбе» не печатается на таджикском языке, нет таджикских кинотеатров, научные диссертации пишутся не на таджикском языке, обучение в вузах, особенно в сельскохозяйственном, медицинском и политехническом институтах проводится на русском языке, мало таджикских детских садов и в них отсутствуют книги и пособия на таджикском языке, коллектив сотрудников журнала «Коммунисти Тоҷикистон» не принимает рукописи статей на таджикском языке, празднование юбилея великих представителей прошлого Авиценны, Садриддина Айни, Мирзо Турсунзаде, Абдулкасыма Лахути прошло на русском языке и т.д. Л. Шерали обращает внимание на тот интересный факт, что «в этих празднованиях только лишь иностранные гости – Иржи Бечка, Манфред Лоуренс, Файз Ахмад Файз, Анохита, Сиявуш Касрои и другие говорили на персидско-таджикском языке...» «Даже в Союзе писателей Таджикистана ради тех нескольких, которые не знают таджикского языка, собрания проводятся на русском языке» [71].

В тот период настойчивость представителей таджикской интеллигенции в этом вопросе вынудила ЦК КП Таджикистана и Совет Министров Таджикской ССР подготовить важный документ «О мерах усовершенствования обучения и преподавания таджикского языка в республике». Данное постановление опубликовано в газете «Советский Таджикистан» (21мая 1988 г.). В этом постановлении внимание автора статьи особо привлекла цитата о том, что необходимо «строго соблюдать ленинский принцип равноправия языков и создать необходимые условия для распространения во всех сферах жизни республики общественных функций таджикского языка и поднятия его престижа, полностью

соблюдать нормы таджикского литературного языка при составлении документов, плакатов, лозунгов, диаграмм и других видов наглядных пособий» [59].

В статьях Л. Шерали обсуждаемая тема рассматривается с привлечением деталей. Автор обеспокоен и встревожен тем, что даже после принятия «исторического постановления» в день празднования 100-летия восстания Восе' и на юбилее филармонии основные доклады были прочитаны не на таджикском языке.

Напряженное публицистское звучание и критическая интонация является одной из основных особенностей языка и манеры изложения публикаций этих лет, присущих также и статьям Л. Шерали. Обратим внимание на эти слова, полные страсти и предостережения: «До каких пор мы не будем унижать свой народ, свой язык, свою историю, свою культуру? До каких пор будем проявлять неблагодарность к земле и воде, к народу, хлеб и соль которого мы едим? Если так будет продолжаться, недалек тот день, что и у могилы не будем прощаться на таджикском... [71].

В большинстве статей тех лет авторы выражали подобные взгляды. Например, одна из первых статей философа Мирбобо Миррахима, вызвавшая в те годы острую дискуссию, называется «То кай об аз таги ях меравад?» («До каких пор вода будет течь подо льдом?») и была опубликована 6 января 1988 года в газете «Точикистони Совети». Эта статья содержит размышления автора об интернациональном и атеистическом воспитании [186-1, 110-128]. Однако в свое время было написано множество ответов на эту статью и многие представители интеллигенции не одобрили замечаний, высказанных в данной статье. Статьи журналистов, литераторов и ученых Х. Юсупова, Ю. Акбарова, А. Семеркина, М. Шимского, М. Баки, Н. Хотамова, М. Шукурова, Т. Бердиевой, Р. Хашимова и др., охватывающие иногда правильное, а иногда противоречивые суждения, наравне с тем, что носят научный характер, обладают мощными публицистическими чертами. Статья

философа А. Турсунова «Оё метавон ба об надаромада шиноварӣ омӯхт?» («Разве не войдя в воду, можно научиться плавать?») вначале была опубликована в общесоюзном журнале «Дружба народов» (1988, №12). Главной особенностью статьи является то, что она носит черты научной, философской и социальной публицистики [243, 88-89]. Эти статьи изначально были опубликованы в таджикской и российской печати, затем в двух томах сборника «Дарси хештаншиносӣ» («Уроки самопознания», 1989, 1990), в сборнике статей «Точик – тоҷдор, тоҷвар» («Таджик – венценосный, венценосец», 1990), «Ҳақиқати таърих» («Правда истории», 1990), в последующем часть из них вошла в сборники «Тоҷикон дар масири таърих» («Таджики на протяжении истории», 1996), «Тоҷикон, ориёӣён ва фалоти Эрон» («Таджики, арийцы и территория Ирана», 2000), а также в четвертую книгу «Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20-90-уми садаи ХХ. Мубоҳиса дар атрофи мақоми давлатии забони тоҷикӣ (солҳои 80-90)», 2014) (Вопросы формирования таджикского литературного языка в 20-90-х годах ХХ столетия. Споры вокруг государственного статуса таджикского языка (80-90 гг.) [В том числе см.: 186; 194; 243].

Замечание Л. Шерали по поводу названий учреждений также раскрывает его отношение к сохранению чистоты языка. Он желает видеть название института сельского хозяйства в виде Института кишоварзи (земледелия). Также вызывает его беспокойство небрежность к языку: «в колхозном (правильнее: крестьянском) базаре «Баракат» название ни одного фрукта и продаваемого продукта не написано на таджикском языке. На дорогах республики ни один указатель или предупреждение или дорожный знак не написаны на таджикском, или же названия городов, районов и деревень не таджикские, а если и являются, то не лишены ошибок. А названия улиц Душанбе! Например, разве не является смешной такая табличка «кучаи улица А. Навои»? Вместе с тем, названия всех

учреждений на таджикском языке настолько полны ошибок, что будто это и не Таджикистан...» [71].

Автор обеспокоен тем, что многие партийные и государственные деятели, министры и прочие не знают таджикского языка, «в их ежедневной деятельности, они не чувствуют необходимости знать и применять таджикский язык. То есть, нет среды почитания, возвращения и распространения таджикского языка, т.е. министр или другой человек не вынужден думать над тем, как завтра написать и сказать такое-то слово или выражение в таком-то письме или собрании. Раз нет необходимости, то нет необходимости в знании языка. Я хочу сказать, что трудность не разрешится, пока не будет создана среда необходимости авторитета таджикского языка в государственном аппарате, «во всех сферах жизни республики» (из вышеупомянутого постановления), делать замечание тому или иному министру или государственному деятелю или доярке из-за того, что они не знают таджикского языка, не устранил проблему. Сначала необходимо создать среду, затем сетовать на других» [71].

Эти моменты побудили Л. Шерали написать стихотворение «Забонгумкарда» («Потерявший язык»):

Ҳар кӣ дорад дар ҷаҳон гумкардае,
Дар заминӣ дар замон гумкардае.
Ин нишон гумкардаеӯ дигаре
Хештанро бенишон гумкардае... [17, 224].

Подстрочный перевод:

Каждый в этом мире что-то потерял,
Потерял что-то на земле и во времени.
Кто-то потерял символ, а другой
Бесследно себя потерял...

Конечной целью от постановки проблемы языка в тех исторически сложных условиях жизни народа являлось поднятие престижа и статуса таджикского языка. Все это «является уроком проницательности,

утонченности, самопознания и познания других». Вывод автора является чрезвычайно интересным, и в то же время резким и острым, что «пока не будет создана среда почитания, возвращения и широкого круга восприятия таджикского языка, пока таджикский язык не обретет власть в Правительстве, пока поле языка, как говорил Бедиль, не найдет простора, все эти крики и удары руками по груди, безосновательная гордость, не принесут никакой пользы» [71].

Статья «Як рукни мукаддасоти миллӣ» («Одна из священных основ нации», 1988) посвящена болезненной проблеме языка – имени и присвоению названий на таджикском языке среди народа. Из ее содержания становится очевидным, что автор в изданиях «Тоҷикистони советӣ» и «Адабиёт ва санъат» пожелал развить дискуссию по этой жизненно важной проблеме – имен и их присвоения.

По его мнению, имя каждого индивида, города и деревни, местности и поселка и т.д. считается одним из основных атрибутов. «В именах воплощаются не только то или иное слово, выражение, словосочетание или понятие, но и мысли, надежда и чаянье, просьба, след от моментов истории, отпечаток идеи, образа, места и людей (принимающего имя и дающих его) в том или ином периоде истории и жизни или в определенном состоянии одного временного отрезка на просторах вечности, сцен и эпизодов побед и поражений, удач и неудач и т.д., словом, названия, которыми обладает народ и имена, которые он присваивает, это отражение его пребывания на просторах земли и времени» [67].

Л. Шерали полностью осведомлен об истории преобразования древних согдийских, пехлевийских, скифских и бактрийских имен на арабские. Он, упоминая о явлении распространения среди таджиков греческих, еврейских, тюркских названий, гордится тем, что «гордые таджики защитили свое высокое имя» [67].

В статье, обращая внимание на поэтически красивые и звучные исторические персидско-таджикские названия городов и областей Аджама

– Иран, Неро, Тегеран, Зеравшан, Мозандарон, Хорасан, Исфаган, свидетельствующие о богатстве этих городов, он выражает озабоченность по поводу странных названий кварталов и базаров Душанбе – Дом Печат, Гипрозем, Медгородок, Зеленый базар и других местностей и считает, что если вместо них принять такие названия, как Нишеман, Ховарон, Гулабад, Губод, Офтобруя, это будет достоянием города.

Автор приходит к выводу, что «наряду с исправлением всех недостатков периода авторитарности и застоя устраним и этот беспорядок, позволим таджикам стать обладателями собственного таджикского имени и фамилии, официально узаконим их право и составим все их документы по их желанию». По этому случаю автор статьи предложил несколько образцов таджикского варианта составления фамилии [68].

Идеи и размышления Л. Шерали ясно и отчетливо выражены в его интервью, в том числе, в интервью под названием «Забондӯстӣ ватандӯстӣ аст» («Любовь к языку – любовь к родине»), проведенном журналистом Н. Амонбаевым. Предметом разговора в нем являются вопросы таджикского языка и читателю предоставляется возможность ознакомиться с различными аспектами данной проблемы.

Собеседник верно отмечает, что Л. Шерали не только в своих прекрасных стихотворениях, но и в научно-публицистических произведениях, обращаясь к проблемам национального языка и культуры, «призывает читателя любить традиции богатого языка, т.е. духовного богатства нашего народа» [68, 8].

В этом интервью собеседники преимущественно стремятся к тому, чтобы рассказать об источниках и начальных стадиях изучения языка для нынешнего поколения. В этом контексте семья и ее духовный мир, в окружении которого находится ребенок, сказки, которые он слушает от родителей, дедушек и бабушек, колыбельная песня матери признаны первоначальными факторами овладения языком.

В этих рассуждениях отражены взгляды поэта и литератора о важных аспектах воспитания поколения, изучение которых является полезным и для исследователей истории педагогической мысли. Л. Шерали определяет роль детских садов в качестве второго источника изучения таджикского языка. По мнению поэта, «в детских садах также должны подобно дедушкам и бабушкам рассказывать детям удивительные сказки и истории, читать стихотворения и рассказы, загадывать загадки» [68, 8]. С этой точки зрения, с учетом требований периода перестройки подвергается резкой критике состояние детских садов: «К сожалению, у нас мало таджикских детских садов, вдобавок к этому очень мало воспитателей, сведущих в деле и знающих язык, умеющих рассказывать сказки и истории, знатоков поэзии и тех, кто хорошо разбирается в тонкостях таджикского языка» [68, 8].

Третьим источником, по мнению Л. Шерали, является книга и ее чтение. Книга приобрела значимое место в истории формирования творческого мышления иранского народа, в особенности, таджиков. Постоянное чтение книг всегда оказывало благоприятное влияние на совершенствование чувства самосознания людей. В этом случае точка зрения Л. Шерали совпадает с мыслями предшественников о воспитании вкуса и интереса нового поколения к пониманию литературы и восприятию поэзии: «Дети должны любить книгу. Для этого необходимо создать в семье благоприятную среду. Чтение книг должно быть основным занятием ребенка, и он должен любить ее подобно игре. Одна из наших бед в том, что мы не выполняем эту задачу как следует, не направляем детей к изучению словаря и всего богатства таджикского языка. В то время как раньше в медресе читали «Шохнаме» Фирдоуси, диваны Хафиза и Бедия, Навои и Фузули, заучивали наизусть стихотворения, газели и отрывки из прозы; изучали художественные средства изображения. Ребенок с детства проникал в чистый таджикский язык, изучал язык вместе с высокой поэзией. Ребенок распознавал аллегории и иносказания Хафиза. Поэзию,

литературу необходимо изучать не как историю, а как искусство! Только так этот источник превратится в мощную силу изучения языка» [68, 8].

Подобные мысли высказаны с учетом традиции обучения и воспитания нового поколения в середине 80-х годов прошлого века и усовершенствованы в теориях и мыслях ученых-обществоведов под влиянием тенденций перестройки. Так, эти моменты широко отражены учеными-филологами, в том числе академиком М. Шакури в его книге «Инсонгарои омӯзиш ва забони миллӣ» («Гуманизм обучения и национальный язык») (2002). В этом смысле, облик Л. Шерали также предстает в качестве одного из принципиальных последователей традиционной теории обучения и воспитания нового поколения в связи с национальными ценностями предков.

В этом интервью высоко оценивается значимость Постановления ЦК КП Таджикистана и Совета Министров Таджикской ССР «О мерах усовершенствования обучения и преподавания таджикского языка в республике», которое «несомненно, создает условия для осуществления подходящей среды усовершенствования таджикского языка» [68, 8].

Передовая интеллигенция, в том числе Л. Шерали считают своевременным принятие этого постановления, но, несмотря на это, придерживаются мнения, что оно «чем раньше было бы принято, тем больше пользы бы принесло» [68, 8].

В этом интервью, также как и в других публикациях того времени, на основе многочисленных фактов критикуется «ограниченность круга изучения и усовершенствования таджикского языка, осуществление государственного делопроизводства на русском языке». В нем, со всесторонним осознанием требований времени, суть вопроса разъясняется следующим образом: «Таджикский язык стал иногда ненужным, а иногда зависимым. Вот, поэтому некоторые не могут говорить на своем родном

языке. Так как во многих местах не ощущалась необходимость изучения таджикского языка» [68, 8].

Ввиду этого, важным моментом является все большее выявление различных психологических аспектов привлечения внимания нового поколения общества к устранению трудностей изучения языка. Л. Шерали в этом случае как человек, чувствующий пульс и психологически проникший в суть проблемы языка, внушает, чтобы новое поколение учащихся привлекалось к овладению языком с опорой на традиционные и новейшие опыты изучения. По мнению Лоика Шерали плодотворный способ изучения языка заключается в том, что если подрастающее поколение «будет думать над каждым словом, знать множество синонимов слов, его интерес к изучению языка увеличится. Например, слово «фармон» обозначает приказ и руль. Если сказать «нофармон», слово приобретает значение цвета и упряма. Как только ребенок узнает эти тонкости, станет чрезвычайно любопытным, примется за поиски новых слов, изучит новые значения и стороны. Таким образом, будет восхищаться красотой и изяществом слова, постепенно и сам начнет острословить...» [68, 8].

Одним из факторов овладения языком является проведение «игры байтбарак (состязание в знании стихов)» в классе и школе, а также за их пределами, которая «оказывает глубокое влияние на процесс изучения детьми языка. Таким способом у детей появится потребность в знании множества стихотворений». Ибо, «каждый хочет знать больше бейтов, чем другие. Это уже уносит ребенка на поиски в сказочный мир поэзии. Тот, кто знает множество стихов, пословиц и поговорок, язык его становится выразительным, а речь – плавной и красочной...» [68].

На наш взгляд, вопрос об извлечении пользы из богатого и несравненного опыта знаменитого литератора на пути овладения таджикским языком в этом интервью также содержит множество стимулов для изучения нового поколения общества. В этом случае он извлекает поучительные моменты из опыта овладения языком в свои юношеские

годы. Таким образом, выясняется, что самым излюбленным и чарующим занятием в овладении языком в период юности было изучение словаря. Основным источником изучения языка для этого литератора являлись знаменитая книга «Гияс-ул-лугот» и словари, изданные в Иране. По мнению Л. Шерали, «книги, изданные сегодня также содержат множество комментариев и словарей. Эти словари также хорошо помогают в изучении языка» [68, 9].

Другим источником изучения языка автор считает знакомство с лучшими образцами стихотворений Дарвоза и Куляба, Китаба, Бухары и Самарканда, Шахрисабза, Матчи, Ирана и Афганистана, так как, по его мнению, «во время изучения из этих диалектов и наречий можно обнаружить удивительные слова, которые не особенно распространены в литературном языке» [68, 9].

В этом интервью выражается тревога по поводу стесненного положения таджикского языка в городах Бухара и Самарканд, являющихся истоками формирования этого языка. При этом высказывается общеизвестное убеждение таджикского просветительства по поводу того, что из-за предательства пантюркистов в этих исторических городах таджиков были закрыты таджикские школы и газеты.

Истинные представители прогрессивной таджикской интеллигенции обратились к проблеме возвращения к подлинной истории иранских народов, в особенности, к сути проблемы Бухары и Самарканда как «колыбели культуры и языка, цивилизации и духовности». В статье М. Шукурова «Гахвораҳои таърихиву фарҳангии тоҷикон» («Исторические и культурные колыбели таджиков») в этом контексте сообщаются заслуживающие внимания интересные замечания. Л. Шерали, подобно своему великому предку Джалолиддину Руми гордится и преклоняется перед тем, что Бухара являлась истинным источником знаний («Ин Бухоро манбаи дониш бувад» (Эта Бухара – источник знаний)).

Ввиду этого, он считает «непростительной ошибкой истории» недопустимые события изгнания таджикского языка из Бухары и Самарканда на протяжении десятилетий. Л. Шерали высказывает свое мнение по поводу предательства пантюркистов по отношению к таджикам. Он остро и резко пишет, что «в те годы из-за предательства пантюркистов большинство таджиков этих городов вынужденно стали «узбеками», т.е. в паспорте были отмечены как «узбек». Люди в некоторой степени отделились от родного языка, от груди своей духовной матери» [68, 9].

Л. Шерали уверен в преданности жителей Самарканда и Бухары своему языку, верит, что они не забудут уважение к «молоку своей матери, к своей славной и величественной истории, которой более трех тысяч лет». Он оптимистично верит, что «те перегибы, возникшие по вине пантюркистов и рашидовцев, являются временными» [68, 9].

Л. Шерали надеется на благоприятные перспективы перестройки. По его оптимистичному выражению «перестройка дала возможность для ускорения процесса этого возврата к своей духовности. Были открыты школы и классы, отдельные страницы районных газет. Будет открыто еще много и много таких школ и газет. Так как это является требованием времени. Социализм дает возможность всем нациям, чтобы они жили, где бы то ни было, со всем своим величием и размахом, мировоззрением и культурой и обладали своим национальным суверенитетом» [55, 9].

По утверждению поэта, основы знания языка и уважения к нему закладываются с младенческой поры. «Некоторые таджикские учащиеся между собой говорят на русском языке и как только возникает затруднение, переходят на русский. Они не знают хорошо ни родной язык, ни русский» [55, 9].

На тему отсутствия самосознания, небрежного отношения к национальному языку Л. Шерали в первом бейте одного из своих газелей восклицает следующее:

Эй, войи точике, ки фаромӯш кардааст,

Асли худу забони худу ҳамзабони худ [17, 382].

Подстрочный перевод:

Горе таджику, который забыл,

Свое происхождение, свой язык и того, кто говорит на нем»

Кажется, что эта мысль является «продолжением вышесказанной точки зрения». Говорящий с нами на одном языке это тот, с кем у нас взаимопонимание, общность языка приводит к единодушию. В этом интервью подвергаются критике ученые, которые считают персидский, таджикский и дари тремя отдельными языками. Автор в этом случае опирается на точку зрения выдающегося иранского ученого Маликушшуаро Бахора, по мнению которого персидский язык перешел на территорию Ирана из Бухары, Самарканда и Балха. «Язык дари происходит от пехлевийского слова «дар» и означает «столица». Мы должны обогащать язык, используя внутренние возможности таджикского, персидского и дари» [68, 9]. Эта мысль была развита и другими иранскими учеными. В частности, таджикские читатели знают о размышлениях Саида Нафиси, который в 20-х годах XX века в рецензии к книге «Намунаи адабиёти точик» («Образец таджикской литературы») высказал точку зрения о возникновении арийской нации и персидского языка в Мовареннахре – Бухаре и Самарканде [222, 39-41].

Л. Шерали, неся достойную службу также в качестве основателя и первого председателя Межнационального фонда персидско-таджикского языка, с этой позиции также высказал патриотические взгляды. Таджики знают мало поэтов во второй половине XX века, которые подобно Лоику Шерали настолько тонко знали свой родной язык – персидско-таджикский. Для него независимость нации начиналась от прочности языка. Ввиду этого, он являлся не только поэтом, знающим язык, но и самым отважным борцом на пути к устранению трудностей и проблем таджикского языка.

Работая в Фонде персидско-таджикского языка, Лоик Шерали приступил к работе с безмерным увлечением и интересом. Телевизионная программа «Химмати соҳибзабонон» («Инициатива носителей языка»), которая впервые состоялась 22 июля 1990 года в честь Дня языка по инициативе Таджикского телевидения и содействии руководства Фонда персидско-таджикского языка, превратилась в яркий праздник таджикского языка и проявления уважения к другим языкам республики. Празднование Дня языка являлось показателем того, что Закон о языке, защищая и обеспечивая предпосылки развития и сохранности трехтысячелетнего персидско-таджикского языка, не ограничивает права никакого языка и его носителей. По словам Л. Шерали «марафон «Химмати соҳибзабонон», продолжавшийся на телевидении четырнадцать часов, а также церемония празднования Дня языка, состоявшаяся в Парке Ленина столицы, областях, городах и районах Таджикистана, были истинным праздником гордости за бесценное сокровище народа – его язык. Однако должен сказать, что празднование Дня языка по всей республике не имело столько пышности и блеска, величия и размаха, сколько имело в телевидении...» [86].

В интервью Л. Бабаян с Л. Шерали «Гӯш ба лаҳни Рӯдакӣ диҳем» («Прислушаемся к словам Рудаки») современники подвергаются острой критике из-за неумения воспринимать тонкостей таджикского стиха и его красочного языка: «Часто мне приходится читать стихотворения перед разными слушателями. Читаю и иногда чувствую, что те, кто со мной одной национальности, не понимают меня. Нет, язык моих стихотворений понятен, но они не могут воспринимать смысла, ибо применяется искусство иносказания. Например, ключ к раскрытию значения какой-либо строчки скрыт в одном слове. Человек, который не читал на персидском стихи Рудаки и Фирдавси, Хафиза и Хайяма, Насыра Хисрава, Соиба, Икбала и других звезд поэзии Востока, делает себя беспомощным. Настало время (и бьет тревогу), прислушаться к напеву песни Рудаки, возвратиться к

первоисточнику научного и художественного наследия классического периода, чтобы новое поколение, став духовно зрелым, знало свой язык и посредством него свою историю» [156, 11].

В продолжение интервью речь идет о полезных опытах в изучении языка. Поэт с огромным желанием идет к простому народу, обращает внимание на речь ишанов и мулло. По его мнению, «священники, хоть и вызывают удивление, в знании языка часто умнее некоторых наших седых академиков. Служители религии учились и заканчивали медресе на арабском и персидском языках и почитают чистый и плавный язык» [156, 11]).

Это наблюдение является важным для определения основных источников обогащения языка: «...язык это дух народа... в нашей республике можно найти мало местностей, где таджикский язык сохранился относительно чистым. Бывшая Кулябская область, Зеравшанская долина, Каротегин являются из их числа. Многие вещи зависят от языковой среды, в которой живет человек. Например, в говоре некоторых таджиков много узбекских слов и выражений и наоборот. Этот процесс проникновения слов и выражений в язык друг друга продолжался многие годы и если кому-то скажете «разговаривай только на своем языке, удали из своей речи все чужие слова» и будете надеяться, что сразу так и будет, это было бы верхом наивности» [156, 12].

Таким образом, необходимо уделить особое внимание проблеме преподавания основ культуры речи в обществе, которая на самом деле – практически и по существу «является работой не одного и не двух лет, а также школы, вуза и т.д.».

Другой проблемой того периода является изучение таджикского языка иноязычными, которые жили на территории республики. Л. Шерали критикует тех, кто ограничивается своим родным языком и считает знание языков наравне с родным языком «одним их выдающихся достоинств

интеллигентного человека», он открыто показывает свою небеспристрастность к бессилию и неуважению иноязычных в деле изучения таджикского языка. С точки зрения Л. Шерали без «цивилизации Древней Греции не существует европейской культуры, подобно этому, не зная другие языки, невозможно усовершенствовать современный таджикский литературный язык» [156, 13].

В этом интервью наравне с упоминанием актуальных проблем языка и его изучения также можно ознакомиться с общими чертами занятия художественным творчеством. Многие аспекты литературного творчества, в том числе, перевод произведений русских и мировых литераторов даёт возможность поэту овладеть умением и мастерством. Он говорит: «Переводя стихотворения Сергея Есенина и других русских поэтов, я открываю для себя многие тонкости, красоту и изящество родного языка. Положение человека зависит от уровня его осведомленности, от степени его приобщения к знаниям» [156, 13].

Материал интервью «Сухбати орзуҳо» («Беседа о мечтах») является ответом на многочисленные вопросы читателей, в том числе по вопросам языка. Лоик Шерали убежден в том, что «каждый стиль и красноречие необходимо оценивать по изображаемому и выражаемому материалу... Устаревшие арабские слова еще послужат для нас, ибо исламская культура остается в слоях нашей цивилизации. Почти все наши имена арабские, что поделать, мое имя тоже арабское. Должен сказать, что в мире нет ни одного чисто своего (национального) языка, культуры, искусства, все что-то переняли друг у друга и без друг друга кажутся неполноценными. Безусловно, неуместное использование арабских слов, в то время как существуют их персидские аналоги, не особое искусство. Однако что поделаешь, когда наши предки заменили «дуруд» на арабский «салом» (здравствуй), «падруд» на «видоъ» (прощай), «сарвода» на «шеър» (стихотворение), «пасованд» на «кофия» (рифма)...» [58].

В другом месте этого интервью подвергается критике мнение Атахона Сайфуллаева о слове «қавмдон». Критик в книге «Аркони сухан» убежден, что Л. Шерали создал это слово в значении «земля» не совсем точно и изящно. Поэт отвечает, что он не создавал слово «қавмдон» по своему почину. Его создал народ:

Каманд андозаму оям ба бунат,
 Бигирам гӯшаи тахти равунат.
 Агар шамшер бандад қавмдунат,
 Ба дандун варканам холи забунат.

Подстрочный перевод:

Закину аркан и приду в твою окраину,
 Возьмусь за край твоего паланкина.
 Если возьмется за мечи семейство твое,
 Вырву зубами маленькую родинку твою.

По словам литератора и критика, «если бы литературовед провел исследование, не завел бы себя и читателя в тупик. «Қавмдон» в переносном смысле может означать понятие земля, так как земля является «общим домом» человечества. В другом месте литературовед снова говорит: «Запах не слышат, а чувствуют. Слышать относится к голосу, звуку». Однако Хафиз говорит:

Бо сабо ҳамроҳ бифрифт аз рухат гулдастае,
 Бӯ, ки бӯе бишнавам аз хоки бӯстони шумо.

Подстрочный перевод:

Вместе с ветром пришлите букет из своих ланит,
 Надеемся, что услышим аромат земли вашего цветника.

Такие ошибки допускаем и мы, литераторы. Хоть это и непростительно» [58]).

Л. Шерали из выражений «азнавсози» и «бозсози» (перестройка) предпочитает второе [58].

Анализ научных и публицистических произведений Лоика Шерали выявляет его облик с качества человека, знающего язык и осведомленного в словаре, хорошего знатока жизни и быта других народов. Именно с этой точки зрения он описывает и толкует события жизни и общества. В каждой публикации, независимо от того, какой проблемы она касается, Л. Шерали выступает знатоком традиций и обычаев народа, агитатором и пламенным оратором. Его публицистика преимущественно охватывает исторические и культурные аспекты жизни таджикского народа. Активность автора при постановке проблемы и разностороннем анализе событий и фактов заставляет задуматься читателя как социального индивидуума, и тем самым, способствует формированию общего мнения.

Каждая статья Л. Шерали начинается с рассмотрения определенной проблемы, и автор говорит о необходимости ее решения для общества. Размышления о завтрашнем дне таджикского языка и национальной культуры является важнейшей чертой пламенной публицистики Лоика Шерали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Л. Шерали признан не только как великий и оригинальный национальный поэт, но и как , волевой критик, серьезный историк, яркий публицист и глубокомыслящий социолог. Литературно-критическая и публицистическая проза Л. Шерали, как неразрывная часть его творческой деятельности, пополняют таджикскую литературно-критическую и писательскую критику. С этой точки зрения эти сочинения необходимы для разработки ряда теоретических и исторических особенностей этих двух направлений творческой деятельности – литературно-критической публицистики и писательской критики. Именно поэтому столь важны статьи, рецензии, интервью, беседы, выступления, речи, предисловия, послесловия, письма Лоика Шерали.

Многоплановое изучение социальных, культурных и литературных тенденций второй половины XX века, анализ литературно-публицистических произведений и литературно-критической публицистики Лоика Шерали приводят к следующим выводам:

1. Исследование особенностей и специфики второй половины XX века приводит к выводу о том, что социально-культурные и художественные искания писателей 60-70-х годов имеют не только сходство, но и заметную разницу с литературой последующего десятилетия. Несмотря на то, что в 80-е годы таджикская интеллигенция продолжила путь передовых литераторов предыдущих десятилетий, приоритетными в тематике и содержании их публицистики стали защита национальных традиций и ценностей, заботливое отношение к духовным памятникам прошлого, почитание родного языка, бережное хранение национальных обычаев и т.п.

2. Социально-политические перемены в жизни общества, перестройка и гласность во второй половине 80-х годов XX века определили основу поисков интеллигенции. Несмотря на существование некоторых негативных взглядов о перестройке, многие представители интеллигенции, в том числе Лоик Шерали радушно встретили новые явления. В этом плане литературно-публицистические и критические сочинения Лоика Шерали по

проблемам национального самосознания, почитания национальных и отечественных ценностей и культурных традиций обрели особое значение, и многие современники поэта пошли по его стопам в постановке и решении социально-политических проблем.

3. В таджикской литературе второй половины XX века произведения Лоика Шерали, также как и литературно-публицистические сочинения Сотима Улугзода, Фазлиддина Мухам-мадиева, Му'мина Каноата, Бозора Собира, Гулрухсор Сафиевой и других способствовали укреплению национальных и социальных ценностей, национальному самопознанию и самосознанию, что заслуживает отдельного исследования.

4. Исследование периодов литературно-публицистической деятельности Лоика Шерали (второй половины 60-х - середины 80-х гг., второй половины 80-х - 90-е годы XX века и годы национальной независимости), позволяют понять и правильно оценить две исторические эпохи – советскую **эпоху** и годы независимости, тематику, содержание и индивидуальный творческий стиль автора, его писательское мастерство, определить общее значение литературно-публицистических и критических сочинений.

5. В развитии литературно-критической публицистики и писательской критики Лоик Шерали внес достойную лепту, и за годы своей многолетней творческой деятельности написал целый ряд сочинений, в том числе – статьи, рецензии, интервью, выступление, эссе, предисловие, послесловие, письма, обращение и т.п. Это публицистическое наследие позволяет сегодняшнему поколению лучше освоить политическую, историческую, социальную, культурную обстановку эпохи, состояние таджикского языка и литературы, науки и национальной культуры, эстетические воззрения, критерии оценки слова и писательского мастерства, и в конечном итоге, общее мировосприятие Лоика Шерали.

6. Рассматривая вопросы художественной литературы и литературной критики, Лоик Шерали особое внимание обращает роли поэта и

назначении поэзии. Как в прозаических, так и поэтических сочинениях, Лоик говорит о миссии поэта, как борца за духовное богатство народа и человека, приносящего людям добро и свет. Глубоко почитая классиков, он находит в их творчестве идеи добра и гуманизма и считает их своими наставниками. Анализ творчества современников приводят его к мысли о назначении поэзии в новых социально-политических условиях.

7. Критика творчества начинающих поэтов нашла отражение в статьях, обзорах, предисловиях и интервью Лоика Шерали. Поэт убежден, что в поэзии нет льгот для молодых авторов. Отмечая необходимость широкой эрудиции, знания творчества классиков, правил сочинения стихов, законов аруза, метрики, логики, художественных средств выражения, языка и т.п., Лоик анализирует стихи молодых поэтов и высказывает важные мысли, выявляющие его способности литературного критика и отражающие состояние писательской критики.

8. Лоик Шерали выступает не только как переводчик-практик, содействующий сближению литератур Запада и Востока, но и как критик, осмысляющий вопросы взаимосвязей и перевода. Его мысли о соотношении перевода и оригинала, адекватности смысла, необходимости знания языка оригинала и трудностей работы с подстрочниками, о непереводаемых выражениях, об уровне автора оригинала и переводчика и т.п. обогащают наши представления о теории перевода. При этом критические высказывания поэта помогают определить основные критерии оценки перевода.

10. В публицистике Л. Шерали сильны социальные мотивы, в них раскрываются причины национальной трагедии, характер его современников, гордость и любовь, радость и счастье, горе и зло. В них красной нитью проходят вопросы национальных традиций и родного языка и других национальных святынь, интерес к темным страницам истории, трагических событий 30-х годов XX века, горькая судьба таджикского народа. Отмечается, что в первый период творческой

деятельности возможности глубокого освещения этих вопросов были небольшие и идеологические преграды мешали интеллигенции в их борьбе. Новая же историческая эпоха в годы гласности и перестройки открыли большие просторы.

11. Лоик Шерали в большинстве своих сочинений раскрывал тему в неразрывной связи с историческими событиями, социальными вопросами эпохи. Его публицистика охватывает различные грани исторической и культурной жизни в конкретных исторических отрезках времени. В каждом его сочинении ставятся актуальные и злободневные проблемы современного общества. Созидательная мысль о завтрашнем дне таджикского народа, его языка и культуры являются первостепенными в публицистических произведениях Лоика Шерали.

12. Публицистические и литературно-критические воззрения Лоика Шерали, сформированные в эпоху бурных событий второй половины XX века, сыграли значительную роль в совершенствовании социальной и литературной мысли современников в годы советской власти и независимости страны. При всей противоречивости двух эпох публицистические и литературно-критические воззрения Лоика Шерали далеки от меркантильности и местничества. Критические взгляды Л. Шерали основываются на традиции классической литературной критики и новых **принципах** таджикской критической мысли XX века.

Сочинения Лоика Шерали служат развитию современной критической и публицистической мысли и поиску качественных особенностей двух великих социально-политических эпох. Именно поэтому это наследие должно быть изучено с точки зрения литературоведения, литературной критики и публицистики.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники на таджикском языке

1. Айнӣ С. Куллиёт. Ҷилди 9. Публистистика, мақола, хитоба ва фелъетонҳо / Ба чоп тайёркунандагон К. Айнӣ, А. Маниёзов, С. Айнӣ.–Душанбе: Ирфон, 1969.–416 с.
2. Киром Қ. Мавқеъ ва масъулияти суханвар / Қ. Киром /Адабиёт ва санъат.–1986.–6 март.–№10(230).–С. 8-9.
3. Кӯҳзод. Тоҷикони имрӯз / Кӯҳзод.–Москва: Трансдорнаука, 2000.–191 с.
4. Лоҳутӣ А. Куллиёт. Ҷилди 6 / Тартибдихандагон Ц. Бону-Лоҳутӣ ва А. Розенфелд.–Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1963.–356 с.
5. Миршакар М. Куллиёт. Ҷилди 3. Нутку мақолаҳои публистистӣ / М.Миршакар.–Душанбе: Ирфон, 1973.–476 с.
6. Рачаб У. То ҳаст оламе, то ҳаст одаме... / Мураттибон И. Убайдзода, Ҷ. Ҳошимӣ.–Душанбе: Бухоро, 2012.–457 с.
7. Сорбон. Лоикнома / Сорбон .–Душанбе: Адиб, 2001.–191 с.
8. Турсунзода М. Куллиёт. Ҷилди 3. Осори адабӣ-танкидӣ / Мураттиб ва муаллифи эзоҳот Ю. Бобоев.–Душанбе: Ирфон, 1979.–432 с.
9. Турсунзода М. Куллиёт. Ҷилди 4. Мақолаҳо ва тарҷумаҳо / Тартибдихандагон Ф. Турсунзода, Х. Отахонова.–Душанбе: Ирфон, 1985.–352 с.
10. Фарзона. Дарёи сӯзон: Маҷмӯаи мақолаҳо.–Душанбе: Адиб, 2014.–240 с.
11. Маҷаллаи “Садои Шарқ”: Журнали ҳармоҳаи адабӣ ва оммавию сиёсии Иттифоқи нависандагони Тоҷикистон / Сармуҳаррир Лоик Шералӣ ва ҳайати таҳририя.–Шумораҳои 1-12.–1979-1990.
12. Ёдномаи Маҳмуд Воҳидов / Тартибдихандагон Лоик Шералӣ ва Отахон Латифӣ.–Душанбе: Ирфон, 1982.–176 с.

13. Лоик С. Диёри мардхез. Мачмӯаи шеърҳо / Тартибдиҳандагон С. Саидов ва Л. Шералӣ.–Душанбе: Ирфон, 1981.–96 с.
14. Санги мазор: Байтҳо дар бораи санги гӯрҳо ва мақбараҳо / Гирдоваранда ва муаллифи сарсухан Л. Шералӣ.–Душанбе: Адиб, 1993.–112 с.
15. Соиби Табрзӣ / Ба чоп тайёркунандагон З. Аҳрорӣ, Л. Шералӣ.–Душанбе: Ирфон, 1980.–704 с.
16. Шафей Б. Давронсоз. Шеърҳо / Тартибдиҳандагон С. Саидов, Л. Шералӣ.–Душанбе: Ирфон, 1980.–144 с.
17. Шералӣ Л. Куллиёт . Иборат аз ду чилд. Чилди I. Ашъор. / Мураттибон Б. Ализода, Р. Шералӣ.–Душанбе: Адиб, 2008.– 560с.

I. Истичники итатьяи, рецензии, интервью и предисловия Лоика Шерали на таджикском языке

18. Хӯшаҳои умед: Хулосаҳои шеърҳои навқаламон / Комсомоли Тоҷикистон.–1967.–24 феврал.
19. Наврӯзи Ленинобод / Комсомоли Тоҷикистон.–1967.–18 март.
20. Дар боби анъана ва русуми нав / Комсомоли Тоҷикистон.–1967.–7 июл.
21. Гардиши чом: Такриз ба китоби “Рубоиёт”-и Умари Хайём дар тарҷумаи В. Державин // Садои Шарқ.–1968.–№11.–С. 151-157.
22. Чамоли Суғдиён: Дар бораи хифзи ёдгориҳои таърихӣ ва мероси аҷдодӣ / Л. Шералӣ, О. Латифӣ / Комсомоли Тоҷикистон.–1969.–10 январ.–С. 4 (аз рӯзномаи “Комсомольская правда”.–1969.–4 январ).
23. Қадри ёдгориҳо: Дар бораи муносибат ба ёдгориҳои таърихӣ дар Тоҷикистон / Маориф ва маданият.–1969.–1 март.
24. Илҳом аз Шарқ: Таваҷҷуҳи адибони ғарбӣ ба адабиёти Шарқ / Комсомоли Тоҷикистон.–1969.–8 июн.
25. Завқи шеър: Хулосаи шеърҳои навқаламон // Садои Шарқ.–1971.–№1.

26. Сарманзили шеър: Хулосаи навиштаҳои навқаламон // Садои Шарқ.–1974.–№6.
27. Сарсухан.–Соибӣ Табрешӣ. Равшангари дилҳо // Садои Шарқ.–1975.–№9.–С. 99.
28. Дар қаламрави шеър: Сухбати мунаққид А. Ҳақимов бо шоир Л. Шералӣ / Маориф ва маданият.–1975.–20 сентябр.
29. Руҳи қаҳрамони назм: Дар бораи пешниҳоди асарҳои М. Қаноат ба Мукофоти давлатии СССР / Маориф ва маданият.–1975.–4 октябр.–№119(8734).–С. 3.
30. Ситоиши қаҳрамониҳои халқ ва партия: Дар бораи асарҳои Л. И. Брежнев “Замини Хурд”, “Барқароршавӣ”// Садои Шарқ.–1978.–№9.–С. 13-14.
31. Шеъре, ки аз дил ба дил мегузарад: Мусоҳиба бо Л. Шералӣ / Комсомоли Тоҷикистон.–1978.–19 ноябр.
32. “Бигӯям шеър дар тақлиди дарё”: Мусоҳибаи Н. Олимова ва Д. Атовуллоев бо Л. Шералӣ / Комсомоли Тоҷикистон.–1979.–4 феврал.
33. Сарсухан.–Муҳаммад Ғоиб. Шеърҳо // Садои Шарқ.–1979.–№9
34. Шоири инқилоби Афғонистон: Пешгуфтор / С. Саидов, Л. Шералӣ.–Шафей Б. Давронсоз (Шеърҳо) / Тартибдихандагон С. Саидов, Л. Шералӣ.–Душанбе: Ирфон, 1980.–С. 3-5.
35. Фарзанди чигарбанди халқ: Дар бораи Боқӣ Раҳимзода / М. Осимӣ, М. Миршакар, М. Қаноат, Л. Шералӣ, Б. Собир, А. Маниёзов / Маориф ва маданият.–1980.–2 феврал.–№14.–С. 3; ҳамч.: Маҷмӯаи “Боқинома”: Аз дӯстон ба Боқӣ Раҳимзода.–Душанбе: Ирфон, 1981.–С. 104-108.
36. Ҳақиқат ғалаба мекунад / Маориф ва маданият.–1980.–5 феврал.
37. Симои Сино: Муҳокимаи достони “Гаҳвораи Сино”-и М. Қаноат дар идораи маҷаллаи “Садои Шарқ” / М. Қаноат, Л. Шералӣ, Р.

- Ҳодизода, А. Ҳакимов, М. Диноршоев, Ҷ. Бақозода // Садои Шарқ.–1980.–№5.–С. 115-123.
38. Хотираи устод Боқӣ Раҳимзода // Садои Шарқ.–1980.–№5.–С. 156-158.
39. Ширу шакар.–Дӯсти мо, бародари мо: Рӯзҳои адабиёт ва санъати Тоҷикистон дар Ўзбекистон.–Тошкент: Нашриёти адабиёти бадеӣ ва санъати ба номи Ғафур Ғулом, 1981.–С.34-36.
40. Охирсухан / С. Саидов, Л. Шералӣ.–Сулаймон Лоиқ. Диёри мардхез.–Душанбе: Ирфон, 1981.–С. 91-93.
41. Олими пурғайрат: Дар бораи пешниҳоди А. Сайфуллоев ба озмуни аъзо-корреспонденти АФ РСС Тоҷикистон / Л. Шералӣ, Ҷ. Бақозода / Маданияти Тоҷикистон.–1981.–10 март.–№20.–С. 3, 4;
42. Осори солҳо: Мусоҳиба бо Л. Шералӣ оид ба эҷодиёти шоирони ҷавон / Барандаи суҳбат К. Мирзо / Тоҷикистони советӣ.–1981.–9 апрел.
43. Имтизочи эҳсосу афкор: Маърӯза дар съезди VIII Иттифоқи нависандагони Тоҷикистон // Садои Шарқ.–1981.–№6.–С. 35-43.
44. Пешгуфтор.–Ширин Бунёд. Бомдод: Мачмӯаи шеърҳо.–Душанбе: Ирфон, 1982.–С. 3-4.
45. Ҳамрозу дамсози халқ.–Сурудҳои Ҷӯрабек Муродов / Тартибдиҳанда Х. Ҷумъаев.–Душанбе: Ирфон, 1982.–С. 5-6;
46. Ду кӯчаи Мирзо Турсунзода: Дар бораи номгузорию ду кӯча дар Доғистон ба номи шоири тоҷикон / Маданияти Тоҷикистон.–1982.–29 июн.–№52(156).–С. 3.
47. Чехраи журнали адабӣ / Маданияти Тоҷикистон.–1983.–2 сентябр.–№71(279).–С. 1.
48. Чун садои дили худ: Дар бораи нависандаи ўзбек Эркин Воҳидов / Ҳақиқати Ўзбекистон.–1983.–11 декабр.
49. Байтҳои хуснафзо / Маданияти Тоҷикистон.–1983.–2 декабр.

50. Ҳамосаи шеър ё андешаҳои гусаста ба ҷои шеъре, ки дар ситоиши шоири маҳбуб Лоиқ Шералӣ дар хоб эҷод ва дар хоб гум карда будам...: Мусоҳибаи Д. Атовуллоев бо Л. Шералӣ / Комсомоли Тоҷикистон.–1984.–17 июн.
51. «Садои Шарқ»-ро ҷаҳон мешунавад: Мусоҳиба бо сармуҳаррири маҷаллаи “Садои Шарқ” Л. Шералӣ / Баранда В. Маҳмудхонова / Комсомоли Тоҷикистон.–1984.–12 октябр.–№123(7375).–С. 4.
52. Суханронӣ дар съезди 1X нависандагони Тоҷикистон / Адабиёт ва санъат.–1986.–3 апрел.–№14(234).–С. 12.
53. Дарё равон аст... Ҷавоб ба мақолаи Қутбӣ Киром “Мавқеъ ва масъулияти суханвар” / Адабиёт ва санъат.–1986.–23 апрел.–№17 (237).–С. 10-11.
54. “Садои Шарқ” дар об ғарқ / Адабиёт ва санъат.–1986.–25сентябр.–№39(259).–С. 3.
55. Фазлиддин Муҳаммадиев / Л. Шералӣ ва дигарон / Адабиёт ва санъат.–1986.–9 октябр.–№41(261).–С. 2.
56. Ҷодае ба диёри одампарастӣ (Дар бораи Фарзона): Сарсухан // Садои Шарқ.–1986.–№1.–С. 75; ҳамч.:–“Гулҳои Наврӯз”: Маҷмӯа аз силсилаи «Навниҳолони боғи адабиёт» (Баҳринисо, Фарзона, Шаҳрия, Рафоат).–Душанбе: Адиб, 1987.–С. 45-46.
57. Дар дуруҳа (Оид ба масъалаҳои муҳити маънавӣ) / Тоҷикистони советӣ.–1987.–17 январ
58. Сухбати орзуҳо: Саволу ҷавоби хонандагон бо Л. Шералӣ / Адабиёт ва санъат.–1987.–22 январ.–№4(276).–С. 4-5
59. Дарси санъати оӣ / Газетаи муаллимон.–1987.–17 март.
60. Масдон Шералӣ / Г. Бобосодиқова, В. Воҳидов. У. Усмонов, М. Осимов, Н. Табаров, Ҷ. Латипов, М. Қаноат, Л. Шералӣ ва диг. / Адабиёт ва санъат.–1987.–23 июл.–№30.–С. 13.
61. Аз мутарҷим (охирсухан).–Птитсин Г. Хусрав ва Ширин. Фочиа аз рӯи достони Низомии Ганҷавӣ // Садои Шарқ.–1987.–№6.–С. 107.

62. Пешагар комил шавад аз пешагар: Мусоҳибаи Ҷ. Ақобиров бо Л. Шералӣ / Адабиёт ва санъат.–1987.–18 июн.–№25(297).–С. 10.
63. Ойнаи ҳаёт / Ҳақиқати Ўзбекистон.–1987.–26 декабр.–№153.–С. 3.
64. Ҳамеша дар хидмати мардум: Дар бораи “Садои Шарқ” // Садои Шарқ.–1987.–№12.–С. 120-121.
65. Сарчашмадори зиндагӣ / Адабиёт ва санъат.–1987.–5 март.–№10 (282).–С. 1
66. Забони тоҷикӣ бояд мақоми давлатӣ дошта бошад / М. Шукуров, Р. Амонов, Г. Сафиева, Ш. Рустамов, Р. Ғаффоров, Кӯҳзод, Л. Шералӣ, А. Сайфуллоев, Б. Тилавов / Тоҷикистони советӣ.–1988.–24 декабр.–С. 3
67. Як рӯки муқаддасоти миллӣ: Пешниҳод ва дархост оид ба ном ва номгузорӣ / Тоҷикистони советӣ.–1988.–28 декабр.–С. 177-188.
68. Забондӯстӣ ватандӯстӣ аст: Сухбати рӯзноманигор Н. Амонбоев бо шоир Л. Шералӣ / Машъал.–1989.–№3.–С. 8-9.
69. Ақлҳоро ақлҳо ёрӣ диҳад: Сухбат дар идораи “Тоҷикистони советӣ” оид ба масъалаи забони рӯзнома / Тоҷикистони советӣ.–1988.–19 январ.
70. Шамъ агар оташ набинад: Мусоҳиба бо сармуҳаррири журнали “Садои Шарқ” Л. Шералӣ оид ба сифату барориши мақолаҳои маҷалла / Мусоҳиб Ҳ. Муҳаммадиев / Адабиёт ва санъат.–1988.–15 сентябр.–С. 13.
71. Шиносномаи миллат: Забони мо – сарвати мо: Онро покиза дорем эҳтиром кунем! / Газетаи муаллимон.–1988.–3 декабр.–С. 7
72. Боз як соли ғаму шодӣ гузашт: Сухбати А. Сангин бо Л. Шералӣ / Тоҷикистони советӣ.–1989.–1 январ.–С. 3.
73. Гахвора мечунбад... Дар бораи Шарора / Литературная газета.–1989.–2 феврал; Адабиёт ва санъат.–1989.–16 феврал.–С. 4.

74. Ба садои дилу имони халқ гӯш бояд дод: Мусоҳиба бо Депутати халқи СССР Л. Шералӣ / Мусоҳиб Л. Қурбон / Зарафшон.–1989.–14 март
75. Перомуни лоиха / Л. Шералӣ, С. Турсун, Ҷ. Ақобиров, Баҳманёр, М. Сайдар, К. Шукрулло, Н. Салим ва дигар ходимони маҷаллаи “Садои Шарқ”/ Адабиёт ва санъат.–1989.–29 июн.–С. 2
76. Шоҳидон садо мекунад: Ба муносибати 40-солагии ғочиа дар Ҳоит / Л. Шералӣ, Б. Собир, З. Нозим, Ҷ. Ақобир, М. Сайдар / Тоҷикистони советӣ.–1989.–12 июл.–№160(72841).–С. 4.
77. “Ҳар он кас, ки Шоҳномагонӣ кунад”: Сухбати Ҳ. Азиз бо Л. Шералӣ, А. Маниёзов, Н. Яздон, И. Насриддин, Б. Собир дар бойгонии Радиои Тоҷикистон / Адабиёт ва санъат.–1989.–26 октябр
78. Раҳим Ҷалил / Адабиёт ва санъат.–1989.–12 октябр.–№41.–С. 16.
79. Шоири худрӯй: Пешгуфтор.–Салими Зарафшонфар. Хунбаҳо.–Душанбе: Адиб, 1990.–С. 3-4.
80. Ҳикмат Ризо / А. Додобоев, Ш. Шабдолов, О. Латифӣ, У. Усмонов, Д. Ашӯров, Р. Амонов, М. Қаноатов, М. Муҳаббатшоев, М. Миршакар, Г. Сафиева, Н. Табаров, С. Улуғзода, Л. Шералӣ ва диг. / Адабиёт ва санъат.–1990.–8 феврал.–№6.–С. 15.
81. Кӣ гуфт моро, ки бародар наем? Номаи кушод ба арманиҳои муқими Тоҷикистон ва мардуми Арманистон / М. Миршакар, Л. Шералӣ, С. Улуғзода ва дигарон / Ҷавонони Тоҷикистон.–1990.–23 феврал.–№23.–С. 4
82. Ҷадидия ва дурнамои таърих: Сухбати мизгирдӣ дар идораи маҷаллаи “Садои Шарқ” бо иштироки Л. Шералӣ, М. Шукуров, А. Абдуманнонов, Ғ. Ашӯров, Р. Ҳодизода, М. Диноршоев, И. Шарифов // Садои Шарқ.–1990.–№3.–С. 129-139.
83. Овози моро ҳам шунавед: Ҷавоб ба мақолаи А. Кружилин “Овози моро бишнавед!” / Д. Худоназаров, Г. Сафиева, И. Сафаров, Л.

- Шералӣ ва диг. (аз русӣ тарҷумаи С. Аюб) / Адабиёт ва санъат.–1990.–12 апрел.–№15.–С. 4.
84. Бародару баробар бошем (Муроҷиатнома ба роҳбарони ҳизбию шӯравии Ҷумҳурияти Ўзбекистон, вилояти Самарқанд, сарварони ҷабҳаи миллии Бирлик ва Ҳизби “ЭРК” дар бораи фишороварӣ ба тоҷикони Самарқанд ва гуруснанишинии Ҳаёт Неъмат) / М. Шукуров, Р. Амонов, Л. Шералӣ, Т. Абдуҷаббор, А. Аҳмадҷонзода / Сухан.–1990.–Май.–№4.–С. 6.
85. Муборак бод ин рӯзу ҳама рӯз / Адабиёт ва санъат.–1990.–19 июл.–№29.–С. 2.
86. Самари ҳиммати соҳибзабонон / Сомон.–1990.–19 август.
87. Рӯзгори васли худро чӯем / Паёми Душанбе.–1990.–23 октябр.
88. Ҷудо шавем ё ба ҳам оем? / Тоҷикистони советӣ.–1990.–24(28) октябр.
89. Номаи кушода ба узви Бюрои сиёсии ҲКИШ, ба муншии аввали КМ ҲК Тоҷикистон, раиси Шӯрои Олии РСС Тоҷикистон Қ. М. Маҳкамов / М. Миршакар, Ҷ. Икромӣ, Ф. Ниёзӣ, Л. Шералӣ ва диарон / Адабиёт ва санъат.–1990.–1 ноябр.–№44(637).–С. 1.
90. Ҷонибек Қувноқов / Лоиқ, И. Насриддин, С. Маъмур, Д. Даврон, Қ. Шарифзода, Гулназар / Адабиёт ва санъат.–1990.–15 ноябр.–№46.–С. 4.
91. Ҷони халқ: Мусоҳибаи Э. Субҳонзод бо Л. Шералӣ / Садои мардум.–1991.–18 март.
92. Пойтахтро чеҳраи миллӣ мебояд: Сухбат бо шоир Лоиқ Шералӣ оид ба тараққии иқтисодӣ ва иҷтимоии шаҳри Душанбе / Сухбатнигор К. Мӯсо.–Паёми Душанбе.–1991.–12 апрел.
93. Ало, шеърӣ Аҷам, фардо маро ту зинда хоҳӣ дошт: Мусоҳибаи Ҷ. Солеҳ бо Л. Шералӣ / Ҷавонони Тоҷикистон.–1991.–11 май.
94. Марде дар роҳи ҷовидон: Мусоҳибаи А. Солеҳиён бо Л. Шералӣ / Садои мардум.–1991.–17 май.

95. Ваҳдат ё ваҳшат / М. Қаноат, Л. Шералӣ, С. Улуғзода, Бозор Собир, М. Шукуров / Тоҷикистони шӯравӣ.–1991.–3 июл.–С. 3.
96. Мероси ҷовидон: Дар бораи нашрияи “Сомон” / Сомон.–1991.–19 июл.
97. Мурочиатномаи адибони тоҷик / Л. Шералӣ, А. Ҳаким, У. Раҷаб, Сорбон, Кӯҳзод, С. Турсун, М. Бахтӣ, Гулназар, А. Истад, Р. Назрӣ, Ҷ. Ҳошимӣ, Б. Пшеничний, Н. Асадулло, А. Ҳамдам, Ш. Ҳаниф / Адабиёт ва санъат.–1991.–3 октябр.–№40(721).–С. 1.
98. Ишқи Эрон бузург аст: Сухбат дар Бунёди забони форсӣ-тоҷикӣ / Сомон.–1991.–6 ноябр.–№16.–С. 1, 3.
99. Раиси ҷумҳур бояд одил бошад: Мурочиати садорати Бунёди забони форсӣ-тоҷикӣ ва Кумитаи истилоҳоти ҷумҳурӣ ба мардуми Тоҷикистон ба дастгирии номзад Д. Худоназаров барои раиси ҷумҳурӣ / Л. Шералӣ, М. Шукуров, Ғ. Ашӯров, Ю. Акбаров, П. Ҷамшед, В. Самад, Д. Дӯст, Ӯ. Холиқназар ва диг. / Сомон.–1991.–8 ноябр.–№17
100. Тайёраи Эронро фурудгоҳи Душанбе напазируфт. Чаро? Ба раисҷумҳур ҷаноби Р. Набиев ва раиси Шӯрои Олӣ ҷаноби С. Кенчаев / М. Шукуров, Гулрухсор, Л. Шералӣ, Н. Табаров ва дигарон / Ҷумҳурият.–1992.–28 март.–С. 2; ҳамч.: Ҷавонони Тоҷикистон.–1992.–31 март.–С. 1.
101. Ба Раиси ҷумҳур, Сарвазир, роҳбарони аҳзоби сиёсӣ ва созмонҳои мардумӣ: Дар бораи вазъияти сиёсии кишвар / У. Раҷаб, Гулрухсор, Лоик, Ӯ. Кӯҳзод, Ӯ. Ҷамол, Сорбон, Гулназар, А. Абдуманнон, А. Самад, С. Маъмур, А. Муродӣ, А. Истад, Б. Шакурӣ, Баҳманёр / Адабиёт ва санъат.–1992.–Май.–С. 1.
102. Ба Раиси Ҷумҳурии Тоҷикистон мухтарам Раҳмон Набиев: Дар бораи мусоидат ба китобфурӯшии тоҷикӣ дар Самарқанд / Р. Амонов, М. Шукуров, А. Мухторов, Э. Нӯъмонов, Ҳ. Мансуров, Н. Неъматов, Р. Масов, А. Маниёзов, М. Диноршоев, Р. Ғаффоров,

- Р. Ҳодизода, А. Афсаҳзод, М. Қаноат, Л. Шералӣ / Адабиёт ва санъат.– 1992.–27 феврал.–№9.–С. 1.
103. Пора кунем ё чора кунем / Адабиёт ва санъат.–1992.–28 май.– №22(755).–С. 4-5; ҳамч.: Сомон.–1992.–15 май.–С. 1, 6, 7.
104. Нанг дар домани таърих, хун дар домани миллат...: Мусоҳибаи нависанда ва рӯзноманигор Р. Рабизод бо Л. Шералӣ / Ҷавонони Тоҷикистон.–1992.–25 август; ҳамч.: Ғаффоров У. Лоиқ Шералӣ: Нашри нав бо таҳриру иловаҳо.–Душанбе: Адиб, 2012.–С. 133-134.
105. Бунёди забон дар бистари замон: Маърузаи раиси Бунёди забони форсии тоҷикӣ, шоир Лоиқ Шералӣ) / Сомон.–1992(1996).–9(8) октябр.–№31(55).–С. 1-2.
106. Ба Раиси Ҷумҳури Тоҷикистон, Раиси Шӯрои Олии Тоҷикистон: Номаи саркушода дар бораи М. Шакурӣ, зарурати нашри осори ӯ, лузуми тақдир шудани ӯ бо Ҷоизаи Рӯдакӣ ва ғ. / Л. Шералӣ, Гулрухсор, Ш. Рустамов, А. Сатторов, А. Турсон, В. Самад, Р. Мусулмониён ва диг. / Сомон.–1992.–3 январ.–№25.–С. 2.
107. Марг ҳаёт аст, ҳаёт аст марг: Пешгуфтор.–Санги мазор: Байтҳо дар бораи санги гӯрҳо ва мақбараҳо / Гирдоваранда ва муаллифи сарсухан Л. Шералӣ.–Душанбе: Адиб, 1993.–С. 3-8.
108. Суханронӣ дар маҷлиси садорати Иттифоқи нависандагони Тоҷикистон / Адабиёт ва санъат.–1993.–11 март.– №11(759).–С. 6.
109. Раҳим Ҳошим / Сомон.–1993.–6 ноябр.–№8(65).–С. 8.
110. Олим он кас бувад, ки бад накунад... Ё худ дурӯғ торикии имон аст / Л. Шералӣ, Р. Амонов, Р. Масов, Н. Неъматов, Ӯ. Холиқназар, Ю. Акбарзода / Нидои ранҷбар.–1994.–12-17 март.–№9–С. 3.
111. Таҳқиқгари ҷаҳони маънавӣ ва одамият (Дар бораи М. Шукуров) / М. Қаноат, Л. Шералӣ, М. Диноршоев, Ғ. Ашӯров, З. Абдулло, Ҷ. Азизкулов, У. Султонов, Ю. Акбарзода, Қ. Восеъ / Ҷумҳурият.– 1994.–9 июл.

112. Соҳиби ин забон кист? / М. Қаноат, М. Шукуров, Р. Амонов, Л. Шералӣ, А. Мухторов, А. Турсунзод, Ғ. Ашӯров, Ю. Ёқубов, Ю. Акбарзода, М. Муҳаббатшо / Ҷумҳурият.–1994.–3 сентябр.–С.3, 4
113. Сухане дар бораи ин китоб (Пешгуфтор).–Масов Р. Таърихи тоҷикон бо муҳри “Комилан сиррӣ”: Бахше аз таърихи ғошнашудаи тоҷикон дар аввалҳои қарни ХХ.–Душанбе: Дониш, 1996.–С. 5-11
114. Озодии инсон ва софии ахлоқии он: Пешниҳоди романи “Бандии озод”-и Ёрун Кӯҳзод ба Ҷоизаи давлатии ба номи Абӯабдуллоҳи Рӯдакӣ / Л. Шералӣ, М. Шукуров, Р. Масов, Р. Амонов, Ю. Акбарзода / Садои мардум.–1996.–17 апрел.
115. Бонӣ ва рамзкушои осори шифоҳии халқ / Л. Шералӣ, М. Осимӣ, Ю. Акбарзод / Садои мардум.–1996.–6 июл.
116. Лоиқ бо ватану дар ватан мемонад: Мусоҳибаи А. Сагтор, О. Қодир, И. Азим, С. Мизроб бо Л. Шералӣ / Ҷархи гардун.–1996.–7 июл.
117. Ахтари саъд ёри мо омад: Сухбати корманди радиёи Ёзбекистон Ш. Салимов бо Л. Шералӣ / Овози тоҷик.–1997.–17 май.
118. Ёде аз Муҳиддин Олимпур.–Муҳиддин Олимпур – бинишвари тоҷик.–Лондон: Интишороти бахши форсии Би-Би-Си.–Душанбе: Конуни байналмилалии Олимпур, 1997.–С. 23-24.
119. Вуруде ба боргоҳи ин китоб.–Шакурӣ М. Хуросон аст ин чо!.–Душанбе: Оли Сомон, 1997.–С. 5-15
120. Биё, то зи бедод шӯем даст / М. Шакурӣ, Л. Шералӣ, Р. Амонов, Р. Масов, В. Самад, Ё. Кӯҳзод // Адаб.–1997.–№7-9.–С. 3-7
121. Ёди кандуи асал: Дар бораи Қутбиддин Раззоқов.–Ҷавонӣ шамъи роҳ кардам, ки чӯям зиндагониро...: Ёднома.–Панҷакент, 1997.
122. Дар хошияи “Фарёди солҳо”.–Марди Худо: Дар бораи китоби Б. Каримов.–Марди роҳ.–Москва: Трансдорнаука, 1998.–С. 93-95.
123. Таҳқиқоти тоза дар сомониносӣ: Тақризи ба китоби С. Абдуллоев “Амир Исмоили Сомонӣ” / Р. Масов, Л. Шералӣ, А. Раҷабов / Ҷунбиш.–1998.–Сентябр.–№19(29).–С. 4.

124. Шарикчашни Сомониён / Ҷ. Кӯҳзод, Л. Шералӣ / Ҷунбиш.–1999.–Феврал.–№4.–С. 8.
125. Замони шеърғӯй нест: Муҳовара бо Шоири халқии Тоҷикистон, барандаи Ҷоизаи байналмилалӣ «Нилуфар» Лоиқ Шералӣ / Адабиёт ва санъат.–1999.–10 июн (фишурдаи тарҷума аз “Литер. Евразия”.–1999.–№6).
126. Имкони сар даровардани пантуркизм бояд пешгирӣ шавад / М. Шакурӣ, М. Қаноат, Л. Шералӣ, Р. Масов, В. Самад, Ҷ. Кӯҳзод, М. Ансор, М. Муҳаббатшоев, Н. Қосим / Ҷунбиш.–1999.–Август.–№16(51).–С. 2.
127. Сухбати мардона: Мусоҳибаи телевизионии Ҷ. Азиз бо Л. Шералӣ / Телевизиони Тоҷикистон, 1999.–Дар кит.: Мухлиси Лоиқ Шералӣ – Алӣ Бароти Истаравшанӣ.–Истаравшан, 2008.–С. 23-28; ҳамч.: Гаффоров У. Лоиқ Шералӣ: Нашри нав бо таҳриру иловаҳо.–Душанбе: Адиб, 2012.–С. 288-314.
128. Навои ошно, гуфтори маҳбуб: Доир ба як барқияи шодбоши Раиси Ҷумҳури Озарбойҷон Ҳайдар Алиев ба чашни 1100-солагии Сомониён ва арзи сипоси олимону адибони тоҷик / М. Шакурӣ, М. Қаноат, Л. Шералӣ, А. Сатторзода, Р. Масов, В. Самад, М. Ансор / Садои мардум.–2000.–7 январ.–№2.–С. 3.
129. “Мову ту дар шоирӣ чон медиҳем”: Мусоҳибаи Ҷ. Азиз бо Лоиқ // Садои Шарқ.–2001.–№1-6.–С. 114-121.
130. Ду мактуби устод Лоиқ // Садои Шарқ.–2006.–№5.–10-11.
131. Сухбати марди Худо мардат кунад: Мусоҳибаи Ҷ. Азиз бо Л. Шералӣ / Миллат.–2006.–18 май.–№19(37).–С. 12-15.
132. Ҷӯро дӯст медоштам (Ёде аз шоир Ҷоиб Сафарзода) // Садои Шарқ.–2010.–№2.–С. 111.
133. Захираҳои меҳнатӣ ва эҷодӣ дар хизмати панҷсола / Адабиёт ва санъат.–2012.–26 апрел.

134. Саволу ҷавоб бо Лоиқ Шералӣ.–Ғаффоров У. Лоиқ Шералӣ: Нашри нав бо таҳриру иловаҳо.–Душанбе: Адиб, 2012.–С. 314-317.
135. Дар бораи мақоми бузурги китоб: Фишурдаи суҳбати Л. Шералӣ дар Ҷамъияти китобдӯстони вилояти Ленинобод.–Ғаффоров У. Лоиқ Шералӣ: Нашри нав бо таҳриру иловаҳо.–Душанбе: Адиб, 2012.–С. 320-321.
136. Суханрони Лоиқ Шералӣ дар маҷлиси ҳавзаи интиҳоботи №731-и Ёротеппа (18 февралӣ соли 1989).–Ғаффоров У. Лоиқ Шералӣ: Нашри нав бо таҳриру иловаҳо.–Душанбе: Адиб, 2012.–С. 329-330.
137. Ҷамъабонро пайванд зарур аст / М. Миршакар, Ҷ. Икромӣ, Ф. Ниёзӣ, М. Шукуров, Р. Амонов, Л. Шералӣ, А. Ҳаким, С. Турсун, К. Айнӣ, У. Раҷаб, С. Маъмур / Адабиёт ва санъат.–1989.–19 январ.–№31.–С. 1.
138. Шаҳри ҷовидонӣ ва орзуҳои ҷовидонӣ (дар бораи Душанбе).–Аз бойгонии Лоиқ Шералӣ.
139. Ҷустуҷӯи роҳ (дар бораи Камол Насрулло).–Аз бойгонии Лоиқ Шералӣ.
140. Тӯшаи шоир барои фардо (дар бораи Ҷонибек Қувноқов).–Аз бойгонии Лоиқ Шералӣ.
141. Торҳои гусаста ва пардаҳои нав (дар бораи созандаи асбобҳои мусиқӣ).–Аз бойгонии Лоиқ Шералӣ.
142. Резаборон (пешгуфтор ба “Резаборон”).–Аз бойгонии Лоиқ Шералӣ.
143. Парастииш ва ниёиши гул.–Аз бойгонии Лоиқ Шералӣ.
144. Мақолаи беном (баъди моҳи мартӣ соли 1976).–Аз бойгонии Лоиқ Шералӣ.
145. Мақолаи беном (соли таълиф тахминан 1986).–Аз бойгонии Лоиқ Шералӣ.
146. Дар соҳили рӯди зиндагӣ (соли таълиф тахминан 1986).–Аз бойгонии Лоиқ Шералӣ.

147. Ба мардуми сарбаланди Мастчоҳ / Б. Раҳимзода, Л. Шералӣ.–Аз бойғонии Лоиқ Шералӣ.
148. Ба КМ ПК Тоҷикистон.–Аз бойғонии Лоиқ Шералӣ.
149. Мақолаи беном ба забони русӣ (1974).–Аз бойғонии Лоиқ Шералӣ.
150. Пешгуфтор (ба китоби Эрон) 1993.–Аз бойғонии Лоиқ Шералӣ.
151. Китоби аввалини ман (1984).–Аз бойғонии Лоиқ Шералӣ.

на русском языке

152. Четыре стихии стиха / Литературная газета.–1977.–13 июля.–№28.
153. Моя первая книга.–В мире Есенина.–Москва: Советский писатель, 1986.–С. 111-
154. Мы дети своего времени: Беседа с Л. Шерали / Записала Н. Пак / Курган-Тюбинская правда.–1987.–2 июня.
155. Выступление на пленуме правления Союза писателей СССР / Литературная газета.–1988.–9 март.–С. 8; ҳамч.: Сухани Лоиқ Шералӣ / Адабиёт ва санъат.–1988.–17 март.–№11(536).–С. 2.
156. Вслушаемся в песнь Рудаки: Беседа Л. Бабаяна с Л. Шерали // Таджикистан.–1990.–№1.–С. 11-12.
157. Дружба не приносит вреда: Беседа с таджикским поэтом Л. Шерали / Записал Л. Хайдаров / Ўзбекистон адабиёти ва санъати.–1989.–24 феврал.
158. Слово о новой книге (Предисловие).–Масов Р. Таджики: История с грифом “Совершенно секретно”.–Душанбе: Пайванд.–1996.–С. 3-9; ҳамч.: Масов Р. Таджики: История национальной трагедии.–Душанбе: Ирфон, 2008.–С. 211-217.
159. Благодарность Богу, судьбе.–Дар маҷм.: Убайд Раҷаб. То ҳаст оламе, то ҳаст одаме / Мураттибон И. Убайдзода, Ҷ. Ҳошимӣ.–Душанбе: Бухоро, 2012.–С. 434-435.

на арабской графике

160. شاعر عالم و آدمديده. -ميرزا تورسونزاده. گلچين اشعار/با كوشش و اهتمام كمال عيني و لايق شيرعلى/ك. عيني، ل. شيرعلى. -مسكو: اداره نشریات “پراگريس”، 1981. -س. 3-12.

161. پیام بنیاد زبان فارسی تاجیکستان به خوانندگان و سردبیر مجله "کلک" // کلک. -1370=1991. -
آذر. شماره 21. -س. 39-40.
162. زبان، تاریخ و تبار مشترک: مصاحبه م. مگی با لایق. شیرعلی // کلک. -
1371=1992. شماره 28. -س. 201-206؛ همچ. : زرافشان. -2001. -20 می .
163. سنت رباعیسرای را احیا باید کرد/پیوند. -1992. -ش 12.
164. جایزه مولوی // کلک. -1370=1992. شماره 22. -س. 78-88.
165. شاعری از پنجکنت/لایق شیرعلی در صحبت با مهدی جامی/بی-بی-سی. -لندن، 1997

II. Научно исследовательская литература

на таджикском языке

166. Абдулов К. Лоики миллат / К. Абдулов.-Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 2001.-194 с.
167. Абдусаттор А. Лоик ва суннати рубоисароӣ: Асрори шеъри марғуб / А. Абдусаттор.-Душанбе: Адиб, 2005.-С. 48-56.
168. Адибони ноқид: Маводи дувумин хонишҳои Варзоб «Муаммоҳои нақди нависанда».-Душанбе: Дониш, 1990.-300 с.
169. Азимов А. Воқеияти зиндагӣ ва матбуоти тоҷик / А. Азимов.-Душанбе: Сино, 2000.-186 с.
170. Азимов А. Публицистика ва замони муосир / А. Азимов.-Душанбе: Шарқи Озод, 2004.-138 с.
171. Акбарзода Ю. Нубуғи шоир ва булуғи шеър / Ю. Акбарзода.-Хучанд, 2013.-219 с.
172. Асозода Х. Адабиёти тоҷик дар садаи XX / Х. Асозода .-Душанбе: Маориф 1999.-448 с.
173. Асозода Х. Таърихи адабиёти навини тоҷик / Х. Асозода .-Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2014.- 672 с.
174. Аъзамзод С. Адабиёт ва маърифати нақд (Масъалаҳои шинохти таърихи адабиёт ва нақди адабии тоҷикии садаи бист): Маҷмуаи мақолаҳо / С. Аъзамзод .-Хучанд: Анис, 2012.-200 с.
175. Аюбзод С. Сад ранги сад сол: Тоҷикон дар карни бистум С. Аюбзод .-Прага: Пост скриптур имприматур, 2002.-350 с.

176. Бақозода Ҷ. Андеша ва чехраҳои адабӣ / Ҷ. Бақозода.–Душанбе: Адиб, 2005.–180 с.
177. Бариева М. «Савтҳои форсӣ» ва афкори адабии тоҷик / М. Бариева.–Душанбе: Деваштич, 2007.–50 с.
178. Бобоев Ю. Эстетика ва қадамҳои насру назми тоҷик / Ю. Бобоев.–Душанбе: Адиб, 1988.–608 с.
179. Гулназар. Лоике чун Лоике / Гулназар.–Душанбе: Сурушан, 2000.–82 с.
180. Гафуров Б. Тоҷикон, таърихи қадимтарин, қадим ва нав / Б. Гафуров.–Душанбе: Ирфон, 1985.–Ҷилди 2.–500 с.
181. Гаффоров У. Лоик Шералӣ: Нашри нав бо таҳриру иловаҳо / У. Гаффоров.–Душанбе: Адиб, 2012.–514 с.
182. Гаффоров У. Дурдона ва дарё / У. Гаффоров.–Хучанд: Ношир, 2014.–164 с.
183. Давронов А. Адабиёт ва замон: Масъалаҳои равобити адабӣ ва тарҷумаи бадеӣ / А. Давронов .–Душанбе: Ирфон, 1996.–54 с.
184. Давронов А. Адабиёт ва маърифати инсон / А. Давронов.–Душанбе: Статус, 2006.–304 с.
185. Давронов А. Нақди адабӣ ва равандҳои адабиёт (Маҷмӯаи мақолаҳо) / А. Давронов.–Душанбе: Шаҳпар, 2012.–260 с.
186. Дарси хештаншиносӣ: Маҷмӯаи мақолаҳо. Дар ду китоб.–Душанбе: Ирфон, 1989, 1990.–272+400 с.
187. Достиев А. Истиқлолияти Тоҷикистон ва сабақҳои таърихии он / А. Достиев.–Душанбе: Матбуот, 2005.–240 с.
188. Карим Б. Ҷасорати шоир / Б.Карим.–Москва: Трансдорнаука, 2001.–190 с.
189. Каримов Б. Фарёди солҳо / Б.Карим.–Москва: Трансдорнаука, 1997.–1104 с.

190. Лоикнома: Маҷмӯаи шеърҳо, ёддоштҳо ва мақолаҳо / Мурағтиб ва муҳаррир А. Сайфуллоев.–Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Чалил, 2001.–104 с.
191. Маниёзов А. Публитсистика ва назми устод С. Айнӣ / А. Маниёзов.–Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1958.–152 с.
192. Марсияи Хуршед. Таҳия, танзим ва виростории Ориёнфар (Сафар Абдулло). Нашри дувум тасҳеҳ ва такмилшуда ба забонҳои тоҷикӣ ва русӣ.–Маскав, 2001.–352 с.
193. Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20-90-уми садаи XX. Китоби 3. Баҳс дар атрофи масоили мубрами ҳусни калом. Ҷилди 2 (солҳои 80-90) / Таҳия ва танзими Т. Ваҳҳобов, Д. Бобочонова.–Хучанд: Нури маърифат, 2013.–404 с.
194. Масоили сохтмони забони тоҷикии адабӣ дар солҳои 20-90-уми садаи XX. Китоби 4. Мубоҳиса дар атрофи мақоми давлатии забони тоҷикӣ (солҳои 80-90) / Таҳия ва танзими Т. Ваҳҳобов, Д. Бобочонова.–Хучанд: Меъроҷ, 2014.–592 с.
195. Мирзоюнус М. Ҷамзоди тӯфон. Аз силсилаи «Хубони порсигӯ» / М. Мирзоюнус.–Душанбе: Адиб, 2007.–256 с.
196. Мирзоюнус М. Адабиёти миллӣ ва муколамаи фарҳангҳо: Маҷмӯаи мақолаҳо / М.Мирзоюнус.–Хучанд: Ношир, 2015.–516 с.
197. Муталлибов Р. Номаи ҳудогоҳӣ ва худшиносии миллӣ / Р. Муталлибов .–Хучанд: Меъроҷ, 2011.–160 с.
198. Муродов М. Аз замон то замон (Нигоҳе ба публитсистикаи тоҷик) / М. Муродов.–Душанбе: Шӯҷоиён, 2010.–248 с.
199. Муродӣ М. Тақриз ҳамчун жанр / М. Муродӣ.–Душанбе: Ирфон, 1999.–48 с.
200. Мусулмонқулов Р. Назарияи ҷинсҳо ва жанрҳои адабӣ / Р. Мусулмонқулов.–Душанбе: Маориф, 1987.–88 с.

201. Мусулмониён Р. Назарияи адабиёт. Китоби дарсӣ барои факултаҳои филологияи мактабҳои олии / Р. Мусулмонқулов.–Душанбе: Маориф, 1990.–336 с.
202. Мухторов А. Мукотиба, хотира, аснод / А. Мухторов.–Душанбе: Деваштич, 2003.–192 с.
203. Нарзикул М. Фурӯғи ҳастӣ (зиндагинома, баррасӣ ва нақди ашъори Лоик) / М. Нарзикул.–Душанбе: Адиб, 2002.–120 с.
204. Нурзод Н. Парниёни сабзи андеша: Маҷмӯаи мақолаҳо дар нақди адабиёти муосир / Н. Нурзод.–Хучанд: Меъроҷ, 2014.–308 с.
205. Ориёнфар (Сафар Абдулло). Шаранги андух / Ориёнфар.–Москва: Нашр. «Гуманитария»-и Академияи илмҳои гуманитарӣ, 2001.–288 с. 2001.–40 с.
206. Раҳмонов Ш. Таҳқиқ ва нақд / Ш. Раҳмонов.–Душанбе: Адиб, 2005.–258 с.
207. Раҳмонов Э. Тоҷикон дар оинаи таърих: Аз Ориён то Сомониён / Э. Раҳмонов.–Лондон, бе зикри сол.
208. Раҳмонов Э. Истиқлолияти Тоҷикистон ва эҳёи миллат. Ҷилди 5 / Э. Раҳмонов.–Душанбе: Ирфон, 2005.–560 с.
209. Раҷабӣ М. Таърихи танқид ва адабиётшиносӣ (Асосҳои назариву эстетикӣ ва адабиёти тоҷикӣ марҳалаи якум. Солҳои 1920-1954) / М. Раҷабӣ.–Душанбе: Адиб, 1997.–208 с.
210. Раҷабӣ М. Ба фикри ман: Тамоюлҳои адабиёти ҳозира бо нигоҳе ба дирӯзу имрӯзи нақд / М. Раҷабӣ.–Душанбе: Деваштич, 2003.–С. 156-167.
211. Саидзода Ҷ. Дунёи шеърӣ Лоик / Ҷ. Саидзода.–Душанбе: Бухоро, 2013.–139 с.
212. Сайфуллоев А. Фурӯғи маънавият / А. Сайфуллоев.–Хучанд: Нашриёти давлатӣ ба номи Раҳим Ҷалил, 2003.–616 с.

213. Сайфуллоев А. Уфукҳои тозаи наср. Нашри дувум бо таҳрир ва такмил дар се мучаллад / А. Сайфуллоев.–Душанбе: Адиб, 2012.–Ҷилди 1.–479 с.–Ҷилди 2.–509 с.–Ҷилди 3.–445 с.
214. Сатторзода А. Кухна ва нав (Дар шеър, нақд ва забон) / А. Сатторзода.–Душанбе: Адиб, 2004.–254 с.
215. Сатторзода А. Аз Рӯдакӣ то Лоик / А. Сатторзода.–Душанбе: Адиб, 2013.–176 с.
216. Сатторов А. Мӯъҷизаи шеър / А. Сатторзода.–Есенин С. Гулафшон (Шеърҳо. Савтҳои форсӣ. Достонҳо).–Душанбе: Ирфон, 1977.–С. 3-8.
217. Сатторов А. Нуқтаи пайванд (Баъзе масъалаҳои инкишофи шеър ва танқиди адабӣ) / А. Сатторов.–Душанбе: Ирфон, 1982.–240 с.
218. Саъдуллоев А. Публицистикаи Мирзо Турсунзода / А. Саъдуллоев.–Душанбе: Адиб, 1988.–112 с.
219. Саъдуллоев А. Хосияти адабиёт / А. Саъдуллоев.–Душанбе: Адиб, 2000.–254 с.
220. Солеҳов Ш. Адабиёт ва шинохти он: Маҷмӯаи мақолаҳо / Ш. Солеҳов.–Душанбе: Ирфон, 2009.–240 с.
221. Табаров С. Асосҳои назариявии танқиди адабӣ. Қисми сеюм / С. Табаров.–Душанбе, 1999.–240 с.
222. Тоҷик – тоҷдор, тоҷвар / Фароҳамоваранда Мирзо Шукурзода.–Душанбе: Адиб, 1990.–128 с.
223. Усмонов И. Таърихи журналистикаи тоҷик: Китоби дарсӣ барои донишҷӯёни факултети журналистика / И. Усмонов, Д. Давлатов.–Душанбе: Азия-Принт, 2008.–280 с.
224. Усмонов И. Назарияи публицистика / И. Усмонов.–Душанбе: Шарқи озод, 1999.–98 с.
225. Усмонов И. Журналистика. Ҷилди 1 / И. Усмонов.–Душанбе: Имперал-Групп, 2005.–480 с.
226. Усмонов И. Жанрҳои публицистика / И. Усмонов.–Душанбе, 2009.–140 с.

227. Хоҷаева М. Ровии армони халқ / Хоҷаева М.–Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 1991.–16 с.
228. Хоҷаева М. Дар ҷустуҷӯи ҷони сухан: Маҷмӯи мақолаҳо / М. Хоҷаева.–Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Раҳим Ҷалил, 1993.–80 с.
229. Ҳақимов А. Дар қаламрави сухан (Симои адибон) А. Ҳақимов.–Душанбе: Ирфон, 1982.–224 с.
230. Ҳамроев Ҷ. Таърихи танқиди адабӣ / Ҷ. Ҳамроев.–Душанбе: Ирфон, 2006.–436 с.
231. Шакурии Бухорӣ М. Хуросон аст, ин ҷо! Маънавият, забон ва эҳёи миллии тоҷикон. Чопи аввал / М. Шакурии Бухорӣ.–Душанбе: Оли Сомон, 1997.–292 с.–Чопи дувум.–Душанбе: Дониш, 2009.–576 с.
232. Шакурии Бухорӣ М. Инсонгарии омӯзиш ва забони миллий / М. Шакурии Бухорӣ.–Душанбе: Чопхонаи «Пайванд», 2002.–148+154 с.
233. Шакурии Бухорӣ М. Нигоҳе ба адабиёти тоҷикии садаи бист / М. Шакурии Бухорӣ.–Душанбе: Чопхонаи «Пайванд», 2006.–456 с.
234. Шакурии Бухорӣ М. Абдураҳим Ҳоҷибоев ва исботи ҳастии маънавии тоҷикон.–Абдураҳим Ҳоҷибоев: Осор ва пайкор / Таҳияи матн, таҳқиқ, тавзеҳот ва таълиқоти Ҳоҷибоева Б., Мирзоюнус М., Аъзамзод С.–Хучанд: Ношир, 2010.–С. 5-50.
235. Шарифов Х. Сухан аз адабиёти миллий: Маҷмӯаи мақолаҳо / Х. Шарифов.–Душанбе: Чопхонаи «Пайванд», 209.–476 с.
236. Шоири хуршеду дарё: Маҷмӯаи мақолаҳо доир ба эҷодиёти Лоик Шералӣ.–Хучанд: Ношир, 2011.–248 с.
237. Шукуров М. Паҳлуҳои тадқиқи бадеӣ: Баъзе масъалаҳои адабиёти ҳозираи тоҷик / М. Шукуров.–Душанбе: Ирфон, 1976.–273 с.
238. Шукуров М. Забони мо – ҳастии мост: Маҷмӯаи мақолаҳо / М. Шукуров.–Душанбе: Маориф, 1991.–232 с.

на русском языке

239. Абдуллаев М. Проблемы эволюции национальной идентичности в таджикской публицистике (конец XIX-первая половина XX веков). Автореф. диссер. на соис. уч. степ. докт. филол. наук / М. Абдуллоев. – Душанбе, 2011.–52 с.
240. Аслонова Н. Литературно-эстетические взгляды Садриддина Айни. Автореф. диссер. на соис. уч. степ. докт. филол. наук / Н. Аслонова. – Душанбе, 2011.–55 с.
241. Бариева М.Х. Роль и место Сергея Есенина в западно-восточном литературном синтезе («Персидские мотивы»). Автореф. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / М.Х. Бариева. – Душанбе, 2007.–22 с.
242. Гулмуродзода П. Публицистика и время / П. Гулмуродзода. – Душанбе: Сино, 2002.–128 с.
243. Давронов А. Зелёная книга времён (сборник статей) / А. Давронов. – Душанбе: Шахпар, 2012.–411 с.
244. Джумаев Ш. Литературно-критические взгляды Мирзо Турсунзаде. Автореф. диссер. на соис. уч. степ. канд. филол. наук / Ш. Джумаев. – Душанбе, 1986.–24 с.
245. Журналистика и литература / Под ред. Э. А. Лазаревича. – Москва: Издательство Московского университета, 1972.–289 с.
246. Журналистика и идеология. – Москва: МГУ, 1985.–184 с.
247. Касимов М. Публицистичность таджикской литературы периода Великой Отечественной войны. – Автореф. диссер. на соис. уч. степ. канд. филол. наук / М. Касимов. – Душанбе, 1984.–26 с.
248. Кулябин А. М. Литературно-критическая публицистика периода Великой Отечественной Войны (на материале творчестве К. Симонова, А. Толстова, И. Эренбурга). – Автореф. диссер. на соис. уч. степ. канд. филол. наук / А.М. Кулябин. – Вологда, 2009.–24 с.

249. Муродов М. Формирование жанра литературной рецензии в таджикской периодике 1920-1930-х гг. Автореф. диссер. на соис. уч. степ. канд. филол. наук / М. Муродов.–Душанбе, 1996.–26 с.
250. О публицистике и публицистах.–Ленинград: Изд. Ленинградского университета, 1964.–208 с.
251. Писатели-критики: Матер. научно-теоретической конференции “Проблемы писательской критики”.–Душанбе: Дониш,1987.–212 с.
252. Проблемы писательской критики: Сбор. науч. трудов.–Душанбе: ТГУ, 1987.–88 с.
253. Салимов О. Публицистика Мирзо Джалола Юсуфзода. Автореф. диссер. на соис. уч. степ. канд. филол. наук / О. Салимов.–Душанбе, 2003.–24 с.
254. Салихов Н. Проблемы формирования общественного сознания в таджикской публицистике периода государственного суверенитета Автореф. диссер. на соис. уч. степ. докт. филол. наук / Н. Салихов.–Душанбе, 2010.–52 с.
255. Суровцев Ю. И. О научно-публицистической природе критики.– Современная литературная критика. Вопросы теории и методологии / Ю. И. Суровцев.–Москва, 1967.–С. 15-52.
256. Хаётов Н. Лоик Шерали и его вклад в развитие таджикской поэзии второй половины XX века. Диссер. на соис. уч. степ. канд. филол. наук / Н. Хаётов.–Худжанд, 2011.
257. Хайдаров С. Бободжон Гафуров – публицист. Автореф. диссер. на соис. уч. степ. канд. филол. наук / С. Хайдаров.–Душанбе, 1998.–24 с.
258. Хамидова Н. Некоторые вопросы художественного перевода поэзии в современной таджикской литературе (на примере переводческой деятельности Лоика Шерали и переводов его поэзии на русский язык).–Диссер. на соис. уч. степ. канд. филол. наук / Н. Хамидова.–Худжанд, 2008.

259. Хамраев Дж. Таджикская литературная критика в 60-80-х годах XX века (самосознание критики, критика поэзии, критика прозы). Автореф. диссер. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук / Дж Хамраев.– Душанбе, 2006.–52 с.
260. Черепанов М. Проблемы теории публицистики / М. Черепанов.– Москва, 1973.
261. Шукуров М. Художественное исследование и публицистичность.– В книге: Художественные искания современной советской многонациональной литературы: Материалы II всесоюз. науч. конф / М. Шукуров.–Одесса, 1976.–С. 140-149.

на арабской графике

262. Бراهنى رضا. طلا در مس. در سه جلد/رضا براهنى. -تهران: فردوسى، 1371 .
263. شميسا سيروس. نقد ادبى. چاپ سوم/س. شميسا. -تهران: انتشارات «فردوس»، 1381. -392 س .
264. زرینکوب عبدالحسين. آشنایى با نقد ادبى. چاپ ششم/ا. زرینکوب. -تهران، 1380. -508 س .
265. شعر دوست على اصغر. تاريخ ادبيات نوين تاجيكستان/ا. شعر دوست. -تهران: شركت انتشارات علمى-فرهنگى، 1390. -622 س

III. Статья из книги, журнала и газета

на таджикском языке

266. Акбарзода Ю. Шеъри Мӯъмин Қаноат аз дидгоҳи Лоиқ Шералӣ / Ю. Акбарзода // Садои мардум.–2002.–15 август.
267. Акбарзода Ю. Номаҳои сияҳпӯш / Ю. Акбарзода / Омӯзгор.–2002.–27 сентябр.
268. Акбарзода Ю. Наврӯзи устод Лоиқ / Ю. Акбарзода / Адабиёт ва санъат.–2005.–17 март.
269. Акбарзода Ю. Таҳқиқгари мумтози шеър / Ю. Акбарзода // Садои Шарқ.–2006.–№11.–С. 133-142.
270. Акбаров Ю. Соҳиби ин забон кист? / Ю. Акбарзода / Озодагон.–2008.–№50.–С. 5.
271. Ақл ва адл: Аз силсилаи гуфтугуҳои Дорои Дӯст бо Акбари Турсон // Садои Шарқ.–2010.–№№3-5 (99-128, 109-139, 127-163)

272. Гулзод Ш. Сухбати сари роҳ бо устоди шодравон Лоиқ Шералӣ / Ш.Гулзод // Баҳори орзуҳо.–Душанбе: Деваштич, 2005.–С. 22-23.
273. Гулназар. Лоиқ ва часорати адабӣ / Гулназар // Баҳори Аҷам.–2000.–№4(20).–С. 6-7.
274. Ёдкадаи Лоиқ Шералӣ: 60-сол // Садои Шарқ.–2001.–№1-6.–С. 4-1
275. Маҳмудова Н. Лоиқ посдори забони тоҷикӣ / Н. Маҳмудова / Омӯзгор.–2009.–15 май.
276. Муродӣ А. Дастуре баҳри ҳудогоҳӣ (Дар бораи пешгуфтори Лоиқ ба китоби М. Шакурӣ “Хуросон аст, ин ҷо!”) / А.Муродӣ / Омӯзгор.–2002.–8 май.
277. Муродӣ А. Фидоии забони миллат (Дар бораи саҳми Лоиқ дар рушди забони модарӣ) / А.Муродӣ / Омӯзгор.–2007.– 18 май (№20)
278. Насриддинов Ш. Нодида ангоштан хато... (Андешаҳо перомуни мақолаи Лоиқ Шералӣ “Дар дуруҳа”) / Ш. Насриддинов / Тоҷикистони советӣ.–1988.–10 апрел.
279. Номае аз дӯст: Мактуби Сулаймон Лоиқ / Таҳия ва пешгуфтори С. Саидов / Адабиёт ва санъат.–2003.–14 ноябр.–№46(1184).–С. 6.
280. Норматов Д. Шеър ҳам бояд занад фавворае... (Охирин мубоҳисаи Лоиқ бо журналистон) / Д. Норматов / Нури зиндагӣ.–2009.–5 ноябр.
281. Сайфуллоев А. Баъзе мулоҳизаҳо оид ба жанри тақриз / А. Сайфуллоев / Тоҷикистони советӣ.–1961.–18 апрел.–№91.–С. 3, 4.
282. Сатторзода А. Наказ ба дилбари депутатам (Дар бораи як номаи Лоиқ аз хизмати ҳарбӣ) / А. Сатторзода / Тоҷикистон.–2006.–18 май.
283. Турсун Акбари Набиपुर. Аз кӣ мепурсӣ, ки даври рӯзгоронро чӣ шуд... / Т. А. Набиपुर / Омӯзгор.–2001.–20 июн-5, 16 июл.–№13(11290), №14(11291), №15(11291).
284. Умарова С. Лоиқ дар нигоҳи Гулназар / С.Умарова / Ҷавонони Тоҷикистон.–2008.–22 май.

285. Усмон И. Хусусияти муштаракӣ адабӣ ва матбуотии жанрҳои адабӣ-публиксистӣ / И.Усмон, Д. Чунбиш // Иҷтимоӣ улум.–Кобул.–1982.–№2.–С. 223-243.
286. Ҳаким А. Лоик Шералӣ / А. Ҳаким, М. Қаноат / Адабиёт ва санъат.–2000.–7 июл.
287. Ҳидоятзода И. Суханвари муҳаққиқ / И. Ҳидоятзода / Адабиёт ва санъат.–2004.–18 июн.–№25(1215).–С. 7.
288. Шакурӣ М. Лоик – шоири миллии тоҷикони Варорӯд / М. Шакурӣ, В. Самад / Садои мардум.–2001.–24 май.–№39(1312).–С. 1, 7.

Электронные ресурсы:

289. <http://ketabnak.com>
290. www.ganjoor.com
291. <http://www.fa.wikipedia.org>
292. <http://www.noormags.com>
293. <http://www.termcom.tj/>
294. www.rodon.org/fvi/vskip.htm